

Основана в 1999 году

НОВАЯ ПОЛЬША

ЛЮДИ

Релига
Хаданович

СЛОВА

Осецкая
Чудакова о Леме

ИДЕИ

Как Польша
вступала в ЕС

МЕСТА

Катовице

ОБРАЗЫ

Бексиньский

Варшава
2021

www.nowapolska.pl

Вся Польша в вашей ленте

Когда мы готовили к печати этот номер, нас настигла горькая весть — ушла из жизни Мариэтта Чудакова. Она была не только выдающимся литературоведом, но и моральным авторитетом для многих людей. Мне посчастливилось несколько раз общаться с Мариэттой Омаровной, когда она по нашему приглашению прилетала в Варшаву. В 2020 году мы издали на польском языке ее книгу о Булгакове. Для «Новой Польши» она написала свою последнюю статью — эссе о Станиславе Леме.

Пролистывая в эти дни ленту соцсетей, я вижу много публикаций о Чудаковой и вспоминаю слова польского поэта Яна Твардовского: «Спешите любить людей — они так быстро уходят». Спешите любить, спешите ценить, будьте благодарны...

Мы благодарны блестящему поэту и переводчику Андрею Хадановичу. Если бы не он, белорусски так прекрасно не звучали бы произведения польских классиков — Милоша, Мицкевича, Шимборской. Обязательно прочитайте интервью с ним.

В этом выпуске мы хотим напомнить о журналисте, белорусском поляке, политзаключенном Анджее Почобуте. Неслучайно его портрет занимает центральное место на обложке. Наш коллега личным примером дает ответ на вопрос, вынесенный в заглавие статьи «Каково быть поляком в Беларуси?», которую он написал до своего ареста.

Список тех, о ком сейчас важно помнить, пополнился нашими друзьями из «Мемориала» — организации, которая много лет стоит на страже свободы, прав человека, борется за историческую правду и память о жертвах сталинского террора. Станислав Ежи Лец писал, что сбежать легче всего через провалы в памяти (хочется добавить — сбежать от правды). Мы выражаем солидарность

с «Мемориалом» и надеемся, что власть не остановит его борьбу с провалами в памяти.

В Польше, разумеется, есть и своя работа с памятью. Мы рассказываем о ней — например, о польско-еврейских отношениях: от массового убийства в Едвабне до акций по спасению, организованных польским правительством в изгнании.

Конечно, в журнале вы найдете и много материалов о культуре: невероятные картины Здзислава Бексиньского, интервью с Никитой Кузнецовым — переводчиком книг нобелевского лауреата Чеслава Милоша, историю неоконченного стихотворения Збигнева Херберта об Осипе Мандельштаме.

Приятного и познавательного чтения!

Эрнест Выцешкевич

главный редактор «Новой Польши», директор Центра польско-российского диалога и согласия

Интервью с Александром Гурьяновым — главой Польской программы общества «Мемориал»

ЛЮДИ

4 • **Калиновский. Белорусский герой**

Январского восстания

Александр Смоленчук

12 • **Андрей Хаданович:**

Я был контрабандистом культуры

Наталья Ткачик

19 • **Збигнев Релига. Сердце польской**
медицины

Мариуш Гогуль

22 • **«Желание помогать людям у нас**
в крови». История семьи Скопцев

Евгений Климакин

Данил Соловей

29 • **Анита Влодарчик.**

Королева в метании молота

Антоний Цихий

ИДЕИ

32 • **Бюрократия во имя спасения.**
Интервью с Петром Длуголенцким
о польской дипломатии во время
Холокоста

Бартломей Гайос

40 • **Едвабне. Что привело к погрому?**

Павел Махцевич

47 • **Каково быть поляком в Беларуси?**

Анджей Почобут

51 • **«Это был наш национальный**
интерес». Интервью с Лешеком Есенем
о вступлении Польши в ЕС

Евгений Приходько

56 • **Эпоха клетчатых сумок**

Петр Липиньский

СЛОВА

60 • **Неоконченное стихотворение**
Збигнева Херберта об Осипе
Мандельштаме

Валерий Бутевич

67 • **Никита Кузнецов: «Милош писал**
лицом к реке, и я пытаюсь переводить
его лицом к реке»

Валентина Чубарова

73 • **Станислав Лем.**
Невозможное возможно

Мариэтта Чудакова

77 • **Агнешка Осецкая. Солнца к хлебу**

Магда Умер

82 • **«Ведь снилась тебе так мало,**
а всё же существовала...»

Агнешка Осецкая

МЕСТА

84 • **Вроцлав. Люди из-под земли**
Яна Карпенко

87 • **Моя Кампиноская пуща**
Кшиштоф Занусси

91 • **Молодое метро с долгой историей**
Якуб Ястшембский

97 • **Катовице. Не только шахтерский город**
Катажина Пилярская

ОБРАЗЫ

104 • **Мрачное творчество Здзислава Бексиньского. Интервью с Камилем Сливиньским**
Татьяна Кучинская

112 • **Следами забытых церквей**
Петр Дурак

117 • **Театр как рок-н-ролл**
Юрий Муравицкий

121 • **Мультипликационная пропаганда**
Лешек Талько

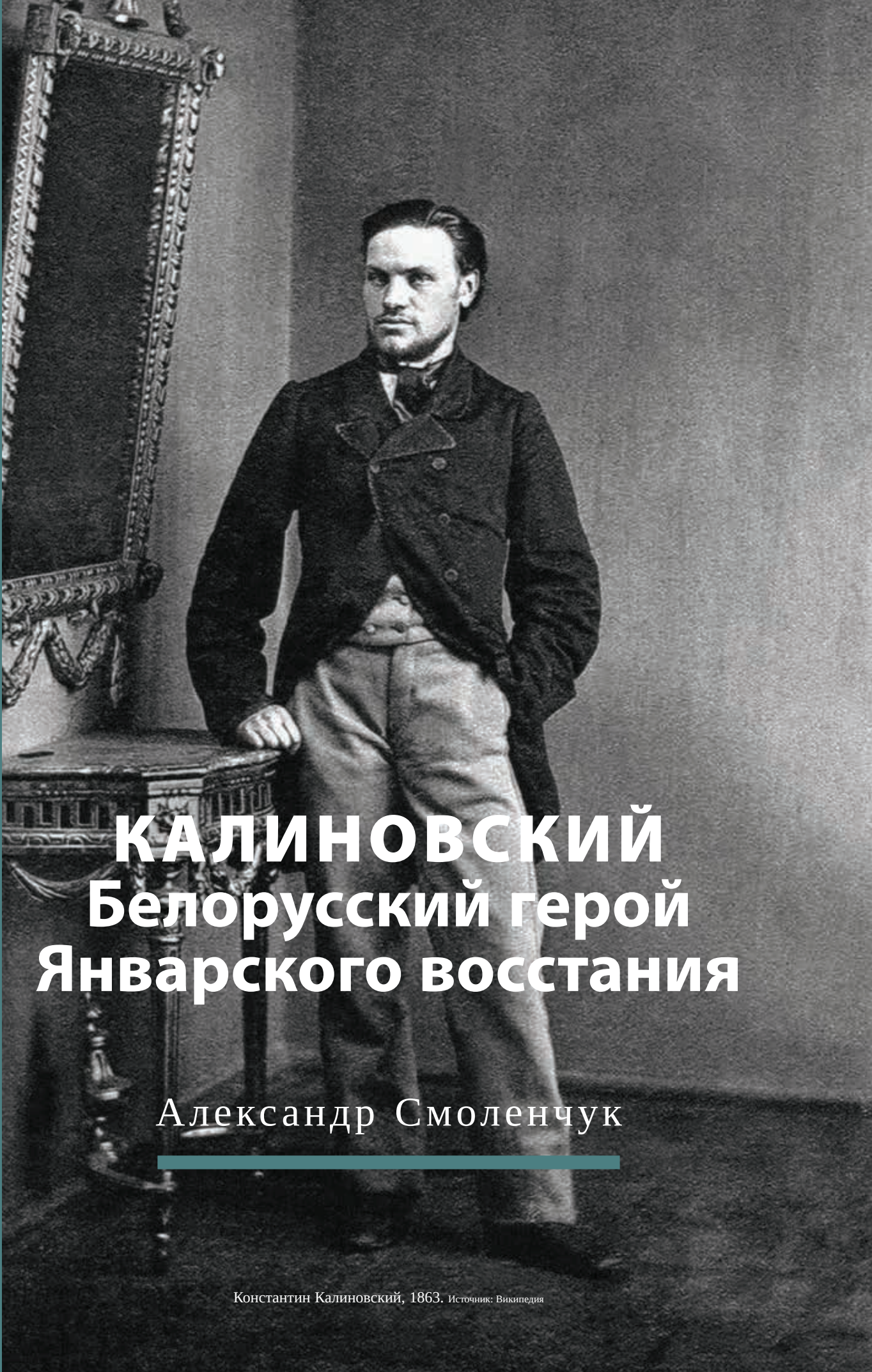
125 • **Рождество в польском кинематографе**
Лукаш Ясина

Редакция: «Новая Польша», ul. Jasna 14/16A, 00-041 Warszawa

Главный редактор: Эрнест Выцишкевич, **заместитель главного редактора:** Евгений Климакин, **секретарь редакции:** Дагмара Клосиньская, **научный консультант:** Бартломей Гайос, **литературный редактор:** Валентина Чубарова, **SMM:** Татьяна Кучинская, Евгений Приходько, **переводчики:** Елена Барзова, Наталья Бельченко, Никита Кузнецов, Гаянэ Мурадян, Владимир Окунь, Ольга Чехова, Валентина Чубарова, **корректор:** Гаянэ Мурадян, **фотографы:** Юрий Друг, Александра Кононченко, Роман Турчак, **коллаж на обложке:** Мария Венславская-Грибина, **проект обложки и портреты авторов:** Анастасия Плахотник, **графика:** Данута Блахут-Беганьская, **верстка:** Tandem Studio Петр Сувиньский.
Издатель: Центр польско-российского диалога и согласия, **сайт:** www.nowayapolsha.pl, «Новая Польша» по-украински: www.nowapolshcha.pl, **контакт с редакцией:** info@nowayapolsha.pl

Редакция не рецензирует и не публикует тексты, которые не были заказаны, и оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи.

Редакция приложила все возможные усилия для соблюдения прав авторов иллюстраций, а в случае возникновения разногласий открыта к переговорам по этому вопросу.

A black and white portrait of a man, Konstantin Kalinovsky, standing next to an ornate, high-backed chair. He is wearing a dark, double-breasted jacket over a light-colored waistcoat and trousers. He has a serious expression and is looking slightly to the left. The background is a plain, light-colored wall.

КАЛИНОВСКИЙ Белорусский герой Январского восстания

Александр Смоленчук

В 1863 году на землях бывшей Речи Посполитой, захваченных Россией в конце XVIII века, вспыхнуло восстание. Одним из его героев был Константин (Кастусь) Калиновский, действовавший на территории бывшего Великого княжества Литовского. За что он боролся и почему стал национальным героем в современной Беларуси?

Константин (Кастусь) Калиновский, герой Январского восстания 1863 года в землях бывшей Речи Посполитой, захваченных Россией, оказался важным и актуальным историческим персонажем в современной Беларуси. Он стал символом борьбы против авторитарного политического режима уже в начале 2006 года, после очередных сфальсифицированных президентских выборов. Тогда протестующая молодежь переименовала эпицентр протестов, Октябрьскую площадь в Минске, в «площадь Калиновского». В ответ развернулась официальная кампания дискредитации образа повстанца. Например, в учебнике по истории Беларуси для 10 класса средней школы с белорусским языком обучения руководитель восстания «за вашу и нашу свободу» превратился в польского фанатика-революционера, который отстаивал польское господство в Беларуси.

В итоге вся эта кампания потерпела неудачу: миф Калиновского как белорусского героя оказался сильнее. Это стало особенно очевидным 22 ноября 2019 года, когда в Вильнюсе произошло перезахоронение останков повстанцев 1863 года, казненных там солдатами генерал-губернатора Михаила Муравьева. В могилах, обнаруженных на Замковой горе, были найдены останки 20 повстанцев, в том числе и Константина Калиновского.

В день перезахоронения Калиновского Вильнюс стал бело-красно-белым от флагов, с которыми приехали в город белорусы, чтобы отдать дань памяти участникам восстания полуторавековой давности. Массовое присутствие белорусов придало перезахоронению особенно торжественный характер и показало силу протестных настроений в белорусском обществе.

Образ Калиновского активно присутствовал во время протестов лета и осени 2020 года, которые можно назвать белорусской Революцией достоинства. Сегодня против символов белорусской свободы, независимости, сопротивления насилию и обману разворачивается очередная официальная кампания дискредитации с участием белорусских и российских идеологов и «придворных» историков. Наравне с бело-красно-белым флагом и гербом «Погоня» одним из таких символов стал Калиновский.

Почему именно он? Что нам известно о жизни и смерти Калиновского?

Восстание и его герой

Константин Калиновский, последний глава восстания под лозунгом «За вашу и нашу свободу»

Александр Смоленчук — белорусский историк, профессор Института славистики Польской академии наук. Автор книг «“Краёвая ідэя” ў беларускай гісторыі» (Минск, 2017) и «Раман Скірмунт (1868–1939): Жыццёпіс грамадзяніна Краю» (Минск, 2018).

на территории современных Беларуси и Литвы, родился 21 января 1838 года в деревне Мостовляны на Гродненщине. Его отец, шляхтич, владел небольшой ткацкой мануфактурой, доходы от которой с трудом помогали выживать большой семье. Константин окончил прогимназию в уездной Свислочи и в 1856 году поступил на юридический факультет Петербургского университета. Вместе со старшим братом Виктором он участвовал в студенческих революционных кружках, где познакомился с идеями Николая Чернышевского и Александра Герцена; вероятно, был знаком и с программой революционеров «Земли и Воли». Он также принадлежал к подпольной организации, в которую входили офицеры Зигмунт Сераковский и Валерий Врублевский, впоследствии также видные деятели восстания 1863 года. Возможно, именно в это время Калиновский стал сторонником национально-освободительного движения и радикальных социальных преобразований.

и социальных преобразований, которые принадлежали к т. н. «партии красных». Сам Калиновский перспективы победы связывал исключительно с массовым участием крестьянства. Его оппоненты, принадлежавшие к «партии белых», были настроены более консервативно.

Деятельность «красного» Литовского провинциального комитета (у «белых» была своя параллельная структура) охватывала все земли «исторической Литвы», то есть давнего Великого княжества Литовского, ядром которого был Белорусско-Литовский край. Народы этого края только вступали в эпоху национализма, и если литовская элита уже делала первые шаги на пути к литовской национальной идее, то жители белорусской части «Литвы» были более восприимчивы к социальным лозунгам.

Восстание началось в Варшаве 22 января 1863 года в ситуации, когда подготовка к нему была далека от завершения. Тем не менее Кали-

Важным элементом его деятельности стало издание нелегальной газеты «Мужыцкая праўда» на белорусском языке. Это был первый в истории подобный опыт.

В 1861 году Калиновский защитил диссертацию и с дипломом кандидата права вернулся на родину. В этом же году он создал в Гродно подпольную революционную организацию.

Важным элементом его деятельности стало издание нелегальной газеты «Мужыцкая праўда» на белорусском языке. Это был первый в истории подобный опыт.

Калиновский был главным автором этой газеты, и именно ему многие историки приписывают псевдоним *Яська-гаспадар з-пад Вільні* (Яська-хозяин из-под Вильно), которым подписывались все номера газеты.

Осенью 1862 года он возглавил Литовский провинциальный комитет (ЛПК), который как структура варшавского Центрального национального комитета занимался подготовкой восстания в литовских землях¹. Комитет состоял из сторонников национально-освободительного движения

новский и ЛПК манифестом от 1 февраля 1863 года поддержали восстание. Было создано Временное правительство Беларуси и Литвы, которое возглавил Калиновский. Однако вскоре оно было распущено по решению Национального правительства² в Варшаве, и к власти в Литве и Беларуси пришли сторонники «белых».

Константин Калиновский был назначен комиссаром Гродненской губернии, и его главной задачей стала организация восстания на Гродненщине. Возможно, главным результатом деятельности Калиновского на этом посту стала активизация партизанской борьбы в регионе.

При этом он, безусловно, оставался одним из признанных авторитетов в руководстве восстанием. Глава «белых» и главный оппонент Калиновского Якуб Гейштор в воспоминаниях критиковал его, но и отдавал дань уважения:

1 Следует иметь в виду, что под Литвой в то время обычно понимались земли Великого княжества Литовского, т. е. современные Беларусь и Литва.

2 23 января Центральный национальный комитет был преобразован в Национальное правительство — главный исполнительный орган в период Январского восстания.

«Это была натура вспыльчивая, но справедливая, без какой-либо тени лицемерия. Предан душой и сердцем народу, однако не такой сторонник крайних революционных теорий, который не остановился бы даже перед развязыванием гражданской войны, [Калиновский] думал к тому же о самостоятельности Литвы. Он был несравненным, образцовым конспиратором, душой Комитета... При первом знакомстве доказывал мне, что участие знати и помещиков в восстании не только не нужно, но и вредно. Народ сам завоюет себе свободу и потребует собственность у помещиков... Этот человек был, несомненно, самой выдающейся фигурой в составе комитета».

А вот каким запомнил Калиновского секретарь Национального правительства Юзеф Яновский: «Самой выдающейся личностью в Комитете был Константин Калиновский. Он был одним из самых интеллигентных в то время мужей Литвы, образованный, чистый, полный добродетелей, ума и энергии. Исходил пешком Литву и Беларусь,

неся в народ пламя любви к Отечеству... Не хотел иметь никаких связей со шляхтой, а опирался только на народ».

На словах Калиновский был сторонником жестких мер в отношении изменников, но на практике, по всей видимости, допускал исключения и старался не проливать кровь. Кроме того, есть свидетельства, что он, несмотря на опасность, всегда присутствовал на казнях и при высылках друзей и соратников.

В мае 1863 года Калиновский вернулся к руководству восстанием. В этот период стал очевиден перелом в ходе борьбы. Царским войскам и чиновникам удалось не допустить массового участия социальных низов в восстании, что и предопределило его результат.

Калиновский понимал, что битва проиграна, но оставался убежденным сторонником продолжения борьбы. При этом его отношения с Варшавой как центром восстания были довольно напряженными. Калиновский по-прежнему стремился к социальным преобразованиям и, как отмечал Гейштор, «думал о самостоятельности Литвы», что в Варшаве оценивалось как сепаратизм.

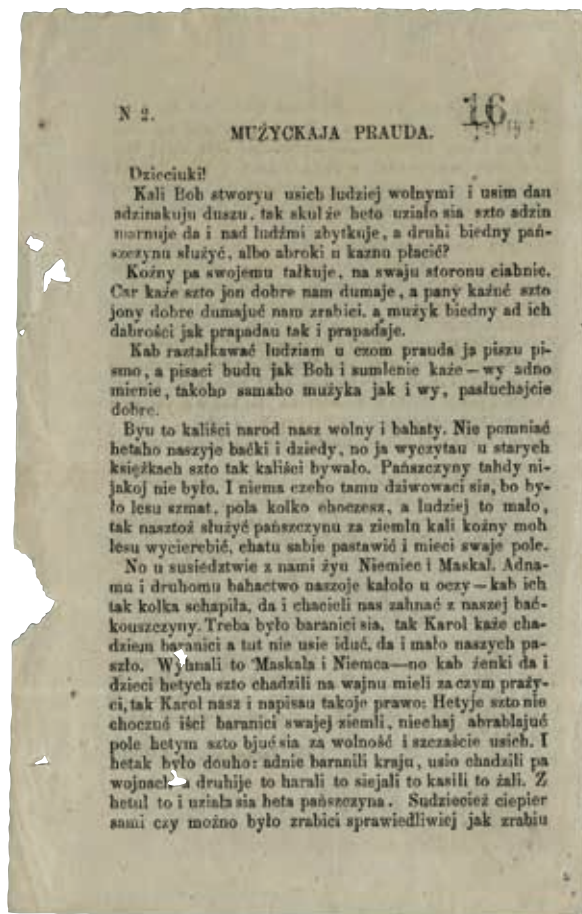
Во многом благодаря усилиям и энергии Калиновского восстание в Беларуси и Литве продолжалось. Полиция и войска сбились с ног, разыскивая неуловимого «диктатора Литвы». В конце концов свою роль сыграло предательство: в ночь на 17 января 1864 года Калиновский был арестован. На следствии он держался с достоинством, рассказывал о причинах, которые привели его в ряды повстанцев, и молчал о соратниках. А также продолжал борьбу, о чем свидетельствуют его последние тексты, известные под названием «Письма из-под виселицы» (*Лісты з-пад шыбеніцы*).

В отделе рукописей Национальной библиотеки Польши в коллекции документов Людвика Яновского хранится фрагмент этих «Писем»:

«Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы московской приходится мне вам писать, и, может, последний раз. Горько покинуть землю родную и тебя, дорогой мой народ. Застонет грудь, заболит сердце, но не жаль погибнуть за твою правду.

Прими, народ, искренне мое слово предсмертное, ибо оно как бы с того света, только для добра твоего написано.

Нет, братья, большего счастья для человека на этом свете, чем иметь в голове ум и образование. Тогда только он может быть в почете, жить в достатке, и тогда только, помолвившись Богу, он заслужит небо, когда обогатив наукой разум,

Первая страница второго номера «Мужыцкай праўды», 1862. Источник: К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия.

— Минск, 1988

разовьет чувства и всех близких искренне полюбит. Но как день с ночью не ходят вместе, так не идут вместе наука подлинная с неволей московской. Но пока она будет, у нас ничего не будет: ни правды, ни богатства, никакой науки, только нами как скотиной помыкать будут не для добра, а на погибель нашу.

Поэтому-то, народ, как только услышишь, что братья твои из-под Варшавы бьются за правду и за свободу, тогда и ты не оставайся сзади, а, ухватив что сможешь: косу, топор — всей громадой иди воевать за свое человеческое и народное право, за свою веру, за свою землю родную. Вот я тебе, народ, из-под виселицы говорю, что тогда только заживешь счастливо, когда над тобой москаля уже не будет».

10 марта 1864 года 26-летний Кастусь Калиновский погиб на виселице. Восстание было по-

рик Агатон Гиллер видел в нем именно польского героя. Он писал, что даже смерть Калиновского выглядела как победа, потому что «произвела сильное впечатление смелостью и надеждой на будущее Польши». Несмотря на то, что именно Гиллер впервые опубликовал документы, связанные с деятельностью Калиновского, среди которых были и «Письма из-под виселицы», он никак не прокомментировал их белорусскую составляющую.

Авторы рубежа XIX–XX веков — Валерий Пшиборовский (автор первой биографии Калиновского, опубликованной в пятитомной «Истории 1863 года») и Болеслав Лимановский — уже обращали внимание на то, что планы Калиновского не соответствовали намерениям Варшавы. Так, Пшиборовский утверждал, что Калиновский был сторонником федерации свободных Литвы и Польши,

Фигура Калиновского как раз подходила на роль своеобразного «места памяти» польско-литовско-белорусского единства в борьбе с российским царизмом.

давлено, но люди, которые пришли в тот день на Лукишскую площадь Вильно, были поражены выдержкой и мужеством его руководителя. В последние минуты жизни Калиновский сохранял твердость духа и ясность мысли.

Во время чтения приговора, услышав слова «дворянин Калиновский», он не удержался от реплики: «У нас нет дворян. Все равны...» Кажется, и под виселицей Калиновский думал о продолжении борьбы и верил в ее успех.

Белорусский патриот?

Сегодня можно сказать, что смерть Калиновского в далеком 1864 году была началом его существования в памяти потомков как «Справедливого», как «белорусского революционного демократа» и, наконец, как «белорусского национального героя номер один». Казалось бы, белорусский язык «Писем» и их содержание позволяют говорить о белорусском национализме автора, пусть и существенно отличающемся от национализма XX века. Но всегда ли было такое понимание и насколько оно обосновано?

Первый исследователь личности Калиновского, известный деятель партии «белых» и исто-

считал крестьянство главной силой восстания и думал «о крестьянской революции».

В легальной печати Беларуси и Литвы статья о Калиновском впервые появилась только в марте 1906 году на страницах издания *Gazeta Wileńska*. Ее редактором был один из основателей либерально-демократического течения так называемой краёвой идеологии Михал Рёмер. Краёвцы начала XX века пытались смягчить межнациональное напряжение и сохранить единство земель и народов исторической Литвы.

Фигура Калиновского как раз подходила на роль своеобразного «места памяти» польско-литовско-белорусского единства в борьбе с общим врагом — российским царизмом.

По мнению автора статьи Людвика Абрамовича, Калиновский мечтал о возрождении Польши как «народного федеративного государства». Он также напомнил, что российские чиновники называли Калиновского «диктатором Литвы» и упомянул последние тексты повстанца, в которых тот призывал к борьбе за «человеческие и национальные права». Публицист увидел в деятельности Калиновского истоки краёвой идеологии в ее демократическом варианте.

Историографическое превращение Калиновского из «польского повстанца» в «белорусского героя» началось в период ослабления и распада Российской империи. Первой публикацией такого рода стала в 1916 году статья политика и историка Вацлава Ластовского «Памяти Справедливого» — она была опубликована в первом номере выходившей в Вильно белорусской газеты «Гоман». Для усиления белорусской составляющей деятельности «Справедливого» автор отредактировал тексты «Писем из-под виселицы»: в стихотворении Калиновского была заменена первая строчка. Вместо *«Марыська чарнабрэва, галубка мая»* появилась *«Беларуская зямелька, галубка мая»*.

В 1919 году ксендз Владислав Талочка на страницах газеты «Беларускае жыццё» характеризовал Калиновского как главного борца *«за демократическое возрождение Беларусі»* и человека, который *«любил Беларусь и боролся за возрождение белорусского народа»*. Он перепечатал стихотворение Калиновского в варианте Ластовского, однако при этом отметил, что Калиновский и его соратники *«одновременно были и польскими патриотами»*.

Литовский историк и общественный деятель Августинас Янулайтис в своей статье 1921 года впервые показал Калиновского как белорусского национального героя, который находился в конфликте с Варшавой.

Исследование деятельности и взглядов Калиновского в этом ключе продолжалось и в межвоенный период, и после Второй мировой войны. По мнению Вячеслава Шалькевича и большинства современных белорусских авторов, Калиновский рассматривал восстание *«не как самоцель, а как единственно возможный в то время способ достижения свободы и независимости Беларусі»*. Еще дальше пошел Сергей Абламейко, который в своей недавней книге «Калиновский и политическое рождение Беларуси» назвал Калиновского *«первым белорусским политиком»* и именно с его взглядами и деятельностью связывал *«политическое рождение современной Беларусі»*.

Проблема авторства

Сегодня миф Калиновского как «белорусского национального героя номер один» входит в число важнейших для белорусской исторической памяти. Решающий вклад в его создание внесли не столько историки, сколько деятели культуры, в первую очередь литераторы. Тема Калиновского все чаще становится объектом исследований в сфере *memory study*, или так называемой истории второго уровня.

Однако историки не теряют интереса и к «истории первого уровня», то есть к конкретно-историческим исследованиям, связанным с восстанием 1863 года и личностью Калиновского. Дело в том, что образ «белорусского национального героя» не всегда позволяет ответить на возникающие вопросы.

В частности, они возникают, когда исследователи обращаются к анализу текстов, написанных Калиновским либо приписываемых ему. В их содержании отсутствуют подобного рода социальные и национальные аспекты его позиции.

При чтении «Мужыцкай праўды» возникают сомнения в причастности ее автора, *Яські-гаспадара з-пад Вільні*, к белорусской идее.

На страницах газеты не упоминается Беларусь, нет призыва к крестьянской революции. Зато фигурирует «Литва», пропагандируется «справедливое польское правительство» и т. д.

Однако прежде чем анализировать эти тексты, историкам следует задуматься: а знаем ли мы, какие тексты писал именно Калиновский? Так, литовский историк культуры Владас Абрамавичус утверждал, что третий номер «Мужыцкай праўды» был написан Валерием Врублевским, а член Гродненской революционной организации Феликс Рожанский в воспоминаниях писал, что вместе с Калиновским занимался изданием «народной газеты» под названием «Мужыцкая праўда» и с подписью *Яські-гаспадара з-пад Вільні*.

Проблема авторства Калиновского также существует в отношении «Письма Яськи-хозяина к мужикам земли польской» (*Письмо ад Яські-гаспадара з-пад Вільні да мужыкоў зямлі польскай*). Например, известный исследователь и деятель белорусского движения Адам Станкевич был убежден, что Калиновский не мог обратиться к белорусским крестьянам со словами: *«Мы, что едим хлеб польский, мы, что живем на земле польской, мы поляки с веков вечных»*.

Историк Михась Бич поддержал это мнение. Для него главным аргументом стало присутствие на «Письме» печати варшавского Центрального национального комитета, в то время как документы Калиновского обычно заверялись печатью Отдела Литвы. А вот Геннадий Киселев допускал авторство Калиновского: по его мнению, «Письмо» может служить примером того, как тяжело пробивала себе дорогу белорусская идея, с каким трудом она отрывалась от идеологии польского движения.

Все больше историков склоняется к мысли, что псевдоним *Яська-гаспадар з-пад Вільні* не принадлежал исключительно Калиновскому. Он мог быть

коллективным псевдонимом и использоваться другими повстанцами, в том числе из Варшавы.

Также следует обратить внимание на отсутствие комплексного исследования всех текстов *Яські-гаспадара*. Лингвистический анализ был сделан Ниной Борщевской (Омельянюк), которая отметила существенные лексические отличия текста седьмого номера «Мужыцкай праўды» от других выпусков газеты. Кроме того, в этом номере были опубликованы сведения, которые совершенно не соответствовали действительности. В частности, речь шла об активной помощи повстанцам со стороны Франции, а также о победе восстания в Польше, где будто бы российские власти начали возвращать крестьянам униатские храмы.

1864 года», пока не стала предметом глубокого анализа, хотя впервые была опубликована еще в 1939-м.

В «Записке» Калиновский подтвердил существование противоречий между руководителями восстания в Польше и на белорусско-литовских землях: *«Вспыхнувшее, однако, восстание в Царстве Польском застало Литву совершенно неприготовленную <...> Царство Польское <...> своим восстанием не уважило интересов Литвы»*.

Одной из причин поражения Калиновский считал настороженное отношение и недоверие крестьян к шляхте и помещикам: *«Крестьянин, видя необрезанные еще когти своих господ, не мог им довериться, и стал смотреть на дело польское как на затею помещичью»*.

Калиновский утверждает, что именно в период господства России усилилось «сочувствие Литвы к Польше», что и определило ее участие в восстании.

Большой интерес представляет также найденный литовскими историками черновик шестого номера «Мужыцкай праўды», который так и не был опубликован. В тексте черновика местные польские помещики обвинялись в предательстве интересов «Литвы», а крестьян убеждали в том, что все они «литовцы» и живут «на литовской земле». При этом подпись *Яські-гаспадара* отсутствовала. По неизвестным причинам черновик так и не увидел свет. В изданном вместо него шестом номере «Мужыцкай праўды» речь шла о религиозных преследованиях униатов и необходимости борьбы за возвращение униатской церкви.

Возвращаясь к теме авторства Калиновского, следует также отметить необходимость анализа его текстов, которые публиковались в польскоязычной печати (например, «Голос из Литвы» и «Знамя свободы»).

Эволюция идеи

Сомнений нет только в отношении последних текстов Калиновского, созданных во время заключения — это «Письма из-под виселицы» и две «Объяснительные записки», написанные уже после окончания следствия. Одна из них, посвященная «польскому вопросу», не найдена, вторая же, «Объяснительная записка от 28 февраля

Читая «Записку», понимаешь, что Калиновский и в той трагической ситуации продолжает борьбу. Он выступает как защитник интересов «Литвы» (Литвы–Беларуси) и ее народа и пытается повлиять на политику российского правительства.

Калиновский утверждает, что именно в период господства России усилилось «сочувствие Литвы к Польше», что и определило ее участие в восстании.

Он критически оценивает стремление российского правительства к «полному слиянию Литвы с Россией»: *«Я не противник счастья народного, не противник и России, если она добра нам желает, но противник тех бедствий, которые постигают край наш несчастный»*.

Калиновский предупреждает, что усиление позиций России в Литве невозможно до тех пор, пока ее правительство не найдет «сочувствия в действительно образованном классе здешнего населения».

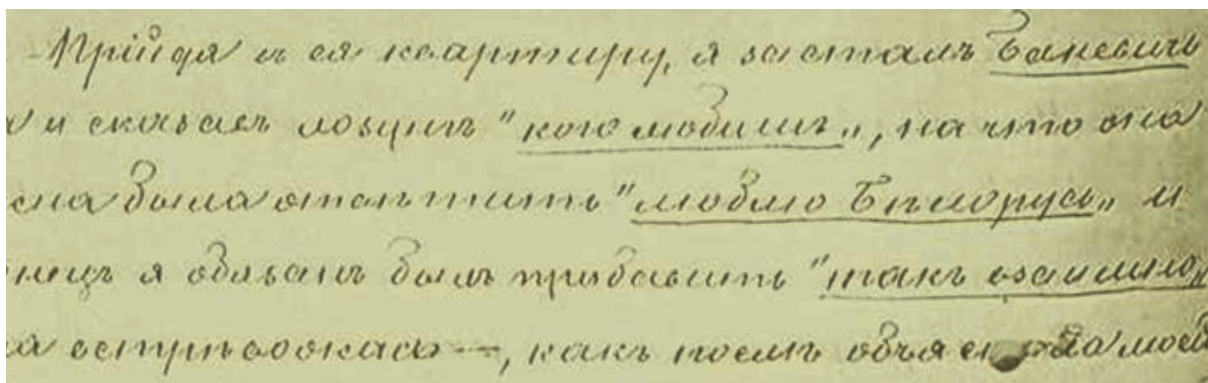
Возникает вопрос, почему про отличную от Варшавы позицию Калиновского относительно социального и национального аспектов борьбы мы узнаем от его соратников и оппонентов, но не от самого главного героя?

Возможно, Калиновский в определенной степени оказался заложником политической

ситуации, ибо его понимание цели и методов борьбы не имело шансов на реализацию. «Мужики-белорусы» еще не стали народом-нацией и не осознали свои социальные и национальные права. Похоже, что Калиновский не имел широкой поддержки даже в «партии красных». Открытая пропаганда «крестьянской революции» могла привести к расколу лагеря повстанцев и напугать шляхту, без участия которой восстание также не имело шансов на успех. Кстати, историк Геннадий Киселев в 1995 году так объяснял отношения Калиновского с Варшавой: «Поддерживать и спорить, идти, насколько возможно, вместе, но отстаивать свое».

Нельзя трактовать «Мужыцкую праўду» исключительно как средство пропаганды. Уровень белорусского языка в этих текстах достаточно высок, что может свидетельствовать об активном его использовании. Безусловно, важным индикатором белорусскости Калиновского является лирическое стихотворение (*Марыська чарнабрэва, галубка мая...*), обращенное к Марии Ямонт. В заключительной части оно превращается в поэтический призыв к народу продолжать борьбу. Следует также вспомнить, что Калиновский обосновывал необходимость развития образования на белорусском языке.

Важно отметить и то, что *Яська-гаспадар з-пад Вільні* в «Письмах из-под виселицы» и в седьмом

Протокол допроса, в котором упоминается пароль:
«Кого любишь?» — «Люблю Беларусь». Источник: Википедия

На мой взгляд, тексты *Яскі-гаспадара з-пад Вільні* 1862–1864 годов говорят не столько о белорусском национализме их автора, сколько об определенной эволюции феномена «литвинства» и речьпосполитовского патриотизма в направлении белорусской идеи. Калиновский начал как представитель «литвинства», к которому принадлежали филоматы и филареты, Адам Мицкевич, Адам Киркор, Юзеф Крашевский и др. Литвинство основывалось на осознании своей Родиной «Литвы» (Литвы–Беларуси), которая еще не извела национальных конфликтов и воспринималась как историческая и культурная целостность. Однако в конце восстания и жизни Калиновского в его текстах все более отчетливо проявляется белорусский компонент.

Кстати, Киселев видел присутствие белорусской идеи уже в известном пароле виленской организации: «Кого любишь? — Люблю Беларусь. — Это взаимно».

Белорусская идея присутствует в белорусском языке «Мужыцкай праўды» и «Писем из-под висели-

цы» и «Мужыцкай праўды» отождествлял себя с «мужиком-белорусом». Призывая продолжать борьбу, он высказывался за создание самостоятельного правительства для Литвы–Беларуси: «С искренней верой мы должны крепко отстаивать свое, а наше правительство должно стремиться все использовать для добра народного».

Белорусская идея проявлялась также в защите униатской церкви. Ее ликвидация российскими властями в 1839 году оставалась болезненной раной в душах белорусов. Адам Станкевич в про-униатской пропаганде Калиновского видел «подсознательное стремление белорусской души к поиску синтеза, поиску прочной и соответствующей почвы для того, чтобы закопать религиозный ров, который разорвал белорусский народ на две враждебные части».

Популярность мифа Калиновского в современном белорусском обществе дает надежду, что он может стать одной из идейных основ единства белорусов в независимом и демократическом государстве.

АНДРЕЙ ХАДАНОВИЧ: Я был контрабандистом культуры

Наталья Ткачик

Андрей Хаданович.

Фото: Александра Кононченко / Новая Польша

На белорусском языке
в переводах Андрея
Хадановича звучат Мицкевич
и Андрухович, Рембо
и Шимборская, Бродский
и Милош, а переведенная им
песня «Стены рухнут» стала
неофициальным гимном
протестов в Беларуси.

Наталья Ткачик: Вы помните свою первую поездку в Польшу?

Андрей Хаданович: Это было в далеком 1994-м, когда я, 21-летний студент, попал в Варшаву по странной программе, на которую меня устроила моя преподавательница польского языка. Как впоследствии оказалось, это была программа для потомков репрессированных поляков из Казахстана и других постсоветских стран. Мне было немного стыдно, потому что я оказался одним из немногих в этом кругу, кто не принадлежал к числу этнических поляков. Но эта поездка стала весьма познавательной, от нее остались самые светлые и даже эйфорические впечатления.

Второй раз я попал в Польшу по библиотечному обмену: меня пригласили как студента в одну из люблинских библиотек. Там списывали ненужные книги и передавали их нашему филологическому факультету в Минске. Я тогда привез в университет несколько рюкзаков, и за это мне разрешили взять себе несколько списанных книг.

НТ: Какие выбрали?

АХ: Ой, сейчас это мои самые любимые. Я выбрал сборник стихов Константы Ильдефонса Галчинского, двухтомник Чеслава Милоша начала 1980-х, изданный сразу после вручения ему Нобелевской премии, — до этого целые десятилетия Милош был под запретом. И еще я выбрал комплект изданной в советское время для переправки контрабандой за границу парижской «Культуры» Гедройца. Эти журналы отличались от обычной «Культуры» — они издавались на папиросной бумаге величиной с ладонь. Еще они пахли стиральным порошком: это обычная контрабандная схема того времени — вывозить литературу за границу в стиральном порошке. Так что я был контрабандистом культуры.

Со временем Гедройц — стоит отметить, что он родился в Минске, — стал для меня одним из важнейших мыслителей о Европе, об отношениях между народами, культурами и литературами. И теперь две новости: хорошая — в Минске есть улица Ежи Гедройца; плохая — она пересекается с проспектом Феликса Дзержинского. Поэтому есть еще, что исправить в нашем культурном ландшафте.

НТ: Именем Гедройца названа и самая престижная белорусская литературная премия, основанная в 2011 году, в чем, в частности, ваша заслуга как президента Белорусского ПЕН-клуба того времени.

АХ: Да, премию основал Белорусский ПЕН-клуб вместе с независимым Союзом белорусских писателей при поддержке польского посольства и Польского института в Минске. И она существует, со взлетами и падениями, выдерживая удары со стороны режима. А в конце 2020 года я, сам того не ожидая, стал лауреатом другой премии Гедройца, которую газета Rzeczpospolita основала после смерти редактора.

НТ: Интересно, что ваша первая книга стихов вышла не на белорусском, а на украинском языке.

АХ: Такой парадокс, но приятный. Сборник «Письма из-под одеяла» вышел на украинском за год до издания оригинала на белорусском. А предисловие к нему написал Юрий Андрухович. Безусловно, такие вещи не забываются, и после них всегда остаются любовь и добрая память.

Наталья Ткачик — литературный редактор украинской версии «Новой Польши».

Поэтесса, переводчица мемуаров Тадеуша Ольшанского о Станиславове (современный Ивано-Франковск) и книги Томаша

Гживачевского о самопровозглашенных республиках на постсоветском пространстве. Стипендиатка программы Gaude Polonia 2017.

НТ: Не было ли страшно браться за перевод «Пана Тадеуша» Мицкевича?

АХ: С Мицкевичем у меня так: добрых намерений пока больше, чем результатов. В какой-то момент мы с коллегами и нашим независимым издателем Игорем Логвиновым решили систематизировать и издать несколько томов польского классика и обнаружили, что переводы Мицкевича на белорусский существуют, но они довольно неравноценны: что-то можно найти и переиздать, а что-то нужно пере-переводить. Когда мы начали думать над концепцией, то запланированный двухтомник сразу вырос до четырехтомника (впрочем, так было и с белорусским изданием Милоша).

Если, скажем, новый перевод «Дзядов», сделанный моим коллегой, поэтом и бардом Сержем Минскевичем, более интересный и свежий, чем старые переводы, и его можно переиздавать, то с «Паном Тадеушем», как оказалось, серьезная проблема.

НТ: Предыдущие переводы никуда не годятся?

АХ: Истории переводов «Пана Тадеуша» можно было бы посвятить целое исследование. Впервые его перевел на белорусский язык коммунистический деятель и литератор Бронислав Тарашкевич, находясь в польской тюрьме в период санации¹. Потом Тарашкевича обменяли — это был странный обмен — на белорусского драматурга и публициста Франтишека Олехновича², который еще задолго до «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына написал книгу воспоминаний о советских лагерях «В когтях ГПУ». Поэтому Польша и Советы обменяли белоруса на белоруса, литератора на литератора. Олехнович, выходя, сказал Тарашкевичу: «Куда ты идешь? Тебя же убьют». Так и случилось: через несколько лет сталинский механизм репрессий уничтожил его, но остался перевод «Пана Тадеуша».

Перевод довольно экзотический, поскольку Тарашкевич был тем еще волонтаристом в вопросах языка. В белорусском существует полногласие, в отличие от неполногласия польского, поэтому и перевод «Пана Тадеуша» мы сделаем более длинной строкой, — решил Тарашкевич и засунул туда несколько лишних слогов, что сегодня звучит немножко анахронично. Сам по себе этот бе-

лорусский текст — интересный памятник литературы в целом и поэзии в частности, хотя и далек от Мицкевича.

Другая попытка перевести «Пана Тадеуша» тоже связана с тюрьмой, точнее с советскими лагерями. Репрессированный православный священник Петр Битель уже после Второй мировой войны попал в ГУЛАГ и там в довольно чудовищных условиях, зеленкой, которая была у него под рукой, на мешковине записал свой перевод «Пана Тадеуша».

Наконец, третий заказали нашему белорусскому советскому деятелю Язепу Семижону к юбилею Мицкевича. Заказали, вероятно, чтобы не печатать запрещенные переводы опальных диссидентов-предшественников. Семижон — безусловно, талантливый стилизатор и версификатор, но он так увлекся процессом, что «Пан Тадеуш» вдруг начал разрастаться. А в скобках можно цинично заметить: в советские времена платили построчно. Так вот, «Пан Тадеуш» на белорусском стал на треть длиннее оригинала. В дневниках нашего выдающегося поэта и литературного функционера Максима Танка есть запись: так, мол, и так, «перевод Язепы хорош, но в полтора раза длиннее, думаем, что делать. Вероятно, придется сокращать». Но никто толком не сократил, поэтому возникла проблема — есть три перевода, но, если издавать сегодня, то нужен четвертый.

НТ: Надеемся, что четвертый сделает Андрей Хаданович.

АХ: Я тоже надеюсь. Но согласиться легче, чем сделать. Я уже дважды пытался войти в эту реку, но у меня что-то еще не до конца срослось с этим текстом. А может, просто еще не слишком поджимают дедлайны. Пока что я могу показывать только один короткий фрагмент своего перевода «Пана Тадеуша» — знаменитое вступление.

НТ: Почему этот текст вас не впускает?

АХ: Вот с чем бы сравнить? Недавно мне пришлось делать новые переводы с русского Владимира Маяковского. Казалось бы, автор навороченный, сложный, технически головоломный, но, как ни странно, не самый сложный для перевода. Потому что это как будто фокусник, который показывает фокус, и если записать видео в режиме замедленной съемки, будет видно, как фокус сделан, и его можно повторить. Безусловно, нужно иметь талант, усидчивость, и не дословно, а из своих культурных и языковых элементов воспроизвести эту магию. Но вот, например, для

1 Политический режим, сложившийся в Польше в 1926–1939 годах, заключался, в частности, в «оздоровлении» общественной жизни путем сворачивания демократических институтов и т. н. государственной ассимиляции этнических меньшинств.

2 В 1933 году в рамках советско-польского обмена политзаключенными.

сравнения: переводить Пушкина гораздо сложнее, чем Маяковского, потому что не видно, как это сделано, потому что он писал элементарными, самыми простыми словами, а то, что просто и естественно, легче всего потерять при переводе. То же самое с Мицкевичем. Галчинского переводить довольно сложно, как и Маяковского, — настолько виртуозна поэзия, но в то же время видишь, из каких элементов собрано целое, и можешь его составить заново.

А «Пан Тадеуш» или «Баллады и романсы» Мицкевича — вроде бы простейшие слова в простейшем порядке, на грани невероятной наивности, но эта наивность не превращается в графоманию, а дышит правдой. И когда читаешь белорусский или русский перевод этих текстов, то видишь, что это то же самое, но одновременно и не то же самое — волшебство распадается на куски. Сделать перевод чуть лучше этих ты можешь хоть сейчас, левой пяткой, но сделать так, чтобы не хуже, чем у Мицкевича, — совсем другое.

НТ: Приведите пример переводческой головоломки у Мицкевича.

АХ: Ну есть одна настоящая загвоздка. Что делать с простым словом «Литва» в ключевых словах: «*Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье...*»? Хорошо, щедрый подарок для литовского переводчика — можно отождествить текст с современной Литвой, хотя это не совсем правильно. Проблема литовца: почему текст, который начинается с «Литва», не написан по-литовски? Проблема поляка: почему главный польский текст начинается словом «Литва»? Понятно, что без контекста Великого княжества Литовского — а Мицкевич чувствовал себя потомком этой культуры — мы не прочитаем текст. Более того, если речь идет о местах и пейзажах на территории современной Беларуси. И как дать сигнал об этом через «*Отчизна милая, Литва!*»?

Литературовед Александр Федута иронично мне предлагал: а слабо написать вместо «Литва» — «Беларусь»? И я на секунду это представил и увидел, как разгорается дипломатический скандал сразу между тремя странами, как реагирует Польша, как реагирует Литва — еще острее. Литва, конечно, должна была остаться Литвой, но как сделать так, чтобы не ставить звездочку и не писать сноску, что речь не совсем о современной Литве? Как передать это художественными средствами?

И я вспомнил об однофамильце Мицкевича, белорусском писателе более позднего пери-

ода, который подписывался псевдонимом Якуб Колас. Вдохновившись «Паном Тадеушем», он написал аналогичную белорусскую поэму, если говорить школьным штампом — энциклопедию сельской жизни начала XX века, которая считается нашим всем. Поэма «Новая земля» начинается словами: «*Мой родны кут, як ты мне мілы*» (в русском переводе Сергея Городецкого: «*О детства уголок мой милый!*»). И вот «*мой родны кут*» ритмически соответствует словам «*отчизна милая*». Поэтому, поставив рядом с «Литва» начало «Новой земли» на правах цитаты и одновременно в качестве определенного сигнала, я добиваюсь большего: подчеркиваю преемственность традиции XIX и XX веков, польского шедевра и одного из важнейших произведений белорусской литературы. Так что мы протягиваем ниточку из XIX в XXI век, и вступление к поэме по-белорусски звучит так: «*Літва, мой родны кут, ты нам нібы здароўе...*»

Кстати, боюсь, что «Пан Тадеуш» уже становится для белорусов — как для поляков в XIX веке — весьма актуальным текстом. Ведь это поэма, с помощью памяти и ностальгии описывающая полякам Родину, которую они потеряли. Польский эмигрант в Париже пишет для других поляков — в основном, таких же эмигрантов — о своей разделенной между тремя империями, оккупированной родине, на которую ему не довелось вернуться — и многим не довелось. Если взглянуть на это сквозь призму сегодняшней новой белорусской эмиграции (после того, что начиная с 2020-го года происходит в Беларуси, фактически террора против всего белорусского и независимого), когда десятки тысяч прямо на наших глазах в течение нескольких месяцев уехали в Варшаву и Краков, а также в Вильнюс, Киев, Львов, — то, думаю, тема эмиграции и ностальгии по временно утраченной родине будет весьма сильно задевать за живое белорусов. Поэтому Мицкевич актуален для современной Беларуси.

НТ: Правда, что вы перевели Галчинского за месяц?

АХ: Начну издаেকে. В тот период, когда я не путешествую активно — в основном с осени до весны, — я живу в Минске, а летом мы с семьей переезжаем под Брест, в дом, который достался жене от ее родителей: вокруг сад, газон, трава, беседка с рабочим местом. Поэтому мне не нужно искать какую-то литературную резиденцию — у меня есть своя. Каждое лето я там активно работаю, предварительно выбирая авторов для перевода, и стараюсь за эти несколько месяцев со-

брать поэтическую книгу переводов. Так у меня было с французами Бодлером и Рембо, так было с ирландцем Уильямом Батлером Йейтсом. А одно такое лето я посвятил Галчинскому. А как в наши дни можно получить первую обратную реакцию от читателей и коллег? Выкладывать свеженарисованные и переведенные тексты в соцсети. Поэтому я просто обрушил на головы своих друзей в фейсбуке переводы стихов Галчинского — кто-то ругал, кто-то делал критические замечания. В самом деле так получалось, что каждый день появлялся новый текст, но это не значит, что всего автора можно перевести за месяц. Понятно, что Галчинского я и десять лет до того переводил, и после того всплеска то и дело к нему возвращаюсь.

НТ: Кто из современных польских авторов ваш самый любимый?

АХ: С некоторыми польскими литераторами мы дружим семьями. Моя жена Марина Шода переводит современную польскую прозу, и, в частности, благодаря этому мы дружим и встречаемся с Ольгой Токарчук у нее под Вроцлавом и бываем в Гданьске у Павла Хюлле. И так случилось, что их книги — настольные не только для Марины как переводчицы, но и для меня как читателя.

Я дружу с Рышардом Крыницким и Богданом Задурой, прекрасными поэтами, которых перевожу (а Богдан переводит меня). Работаю в жюри поэтической премии имени Виславы Шимборской, поэтому каждый год читаю много современной польской поэзии. Некоторых из авторов перевожу на белорусский — Эву Липскую, Эугениуша Ткачишина-Дыцкого, Мартина Сендецкого, Томаша Ружицкого, Войцеха Боновича, Юлиу Федорчук, Илону Витковскую, Уршулю Заёнчковскую и других.

Последнее, что я брал читать в дорогу, — «Белый ворон», ранний роман Анджея Стасюка. В путешествиях этот травелог, этакий роуд-муви, керуаковское чтиво изрядно вдохновляет. А до этого я читал «Современный сонник» Тадеуша Конвицкого, отчасти из-за определенного морального обязательства: несколько месяцев назад я был стипендиатом программы *Kolegium Tłumaczu* польского Института книги и жил в варшавской квартире, где около полувека жил Тадеуш Конвицкий, его семья и его кот — культовый и воспетый в польской литературе четвероногий Иван. Квартира с окнами на Дворец культуры, который тоже фигурирует в произведениях Конвицкого. Определенного рода связь с памятью о писателе, с его духом, и это обязывало прочитать то, что раньше (признаюсь со стыдом) не читал, я погрузился в его мир.

НТ: Немало польских классиков было связано с Беларусью.

АХ: Да, это литераторы, которые принадлежали одновременно к нескольким культурам. Например, Элиза Ожешко. Принимая во внимание протесты в Беларуси, очень актуален ее последний сборник рассказов с парадоксальным названием «*Gloria victis*», то есть «Слава побежденным» — вопреки афоризму *vae victis* — «горе побежденным».

На протяжении многих лет эта история была табуирована — о том, как молодая Элиза Ожешко и ее муж прятали у себя дома повстанцев³, а позже подверглись репрессиям и преследованиям царской полиции. Поэтому писательница долго молчала, обходила тему стороной или же, как в своей блестящей эпопее «Над Неманом», писала об этом эзоповым языком, намеками. А тут, понимая, что жизнь заканчивается и она может себе позволить высказываться открыто, Ожешко прямым текстом все описала в рассказах, что повлекло за собой скандал, цензура книгу запретила и пыталась изъять ее из гродненских и других книжных магазинов. Но как изъять то, что разлетается как горячие пирожки? Это только один пример. Понятно, что поляки считают Ожешко — и справедливо — классиком своей литературы, потому что она писала на польском, хотя тематически и стилистически в ее творчестве немало белорусского: от выдающихся исследований ботанической лексики, представленной в ее произведениях полнее, чем в словарях того времени, до сочувствия и к повстанцам, и к простому белорусскому народу (простите за еще один школьный штамп). Хотя не такой уж он и простой, если присмотреться к рассказам и повестям Ожешко, — там затронуты глубокие проблемы, многие из которых не затрагивались до нее.

Но мне нравится история, которая рифмуется XIX и XXI столетия, — про любовь к белорусскому народу. Конечно, у Ожешко присутствует налет горечи из-за того, что простые сельские люди не поддерживали элиту, деятелей восстания, а кое-кто даже сдавал их за деньги. Есть данные, что на Ожешко и ее мужа написал донос их кучер — сегодня мы сказали бы «таксист». А я смотрю на то, что происходит в Беларуси в 2020–2021 годах, как на революцию таксистов. Это профессия, отражающая изменения в обществе, ведь она мобильна, в ней больше всего контактов. Именно белорусские таксисты сегодня оказались проводниками рево-

3 Во время январского восстания 1863 года в своей усадьбе в белорусской деревне Людвиново Элиза Ожешко скрывала предводителя повстанцев Ромуальда Траугутта, которого впоследствии переправила за границу.

Андрей Хаданович на акции солидарности с Беларусью в Белостоке. Август, 2021.

Фото: Анатолий Хомич / Fotuip

люционных идей. Еще десять лет назад они ворчали, что все плохо, спасибо, что хоть Лукашенко есть; таксисты любили похвалить режим. А теперь садишься в такси и оказываешься лицом к лицу с революционным агитатором: я вежливо слушаю, а он меня учит гражданским и национальным ценностям, протестам, борьбе — впервые за 27 лет. А я вспоминаю кучеров XIX столетия, сдававших повстанцев. Все-таки у нас что-то да и меняется к лучшему.

И вспомню еще одного героя, который принадлежит одновременно к польской и белорусской культурам — это польский прозаик белорусского происхождения Сергей Пясецкий. Он не всегда считался серьезным литератором, поскольку его произведения граничат с китчем и бульварным чтивом. Но он обладал таким писательским темпераментом, у него было столько жизненного материала, который он переплавлял в литературу, что мне его творчество кажется чрезвычайно интересным. Его «Воровская трилогия» посвящена 1910–1920 годам и революции, гражданской войне, смене власти. В Минск как прифронтовой город тогда стекались деньги, съезжались преступники, искатели легкой наживы. Писатель Пясецкий, сам контрабандист и авантюрист, чувствовал себя в этом материале

как рыба в воде. Уже существуют три параллельных перевода самого известного романа «Любовник Большой Медведицы» об истории контрабанды между польским Раковом и советским Минском, о ночных тропинках, по которым проводники возят партии товара, — наш аналог голливудских вестернов.

НТ: Недавно вы представили в Польше новую книгу избранного в переводах Адама Поморского. Название «Фантомные радости / *Zabawy fantomowe*» перекликается с событиями в Беларуси?

АХ: Это уже вторая книга моего избранного на польском, первая была издана 15 лет назад и носила каламбурное название — «*Święta nowego roku*»⁴. Ее переводили Богдан Задура, Лешек Энгелькинг, Ян Максимюк и Адам Поморский.

А «Фантомные радости» — избранные стихи из семи предыдущих сборников и того, что было написано за прошедший год. И тут самые искренние комплименты переводчику Адаму Поморскому, ведь часто, отбирая стихи для зарубежного издания, думаешь: это стихотворение мне нравится,

4 Это можно перевести и как «новогодние праздники», и как «новые рок-праздники».

но иностранный читатель не поймет, поэтому лучше выбрать что-то более универсальное. Или же: стихотворение хорошее, но тут столько технически закрученного, что вряд ли переводчик справится. Так вот, в случае с Поморским таких ограничений не было: он блестяще выполнил все технические задачи и каждый непонятный белорусский контекст, может и не дословно, но точно передал.

Последняя треть книги — стихи, написанные за прошлый год, в них надежды, боль, травмы, пробуждение от 27-летнего сна белорусского общества. Не знаю, как через год-два я буду относиться к этим текстам. Сейчас я время от времени публикую их в соцсетях в знак солидарности и поддержки, ведь удачное и близкое читателю стихотворение сейчас само по себе может быть хорошей новостью на фоне сообщений об арестах, погромах, обысках, вызовах на допросы. На фоне всего этого трэша культура занимает важное место в наших протестах.

НТ: И это заметно уже даже по песне «Стены»⁵ Яцека Качмарского, которую вы перевели и которая стала символом протестов.

АХ: Я перевел эту песню десять лет назад, исполнил ее на митинге еще в 2010-м, а потом был записан альбом «Стены» с 14 песнями Качмарского, и здесь мне очень помогла белорусская группа «Рациональная диета» Ольги Подгайской. Альбом слушали в узком кругу любителей, и вдруг в 2020-м кандидат в президенты Сергей Тихоновский, который сейчас сидит в тюрьме, раскрутил эту песню во время встреч с избирателями. И оказалось, что переводная, можно сказать, импортная песня стала для наших людей своей и на долгие месяцы возглавила хит-парад протестной музыки в Беларуси. Если по ту сторону — темные силы, лишённые культуры и интеллекта, силы, нацеленные на убийство и разрушение, то по эту, нашу сторону, — светлые силы, вооружённые стихами, песнями, танцами, плакатами, национальной одеждой. И польские переводы также служат этим светлым силам.

НТ: Спасает ли чтение хорошей литературы? Например, от того, чтобы стать диктатором?

АХ: Не знаю, но, глядя на нашего диктатора, я во-

обще сомневаюсь, читал ли он хоть что-то. Необразованность, полное отсутствие интереса к литературе — одна из черт белорусской власти и абсурдности ее культурной политики. Лучшее, что сегодня могла бы сделать наша власть, — не вмешиваться, и мы были бы глубоко благодарны, если бы она не вмешивалась. Все, на что она способна, — препятствовать, запрещать, зачищать территорию и культурный протест. Все, что власть до сих пор предлагала в сфере культуры, — примитивный, поверхностный псевдосовок вроде международного фестиваля «Славянский базар» или белорусского фестиваля «Дожинки».

Лукашенко как-то даже попытался организовать встречу с интеллектуалами, тогда все его претензии к писателям ограничивались одним: «Ну, напишите мне что-то похожее на “Войну и мир” Льва Толстого». Причем он даже представления не имел, что в белорусской литературе есть эпопеи такого рода, в частности Ивана Мележа и Владимира Короткевича.

НТ: Вы сейчас находитесь в Польше. Не боитесь возвращаться в Беларусь?

АХ: За прошедшие 15 лет для меня ничего не изменилось, я продолжаю высказываться публично и делать свое дело. Мне стыдно молчать. В Польше я слежу за белорусскими новостями. Один из последних ударов был нанесен по независимым журналистам и редакциям: после обысков кого-то задержали, кого-то выпустили под подписку о неразглашении, а кто-то остается в тюрьме. Недавно нанесли удары и по литераторам. Обыски прошли и в независимом Союзе белорусских писателей, и в ПЕН-центр приходили, ему предъявляют несколько уголовных обвинений... 9 августа (символично, что это годовщина белорусских протестов) Верховный суд официально ликвидировал Белорусский ПЕН-центр. Естественно, что культуру и творчество запретить невозможно, поэтому мы будем продолжать свою деятельность, но в ближайшее время — не на территории Беларуси. И я хочу искренне поблагодарить польских друзей и коллег за солидарность и помощь, без которых нам было бы значительно трудней.

Перевод с украинского Ольги Чеховой

⁵ Гимн «Солидарности», текст которого в 1978 году написал Яцек Качмарский на мотив песни каталонского барда Льюиса Льяка-и-Гранде.

ЗБИГНЕВ РЕЛИГА

Сердце польской медицины

История кардиохирурга, который провел первую
в Польше операцию по пересадке сердца.

Мариуш Гогуль

Збигнев Релига после операции по трансплантации сердца.

Фото: Джеймс Стэнфилд / National Geographic

Шел 1985 год. В СССР началась перестройка, а в Польше все еще царил реальный социализм с его пустыми полками магазинов и дефицитом товаров первой необходимости. И тем не менее в ноябре того года произошли события, полностью изменившие ход развития польской хирургии. Профессор медицины Збигнев Релига провел первую в Польше успешную операцию по пересадке сердца. Сейчас его по праву считают отцом современной польской кардиохирургии, но тогда его идеалы противоречили духу времени.

Совершать научные прорывы в те годы было нелегко. В стране не хватало денег, поэтому не могло быть и речи о покупке современного медицинского оборудования. Во врачебных кругах бытовало мнение, что в таких условиях провести успешную трансплантацию попросту невозможно, а неудача положит конец дальнейшим исследованиям такого рода в Польше. К тому же в обществе было глубоко укоренено убеждение, что центр личности и жизненных сил человека — именно сердце, а не, как теперь общеизвестно, мозг. Мечты Религи казалось простому человеку святотатством. Страшно было даже подумать о том, чтобы взять сердце у одного человека и пересадить его другому, — в те времена это нарушало главные этические принципы.

Однако у Збигнева Религи были необходимые знания и навыки для проведения подобных операций. А еще у него было мужество, чтобы поступать наперекор всем ради спасения человеческих жизней. 5 ноября 1985 года была проведена операция по пересадке сердца, которая продлилась полтора десятка часов и завершилась успехом. Донором был 20-летний молодой человек из Варшавы, попавший в автокатастрофу, — у него констатировали смерть мозга.

Вот как рассказывал об этом сам Релига: *«Впервые мы взяли у донора еще бьющееся сердце — вопреки значительному сопротивлению польского медицинского сообщества. Раньше здесь проводились подобные операции — по трансплантации почек, но органы брались только у тех доноров, чье сердце переставало работать. Считалось, что человек, сердце которого бьется, еще жив».*

Хирург Мариан Зембаля, принимавший участие в той операции, вспоминал: *«Всё было впервые — вид извлеченного сердца донора и пустой грудной клетки пациента после удаления больного сердца. Все-таки в новом бьющемся сердце есть*

некая тайна. Это как тайна воскресения — непостижимая, но осязаемая и такая настоящая». Об этом успехе писали все газеты.

На пути к цели

Во время учебы в университете Збигнев Релига часто говорил, что не хочет быть хирургом, но у судьбы были другие планы. По окончании учебы он уехал на стажировку в США, где под руководством лучших специалистов изучал передовые подходы и технологии, применявшиеся в хирургии. Несмотря на предложения остаться работать за границей, он вернулся в Польшу и быстро сделал блестящую карьеру в Варшаве. Из столицы Релига отправился в Забже, чтобы создать там с нуля и возглавить знаменитый в будущем Силезский центр сердечных заболеваний.

Коллеги хирурга вспоминали, что отделывать здание им пришлось самостоятельно, а Релига собственноручно отдраивал кафель в операционном зале. Он никогда не ставил себя выше других, был не таким, как многие другие врачи в те времена.

Он хотел создать сильную команду кардиохирургов и учить молодых врачей ответственности и смелости, верил, что только практика превратит их в специалистов, и не боялся конкуренции.

В изданной спустя годы книге «Релига. Биография самого известного польского кардиохирурга» его коллеги Юдита Ватола и Дариуш Кротко написали об атмосфере тех дней: *«Не было никаких пространственных речей. В сущности, он обещал одно: “Когда мы откроемся, все будет зави-*

Мариуш Гогуль — доктор биологических наук, биохимик, популяризатор науки. Специалист по научной коммуникации, с самого начала своей деятельности связанный с Обществом представителей науки (Stowarzyszenie Rzecznicy Nauki).

сеть только от вас. Вы сами решаете, какими будете. Да, и еще: через год мы проведем здесь пересадку сердца". Что ж, сказано — сделано».

Непрестанные вызовы

После триумфа 5 ноября 1985 года команда Религи не почила на лаврах, а продолжала действовать. Уже через неделю была проведена следующая трансплантация — вновь успешная. За ней последовали новые операции. Энтузиазм в обществе не ослабевал. Клиника получила государственное финансирование, Релига за свои заслуги был удостоен множества наград, газеты, радио и телевидение сообщали о достижениях силезских врачей. Но главным было не это. Впоследствии профессор сказал: *«Честно говоря, я уже забыл обо всех этих медалях. Никогда всерьез о них не задумывался. Для меня гораздо важнее было создать хорошую команду молодых целеустремленных людей, которые показали, что в Польше можно сделать что-то стоящее без денег».*

И ему это действительно удалось. Известия о все новых и новых трансплантациях распространялись не только в медицинском мире, но и в широких кругах благодаря СМИ. В ночь с 4 на 5 сентября 1987 года после одной из операций была сделана знаменитая фотография, опубликованная в журнале National Geographic и вошедшая в список ста лучших в истории издания. На фото усталый Збигнев Релига сидит у операционного стола рядом с только что прооперированным пациентом. Сзади прямо на полу засыпает его ассистент, который в тот день помог профессору в двух успешных трансплантациях.

Подпись к фотографии гласит: *«Потратив 23 часа и 22 кассеты с пленкой, фотограф Джеймс Стэнсфилд понял, что ему наконец удалось сделать идеальный снимок. Он уловил тревожный взгляд Религи, следящего за жизненными функциями пациента после пересадки сердца».*

В 1991 году Релига вместе со своими коллегами первым в Польше подключил больному, ожидающему донорский орган, искусственное сердце, изготовленное в Германии. Затем, совместно с инженерами, он приступил к собственной работе по созданию польского аналога, исследуя сердечные клапаны. Первое польское искусственное сердце, POLVAD, было подключено больному в 1995 году. Кроме того, Релига впервые в Польше провел операцию с использованием веще-

ства, стимулирующего образование в сердце новых кровеносных сосудов.

В конце концов на пути дальнейшего развития встала проблема недостатка средств. После краха коммунистического режима у клиники в Забже не было денег на проведение трансплантаций и внедрение новых методов. И снова профессор не сдался: он основал Фонд развития кардиохирургии. Збигнев Релига всегда искал пути решения проблем, а его харизма помогала ему в этом.

Человек из плоти и крови

В то же время ничто человеческое не было ему чуждо. Всю свою жизнь Релига был заядлым курильщиком. Это довело его до рака легких, но ритм жизни профессора оставался неизменным — курение он на какое-то время бросил, но после последней операции вернулся к нему, осознавая, что это уже не изменит ситуации. Он обожал рыбалку в Африке, сам лечил и оперировал свою любимую собаку. Он обладал замечательным чувством юмора, умел взглянуть на себя со стороны, любил выпить. Конечно, у Збигнева Религи были свои недостатки, но он признавал их и давал людям все лучшее, что только мог.

В 2005 году он стал министром здравоохранения. Через какое-то время начались протесты службы здравоохранения, и примерно тогда же у Религи произошло обострение болезни. Позже ему пришлось уйти в отставку из-за очень тяжелого самочувствия, но в тот момент он не покинул свой пост, сказав: *«Я намерен вернуться к работе здоровым. Отставку я считаю бегством от проблемы. Сейчас, когда продолжаются забастовки, я не убегу».*

Збигнев Релига был автором и соавтором более 160 научных работ, прочитал десятки лекций, занимался лечением пациентов и политикой, не умел отказывать людям. Медсестры, ассистировавшие во время его операций, вспоминали, что он обожал слушать музыку, особенно джаз, и всегда напевал мелодии Луи Армстронга. Умер Збигнев Релига 8 марта 2009 года, в возрасте 70 лет, после тяжелой болезни. На его похоронах звучала мелодия *What a wonderful world*. Он оставил удивительное наследие — тысячи спасенных людей и сотни вдохновленных его деятельностью врачей.

Перевод Никиты Кузнецова

«Желание помогать людям у нас в крови»

Евгений Климакин
Данил Соловей

Во время Второй мировой войны Слава и Изидор Волосяньские спасли от смерти 39 евреев. Десятилетия спустя их внука вместе со своим мужем удочерила девочек из Тибета, а потом открыла для белорусских беженцев «Мирный дом». Рассказываем историю Катажины и Петра Скопцев.

«После того как в Беларуси прошли псевдовыборы, мы поняли, что репрессии там усилятся и нужно будет поддержать тех, кто решит спастись бегством», —

вспоминает Петр Скопец. К тому времени созданный его женой Катажиной фонд, который помогает детям и взрослым из других стран, оказавшимся в Польше, существовал уже два года. На волне событий за восточной границей белорусский вопрос стал для него одним из главных.

«Как-то по прихоти судьбы или по воле Божьей мы начали заниматься этими беженцами, — рассказывает Петр, — и иногда надо было срочно дать им крышу над головой, приютить. Так что у нас дома жили Виктор, Роман, другой Роман, в течение восьми месяцев — сестры Аня и Таня, двое фармацевтов из Гродно, Саша... Всего около десяти человек в разное время. Одни дольше, другие меньше».

Как правило, у гостей не было постоянного спального места, каждый день комнаты распределялись по-разному. Все зависело от количества людей и от того, сколько среди них мужчин и сколько женщин.

«Желание помогать людям у нас в крови», — говорит Катажина. И это на самом деле своего рода семейная традиция. Образцом для семьи

Евгений Климакин — заместитель главного редактора «Новой Польши».

Работал на портале culture.pl, Polskie Radio, телеканалах TVN и 1+1, писал для National Geographic и сайта «Эхо Москвы».

Данил Соловей — журналист, выпускник Общественной академии наук в Варшаве и Киевского политехнического института.

Скопец стала история бабушки и дедушки Катажины, которые во время войны в течение 22 месяцев прятали от нацистов в подвале своего дома евреев — всего 39 человек, в том числе восемь детей и подростков младше 16 лет.

Подвал в Дрогобыче

Фонд Катажины называется Humanosh (соединение слова «человек» на английском — human — и на иврите — enosh) и носит имя ее бабушки Славы и дедушки Изека.

«Недавно мне кто-то сказал, что зря я назвала фонд именем “Славы и Изека Волосьянских”, потому что [по форме имени] все думают, что дедушка был евреем, — рассказывает Катажина. — Но если даже и думают, то что? Это разве плохо? Евреи, которых спасли мои бабушка и дедушка, сказали, что никто не называл его полным именем — все говорили “Изек”».

На самом деле дедушка был ополяченным украинцем, официально его звали Изидор, а бабушку — Ярослава. Во время войны они жили в Дрогобыче (современная Украина). Изек работал техническим руководителем на небольшой фабрике, основным владельцем которой был местный еврей Зайферт, а соучредителем и директором — отец Изидора, Миколай Волосьянский. На их предприятии трудились и украинцы, и евреи, и поляки.

По словам Катажины, «Миколай был человеком открытых взглядов, немного социалистом по убеждениям. Это была редкость в то время: совместное украинско-польско-еврейское дело (третьим соучредителем был украинец, не знаю его фамилии). У Миколая Волосьянского и Зайферта была концепция: им было важно обучать молодых людей, чтобы те могли потом получить хорошую работу на других окрестных фабриках».

Итак, Изек работал на фабрике и жил в доме рядом, который тоже принадлежал Зайферам. Если поехать в Дрогобыч и найти это здание — улица Шашкевича, дом 9, — на дверях можно разглядеть их фамилию. В начале войны Изек встретил Славу, и скоро она переехала к нему.

Немцы еще не пришли в Дрогобыч, но люди понимали, что это, вероятнее всего, произойдет, и евреи начинали задумываться, что им тогда делать. Среди сотрудников фабрики были люди родом из Катовице, из Берлина, так что все знали, что происходит в Генерал-губернаторстве¹. Уже было

¹ Генерал-губернаторство — административное образование, в которое входила большая часть оккупированных Германией польских земель.

известно, что евреев убивают. Волосяньские начали готовить укрытие.

«Еще до прихода немцев укрытие под служебной квартирой моего дедушки было готово, — рассказывает Катажина. — В кухне был люк, через который можно было попасть в подвал, рассчитанный на трех-четырёх человек. Там должна была прятаться семья паркетчика Вольфа Штока, который работал на той же фабрике. И, собственно, изначально всё. В 1941 году в Дрогобыч

Слава и Изидор Волосяньские с дочерью Анной.

Источник: фонд Humanosh

на несколько часов — например, во время облавы. Но когда большую часть евреев из дрогобычского гетто отправили в концлагерь, стало понятно, что риски все более серьезные. С сентября 1942 года люди начали поселяться в подвале Волосяньских.

После того как оккупанты закрепились в городе, директором мастерской вместо Миколая Волосяньского стал немец. Он получил служебное жилье на втором этаже того же дома.

Ситуация выглядела следующим образом: Слава с Изидором живут на первом этаже, над ними немец, а под ними, в подвале — евреи.

По словам Катажины, *«первое время бабушка и дедушка жили вместе, не будучи мужем и женой, что было по тем временам очень смело. Они решили пожениться, чтобы у дедушки не забрали квартиру или не подселили кого-то, тем более что его квартира была лучше, чем у немца сверху. Они поженились в январе 1943 года, в это время бабушка уже была беременна. Это было очень удачно, потому что в детской коляске под матрасиком можно было прятать еду. Бабушка тогда курсировала по всему Дрогобычу, по разным магазинам, чтобы купить продукты на всех, кто прятался в подвале».*

На момент свадьбы Славы и Изека в укрытии жили 14 человек. В августе 1943 года их было около 30. Потом появились еще девять. Со временем Изек оборудовал в укрытии туалет, освещение и кухню. Люди, которые там находились, старались вести, насколько это было возможно, нормальную жизнь.

«Мой дедушка по натуре был эдаким массовиком-затейником, — рассказывает Катажина. — Иногда он приносил им яичный ликер, сидел с ними — играли в шахматы, в карты. Бабушка приносила книжки. В дневниках Хадассы Лизи упо-

**Ситуация выглядела следующим образом:
Слава с Изидором живут на первом этаже,
над ними немец, а под ними, в подвале — евреи.**

входят немцы, той же осенью появляется гетто, и примерно в это же время дедушка начинает прятать евреев в этом укрытии. Позже, когда оказалось, что оно слишком тесное, его стали доставлять, копая в разные стороны».

Изначально евреи, в основном коллеги Изека, прятались в укрытии только эпизодически,

минается, как они с Юлеком Тапером [оба тогда были подростками] научились, лежа на боку в подвале, вместе читать одну книгу».

Подвал был такой низкий, что взрослый человек не мог там распрямиться, так что в основном все сидели или лежали — так 22 месяца! Им приходилось одновременно ложиться спать и одновре-

менно вставать, потому что, когда раскладывали спальные места, они занимали все пространство. Были и выделенные часы, когда все пользовались туалетом. В это время Слава наверху пускала воду в ванной, чтобы заглушить звук.

Конечно, были и опасные моменты, когда казалось, что укрытие могут разоблачить. Вот что рассказывает об одном из них Катажина: *«Там были такие подвальные окошки, засыпанные землей. Однажды немец, живший наверху, подходит,*

ла кровью, но поползла до двери. Это была зима, на снегу остались кровавые следы. Все думали, что это конец, но удалось совершить чудо: «Отец бабушкиной подруги был гинекологом, в начале войны он закопал инструменты, и Слава попросила откопать их. Бабушка заставила троих врачей, которые жили в подвале (дантист и двое терапевтов), сделать операцию — и у них получилось! Женщина выжила», — рассказывает Катажина.

Катажина и Петр Скопцы.

Фото: Александра Кононченко / Новая Польша

указывает на них и говорит: “Пани Слава, вы, наверное, там евреев прячете”. То ли в шутку, то ли всерьез. После этого бабушка с дедушкой досыпали там больше земли, как-то переделали. А еще они там посыпали перцем, чтобы отбить запах, потому что у того немца была собака. Трудная была ситуация».

Второй опасный момент был, когда одна девушка из живущих в подвале забеременела и родила мертвого ребенка, после чего у нее произошло приращение плаценты. Изек и Слава договорились об операции, привезли ее ночью в больницу, но врач испугался и выставил девушку за дверь. Она вернулась домой сама. Истека-

Казалось бы, людей, которые прятались в подвале, должны были сплотить общие трудности, но, конечно, возникали и конфликты. *«Самый большой спор в подвале моей бабушки был из-за денег», — рассказывает Катажина.* В какой-то момент у одной из семей закончились средства на еду. Тогда самые богатые сказали, что платить за других они не будут. На что Слава заявила, что это ни на что не влияет: все будут получать одинаковые порции еды, иначе быть не может.

Все 39 человек, жившие в том подвале, пережили нацистскую оккупацию города. Трое из них сейчас живут в Израиле. А потомки спасенных Славой и Изидором разбросаны по всему миру.

Родители и дети

В семье Петра Скопца нет такой героической истории, как у его жены, но и он рос в доме, двери которого были открыты для гостей и всех нуждающихся. Глядя на людей, которым они с женой дали приют, Петр вспоминает детство: *«К нам с родителями приезжали родственники из Беларуси, Украины: со стороны отца — из полесского Дрогичина возле Пинска, а со стороны мамы — из Любомля, Ковеля, Ивано-Франковска. И во Владимире-Волынском у нас родственники. И когда в нашей квартире на 12 этаже проходили семейные сборища, мы с бабушкой переезжали жить на балкон, так как на полу в комнатах просто не хватало места для всех. Родители старались помогать разным людям. Лет пять у нас жил Вадим, повар из Украины, — он потом уехал в Канаду. Потом другой парень, из Бреста. Когда я возвращался домой, то никогда не знал, кого там застану и кто где будет спать. Поэтому для меня нормально, когда в доме так много людей: ведь надо же им помогать!»*

Катажина говорит, что ее, как и мужа, сформировал период военного положения и трансформации в Польше. *«Мы жили еще тогда, когда люди друг другу не звонили, а просто приходили. И лично немного скучаю по этому»,* — говорит она.

Ничего удивительного, что ценности Катажины и Петра разделяют их дети. В 2007 году, когда Зузанне было 12 лет, а Франеку — четыре, одна газета опубликовала статью о девочке из Тибета, для которой ищут дом в Польше. Прочитав статью, Катажина и Петр спросили своих детей, как они относятся к тому, чтобы с ними жила эта девочка?

«Франек хотел, чтобы в доме было больше детей, потому что тогда было бы еще больше веселья, — вспоминает Петр. — Хотя вообще он мечтал, чтобы это были мальчики — играть в футбол. А Зуза сказала: “Если бабушка Слава сумела позаботиться о 39 евреях в подвале, то и я об одной тибетской девочке наверняка сумею. Тем более меня никто не хочет за это пристрелить”».

Когда они пришли на встречу, выяснилось, что девочек-подростков три — они между собой двоюродные сестры, и у каждой за плечами своя история. Они приехали в Польшу по приглашению одного фонда, и, зная ситуацию в Тибете, все понимали, что им лучше остаться в Европе. Семья Скопцев оказалась единственными, кто отозвался.

«Начинались каникулы, так что мы отвезли всех детей к моему тестю, папе Каси: там были Хим, Зузя, Лодрома, Сонам и Франек, и еще няня Франека. Мы навещали их по выходным вместе с дядей девочек, тибетским монахом Аямламой, и, наблюдая за детьми, мы вместе с ним и папой

Каси решили, что лучше всего будет, если с нами поселится самая младшая из них, Сонам», — вспоминает Петр.

Хим и Лодрома были тогда уже фактически взрослые, им было 18 и 16 лет, а 14-летняя Сонам по возрасту была ближе всех к Зузе. С сентября она поселилась с ней в одной комнате и пошла в польскую школу. И тогда, рассказывает Катажина, они с мужем приняли еще одно важное реше-

Катажина Скопец (справа) с мамой Сонам и Канджу, 2008. Источник: фонд Humanosh

ние: *«Мы подумали, что нужно поехать в Тибет к родителям Сонам, чтобы они знали, где она будет жить, как мы выглядим, кто такие. Девочки испекли для них печенье. Мы поехали в Тибет и как-то общались с ними при помощи жестов, фотографий, этого печенья и других вещей, которые мы привезли с собой. Мы объяснили, что их дочка будет жить с нами, что мы ее любим, что она ходит в школу, помогает по дому».*

В Тибете Катажина и Петр познакомились с Канджу, младшей сестрой Сонам. Уже тогда они знали, что мама девочек тяжело больна — она умерла примерно год спустя, — и решили, что стоит забрать Канджу в Польшу. Уже более десяти лет Сонам и Канджу — часть их семьи.

«Далай-лама говорит жителям Тибета, чтобы они спасали своих детей, давая им возможность выезжать из Китая, чтобы они могли учиться, — объясняет Петр. — Китай аннексировал Тибет в 1959 году. Тогда тибетцев было шесть миллионов, а сейчас осталось только четыре — два миллиона сократили “мягким способом”: отсутствием современной медицины, доступа к прививкам и теми решениями, которые принимает китай-

После поездки в Тибет Петр и Катажина привезли с собой не только вторую приемную дочку, но и еще 17 человек, которые были вынуждены бежать из Китая из-за возможных репрессий, экономических трудностей или по состоянию здоровья.

Сейчас Канджу учится в лицее, а Сонам — в медицинском вузе: она начинала учиться в Украине, потом была в США, успешно прошла стажировку в израильской клинике. У родных детей Ка-

В «Мирном доме». Источник: фонд Humanosh

ское правительство. Ну и Далай-лама говорит им, что они должны бежать из Тибета, чтобы иметь возможность со временем создать новое государство, хотя бы в изгнании, и лоббировать в мире проблему восстановления независимости Тибета. Поэтому они сознательно отдают детей [за границу], так же как отдают их в монастыри. Это как [во время войны] в Варшаве и везде еврейские семьи отдавали своих детей. Невозможно себе представить, как можно отослать своего ребенка. Ведь они, скорее всего, расстанутся с ними навсегда. Но тибетцы иначе, по-буддийски относятся к жизни: для них существует реинкарнация, бесконечное возвращающееся добро. Может, поэтому им легче».

тажины и Петра, как и у приемных, уже своя жизнь, а некоторые даже не живут в Польше, но все они поддерживают родителей и по мере сил помогают им с фондом.

Мирный дом

Одно из главных достижений фонда Humanosh — открытый в марте 2021 года «Мирный дом» в Варшаве: там живут белорусы, которые вынуждены были бежать из своей страны. Для реализации этого проекта супруги Скопец искали любые возможности, обращались за помощью к знакомым бизнесменам. По словам Катажины, «все началось с того, что сначала люди [из Беларуси] жили у нас дома, потом один человек ночевал на диване

у моей мамы, еще у нашего приятеля кто-то жил. Когда мы стали рассказывать в СМИ истории беженцев, к нам начали обращаться люди, которые предлагали свое жилье только за оплату коммунальных услуг. И это идеальное решение, потому что тогда люди, которые там живут, могут сами себя содержать».

В Доме есть адаптационный период, три месяца. Первый месяц люди живут бесплатно, второй и третий — за полцены. Дальше каждый месяц проживания обходится в 500 злотых с человека. Как объясняет Катажина, такая система должна мотивировать людей брать ответственность за ситуацию в свои руки. Конечно, фонд не только обеспечивает беженцев жильем. Катажина и ее коллеги помогают им найти работу, оформить документы на пребывание, оформить номер PESEL² и счет в банке. За время адаптации люди могут осмотреться и решить, стоит ли им жить именно в Варшаве или лучше рассмотреть другие города.

Через «Мирный дом» уже прошло больше двадцати человек, но поток нуждающихся в жилье так велик, что многих Петр и Катажина по-прежнему размещают у себя дома или помогают им что-то снять — семье удалось найти уже более десятка квартир. Так или иначе они помогли более чем сотне белорусов.

«Мы мечтаем создать что-то вроде дома культуры, — делится Катажина, — и совместить его с кофейней, в которой все эти люди смогут встречаться. Это также будет место для организации выставок и концертов. Им это очень нужно!»

У каждого белоруса своя сложная история. Например, рассказывает Петр, Мария и ее дочь Ева хотели через Польшу добраться в Швецию, но не смогли: «Польша не хотела их выпустить, потому что таковы правила. Страна, которая предоставила гуманитарную визу или чья граница была пересечена первой, закрепляет за собой обязанность помочь беженцам. Если поедешь дальше, тебя депортируют — в их случае обратно в Польшу».

Маму с дочкой отправили в лагерь для беженцев под Торунем. Там один чеченец хотел сделать Марию своей второй женой. «Мы их оттуда вытаскили, теперь они у нас», — рассказывает Ката-

жина. У девочки, вероятно, аутизм, для нее было бы лучше всего попасть в Швецию, где живет ее бабушка, но добиться этого пока не получается.

«То, что мы делаем сейчас, нацелено главным образом на Беларусь, — объясняет Катажина, — потому что там происходят совершенно трагические вещи, и в основном люди бегут оттуда не по экономическим причинам, а по политическим, и именно их мы стараемся поддерживать. Мы помогаем политическим беженцам, и так было всегда. Нас не устраивают условия, которые царят в польских лагерях для беженцев. Мы оба с мужем не понимаем, почему, например, там нет плоских тарелок, кастрюль или половников. Не понимаем, почему там водятся тараканы».

По словам Катажины, люди, которые приехали из Беларуси за последний год, находятся в ужасном стрессе, а поляки в общем и целом недостаточно хорошо понимают масштаб событий в соседней стране.

«Мы всего лишь люди, и те, кто нуждается в этой помощи, — тоже, — размышляет Петр. — Они вынуждены бежать из своей страны: там для них все знакомо и понятно, а здесь все приходится начинать с самого начала».

Нередко супруги получают звонки с предложением помощи в их деятельности, и помощи не только финансовой. Например, недавно друг семьи предложил каждый вечер забирать еду из его ресторана. «Когда я ехала туда впервые, то как будто направлялась в салон за новым "порше": радовалась как ребенок!» — вспоминает Катажина.

Связь деятельности фонда с семейной историей имеет для Катажины огромное значение: «Мы поддерживаем контакт с теми, кого спасли мои бабушка и дедушка, и один из первых людей, который нас поддержал финансово, в том числе в деле помощи белорусам, — Шломо из Израиля, чья мама была в числе детей в бабушкином подвале».

Она часто возвращается к истории своих бабушки и дедушки: их пример дает ей силы преодолевать трудности. «У нас евангельский подход к жизни, — говорит Катажина. — Каждый день начинается с любви к другому человеку, даже если накануне кто-то тебя обидел. Нам повезло, что у нас есть возможность помогать».

2 PESEL — личный идентификационный номер, который есть у всех граждан Польши и постоянно проживающих в стране иностранцев.

АНИТА ВЛОДАРЧИК

Королева в метании молота

Антоний Цихий

Анита Влодарчик после победы на Олимпийских играх в Токио, 2021.

Фото: Александра Шмигель / Forum

Она стала первой женщиной в истории легкой атлетики, завоевавшей золотые медали на трех олимпиадах подряд.

Существует не так много видов спорта, в которых поляки так же сильны и непобедимы, как в метании молота. Организаторы олимпиады в Токио подготовили шесть медалей — по три для мужчин и женщин. Четыре из них завоевали польские легкоатлеты: Войцех Новицкий, Павел Файдек, Мальвина Копрон и Анита Влодарчик, чье имя стало легендой. О ней пишет весь легкоатлетический мир, а с поздравлениями приходит даже Сергей Бубка, выдающийся прыгун с шестом. Тридцатипятилетняя спортсменка признается, что вовсе не собирается останавливаться на достигнутом и через три года в Париже охотно поборется за очередную медаль. Надеемся, золотую, — ведь именно такие она получала чаще всего.

В интервью Влодарчик без притворной скромности говорит о своих достижениях: *«Когда я шла на финальные соревнования, то рассчитывала на подобные результаты. 1 августа 2015 года я вошла в историю как первая женщина, преодолевшая отметку 80 метров. 3 августа 2021 года — как первая легкоатлетка, завоевавшая третью золотую медаль подряд».*

Антоний Цихий — журналист, сотрудничает с интернет-порталом TVP Sport. Корреспондент на чемпионатах мира и Европы, а также теннисных турнирах Большого шлема. Переводил книгу Марии Шараповой «Неудержимая».

Тренировки в гостиничном номере

Этого золота могло не быть вообще. Год назад спортсменка восстанавливалась после серьезной травмы, пропустила не один месяц тренировок. Если бы не пандемия коронавируса, из-за которой было принято решение о переносе Игр, олимпийский пьедестал выглядел бы иначе: на нем не стояла бы Анита Влодарчик. А пьедестал без Влодарчик на соревнованиях по метанию молота — нечто неслыханное уже много лет. Лондон–2012, Рио–2016 и Токио–2021 — три олимпиады, три победы. Хотя первая случилась не сразу: вначале Влодарчик получила серебро, а золото — позже, когда дисквалифицировали ее соперницу.

Она уже привыкла к успеху, но по-прежнему волнуется и не скрывает эмоций — ведь золото в Токио далось ей нелегко: *«Да, на церемонии награждения я была растрогана. И даже расплакалась — кажется, второй раз за всю карьеру. В первый раз я так волновалась на церемонии в Рио, когда медаль мне вручала Ирена Шевиньская¹. Сегодня нахлынули воспоминания о Лондоне. Я помню, как ощутила тяжесть серебряной медали. Теперь то же самое, те же чувства. Медаль тяжелая!»*

Ей пришлось приложить много усилий, пережить тяжелые моменты, чтобы суметь в Токио забросить молот так далеко. Только узнав, что третье золото — ее, Влодарчик стала вспоминать о том, через что ей пришлось пройти: *«Тренер напомнил мне о двух карантинах, которые я провела в отеле, о том, как я тренировалась в гостиничном номере. Но мы верили, что все получится. За девять месяцев я вошла в форму. Невероятно, что для достижения такого результата потребовалось так мало времени».*

Наследие Камилы Сколимовской

Три золотые олимпийские медали подряд, четыре титула чемпионки мира, четыре титула чемпионки Европы — все это говорит само за себя. Анита продолжает прекрасную историю польского метания молота, начатую Камиллой Сколимовской. Когда в 2000 году в Сиднее Сколимовская стала олимпийской чемпионкой, ей было всего восемнадцать лет. Спустя девять лет она потеряла сознание во время сборов и умерла.

Влодарчик всегда выходит на состязания в перчатке Камилы. Это ее талисман. Через несколько месяцев после смерти Сколимовской она впервые побила мировой рекорд.

¹ Ирена Шевиньская (1946–2018) — польская легкоатлетка, трехкратная олимпийская чемпионка и пятикратная чемпионка Европы.

В десятую годовщину со дня смерти подружки Влодарчик выложила в социальных сетях снимок перчатки и красноречивый комментарий: *«18.02.2009. Камила Сколимовская. Есть вещи, которых никто и ничто не изменит. Навсегда в моем сердце и вместе со мной на соревнованиях».*

Она счастлива, когда падает от усталости

Отважная, амбициозная, несгибаемая — Влодарчик идет своим путем. Она усердно тренируется и часто падает от усталости. Она знает, что это еще один шаг к новому успеху: *«Я счастлива, когда на тренировке выкладываюсь до конца, так как знаю, что отлично поработала. Во время бросков такого чувства нет, там не успеваешь устать. Зато после силовой, интервальной тренировки бывают такие моменты, что просто падаешь. Заканчиваешь тренировку и думаешь: больше ни за что. Но проходит день, и ты не можешь дождаться следующего раза».*

За прошедший год Аниита Влодарчик не была дома 320 дней — именно столько времени легкоатлетка провела на сборах. Она была готова к этим жертвам, ведь знала, что, решившись на карьеру в профессиональном спорте, должна будет от че-

го-то отказаться. Дома она чувствует себя, как в гостинице. Больше всего времени спортсменка провела там, когда лечила травму — ту самую, из-за которой могла пропустить игры.

Настоящая чемпионка

В Токио она вновь стала лучшей и пока еще не говорит «пас». Наоборот, обещает: *«Если позволит здоровье, увидимся в Париже».* Так Влодарчик заявила, завоевав третье золото. Она приносит радость не только себе, но и миллионам болельщиков во всем мире. Некоторые из них уже в преклонном возрасте, и к таким людям спортсменка относится с огромным уважением. В прошлом году она приняла участие в акции «Помощь для пожилых». Делала для них покупки, приносила к дверям квартир. А когда узнала от знакомой, что один пожилой мужчина — ее болельщик, сразу позвонила ему: *«Отвечая на звонок, пан Ян расплакался. Представляете себе? Всего пять минут разговора — и такие эмоции. У него недавно умерла жена, и он не может смириться с произошедшим. Ему нужно общение с людьми, необходимо с кем-то разговаривать».*

Перевод Владимира Окуня

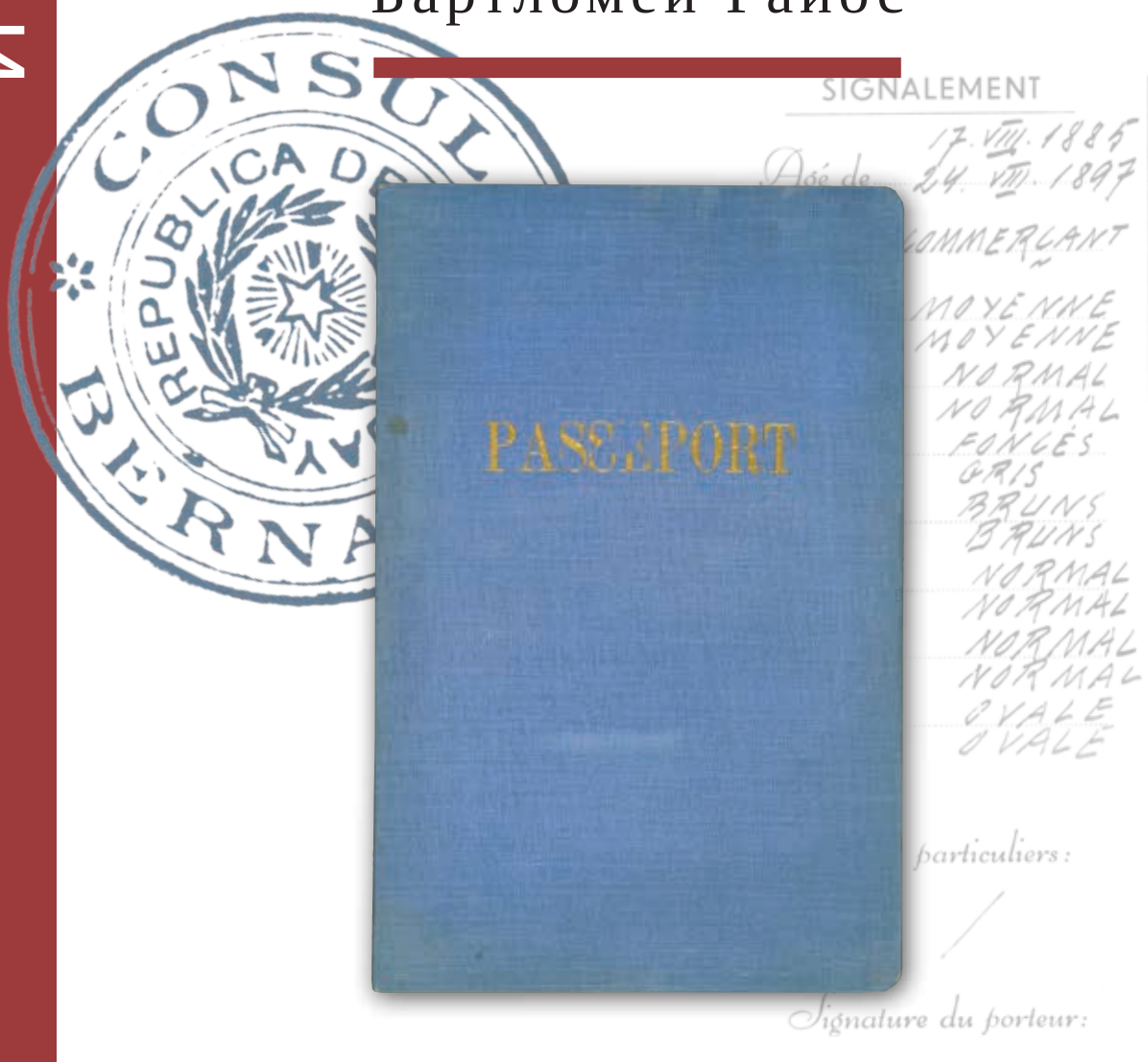
Аниита Влодарчик на Чемпионате Европы по легкой атлетике в Амстердаме, 2016.

Фото: Радослав Юзьяк / Fotum

ПОЛЬСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Бюрократия во имя спасения

Бартломей Гайос

Паспорт, оформленный при помощи группы польских дипломатов во главе с Александром Ладосем.

Источник: Paszporty życia / Музей Аушвиц-Биркенау

Интервью с историком
Петром Длуголенцким,
редактором книги
«Перед лицом Катастрофы.
Отношение Правительства
Речи Посполитой в изгнании
к евреям в 1939–1945 годах».

Польским гражданам еврейского происхождения, бежавшим из оккупированной немцами страны, было необходимо легализовать свое пребывание в том государстве, в которое они приехали, или получить документы, позволяющие переехать в более безопасное место. Им помогли польские дипломатические представительства, которые получали от данной страны разрешение на въезд определенного числа людей (так называемый контингент).

Чаще всего принимавшие беженцев государства выдавали виз меньше, чем было людей, бежавших от немецкой оккупации. Чиновники делали все возможное, чтобы спасти максимальное количество людей, но часто они вставали перед трудным с моральной точки зрения выбором. Именно от них в конечном счете зависело, кого спасти, а кого обречь на депортацию.

Бартломей Гайос: В своем издании вы собрали более 500 документов времен Второй мировой войны, которые отражают деятельность польских дипломатических представительств, касающуюся евреев — граждан довоенной Польши. Что вас больше всего поразило?

Петр Длуголенцкий: Бюрократия. Я не осознавал ее масштабов. Обычно мы мыслим о Второй мировой войне в героических и весьма возвышенных категориях. В то же время большая часть действий польской дипломатической и консульской службы не соответствует этой картинке и вряд ли стала бы хорошим материалом для кино — кому захочется смотреть фильм о тягостной борьбе с бесконечными учреждениями и бумажной волокитой?

Петр Длуголенцкий.

Фото: Юрий Друг / Новая Польша

БГ: До войны в Польше проживало около трех миллионов евреев. Усматриваете ли вы в деятельности польской дипломатической службы по оказанию помощи иное отношение к польским гражданам еврейского происхождения в сравнении с другими?

ПД: Да. Это различное отношение объяснялось разными причинами, в первую очередь политической принимающих стран. Очень часто различные государства вводили ограничения для евреев, и польская сторона вынуждена была к ним приспосабливаться. Например, в донесении польского посла в Мексике относительно ситуации в Коста-Рике содержалась информация о том, что тамошние политики требуют «полицейского надзора над польскими евреями как нежелательным и даже вредным элементом, а также полной их высылки после наступления в Европе нормальных условий».

БГ: Министр иностранных дел Аугуст Залеский, в свою очередь, 17 марта 1941 года в шифрограмме сообщал, что Австралия и Канада неприязненно настроены к приему «каких-либо еврейских беженцев». Так было повсюду?

ПД: В течение всего периода войны Польша сталкивалась с подобным отношением каждого

принимающего государства. Все они вводили лимиты на прием беженцев, прежде всего — еврейских. Эта ситуация не была новой: еще до войны было заметно скептическое отношение западных стран к приему евреев. Ярче всего об этом свидетельствует отсутствие конкретных решений Эвианской конференции 1938 года¹. Предполагалось, что в ситуации угрозы для евреев Германии на этой конференции будут приняты решения об увеличении допустимого количества мигрантов в различные страны мира.

Начало войны не принесло принципиального изменения. Например, Колумбия мгновенно ввела полный запрет на выдачу въездных виз евреям. В мае 1940 года польское генеральное консульство в Боготе докладывало, что это решение обусловлено настроениями колумбийского населения, которое требовало ввести такие ограничения. Там опасались торговцев и лиц свободных профессий, поскольку те могли бы создать «разорительную и нелояльную конкуренцию». В итоге без каких-либо знакомств в Колумбии евреям не стоило рассчитывать на получение визы, а польское консульство информировало: *«По подсчетам властей, по меньшей мере 250 тысяч евреев ютятся по разным странам Европы, изо всех сил выискивая возможность эмиграции в Америку. Поэтому продолжение политики "открытых дверей" было бы слишком опасно для Колумбии»*. Подобным образом дело обстояло на Балканах, например, осенью 1939 года польский посланник в Белграде информировал: *«В Югославии можно размещать только беженцев, имеющих некоторые средства, так как жизнь здесь намного дороже, чем в Румынии. Евреев Югославия не принимает»*.

БГ: Выдвигались ли другие аргументы против приема евреев?

ПД: Все принимающие страны рассматривали беженцев как потенциальную проблему. Во-первых, потому что им не всегда можно было гарантировать работу, а ведь этим людям нужно было на что-то существовать. Кроме того, среди них встречались не только люди высокоморальные, но и представители социального дна, имеющие проблемы с законом. Например, польское посольство в Вашингтоне, информируя о лагере беженцев из Польши на территории Мексики,

сообщает: *«Постоянную опасность для добро-го имени лагеря представляют полтора десятка профессиональных бандитов и проститутки, чье поведение бросает тень на контингент в целом, спокойный и морально здоровый»*. Ситуация, когда среди беженцев оказывались такие люди, представляла собой сложную задачу для польских чиновников. Нужно ли вообще это учитывать? Должны ли они думать о том, что эвакуация представителей социального дна может вызвать недовольство принимающих государств и повлечь за собой ограничение или запрет на выезд других людей? Чем руководствоваться в таком случае?

Такого рода трудные решения польским чиновникам приходилось принимать в течение всего военного периода. Это была «игра в Господа Бога», поскольку получение визы означало, что этот человек, вероятнее всего, выживет. А неполучение — что он будет депортирован в страну, оккупированную или контролируемую Германией. Очень ярко это выразил Эрих Мария Ремарк, который в романе «Ночь в Лиссабоне», посвященном судьбе людей, пытающихся спастись от нацизма, писал: *«Человек был ничем; надежный паспорт — всем»*.

БГ: Что-нибудь еще влияло на отношение к лицам еврейского происхождения?

ПД: Пол и возраст. Мужчина призывного возраста, да еще с армейским опытом, по умолчанию имел больше шансов на получение документов. С точки зрения польского государства он был более полезен, чем, например, человек еврейского происхождения непризывного возраста, который не знал ни слова по-польски и не был инженером,

Бартломей Гайос — научный консультант «Новой Польши», историк. Специалист по истории российских революций 1917 года и политике памяти.

¹ Конференция, созванная по инициативе президента США Франклина Рузвельта и проходившая 6–15 июля 1938 года в Эвиан-ле-Бен (Франция).

врачом или иным специалистом. Дело в том, что правительство в изгнании, не контролирующее территории своего государства, значило ровно столько, сколько значили подчиненные ему вооруженные силы. В том числе и поэтому польские власти делали все возможное, чтобы увеличить свой военный потенциал, что сказывалось также на политике в отношении беженцев.

Имела значение и обеспеченность: если кто-то обладал средствами для проживания в прини-

БГ: Какую роль играл антисемитизм?

ПД: В течение всего периода войны польское правительство сталкивалось с обвинениями в антисемитизме: в вопросе ли благоприятствования этническим полякам или неоказания помощи евреям. Определенно, часть этих обвинений была справедлива. Насколько большая часть? С моей точки зрения, следует изучать каждый случай в отдельности.

В то же время на высоком политическом уровне — министра, премьера, офицера высоко-

Документы, оформленные при помощи группы польских дипломатов во главе с Александром Ладосем.

Источник: Paszporty życia / Музей Аушвиц-Биркенау

мающей стране, ему на этом основании было легче получить визу. Как человек обеспеченный он попросту не представлял дополнительной финансовой нагрузки для принимающей страны.

Бывали и такие ситуации, когда положение еврейских беженцев парадоксальным образом усложнялось из-за того, что прежде они приняли христианство. В одном из документов представлена судьба Яна Рудольфа Франкенталя, беженца из Польши, у которого не было финансовых средств, чтобы попасть в Бразилию (хотя была виза). Он надолго застрял в Стамбуле, и проблема его заключалась в том, что христианские организации отказывали ему в помощи, советуя связаться с еврейскими комитетами помощи, а те, в свою очередь, отказывали ему как христианину.

го ранга — я не обнаружил ни одного документа, свидетельствующего об антисемитском поведении. Как раз наоборот: у нас имеются воззвания и декларации политиков о том, что с каждым гражданином Речи Посполитой должны обращаться одинаково, независимо от происхождения.

Нужно помнить и еще об одной очень важной вещи: если из 100 человек, ожидающих помощи, ее, в силу нехватки ресурсов, получают лишь 90, то будет ли это проявлением антисемитизма по отношению к остальным 10? В атмосфере войны, известий о Холокосте, любой неловкий шаг или формулировка не раз перерастали в огромную проблему.

Антисемитизм существовал. При этом я считаю, что он не имел такого уж большого значения, как это представляла тогдашняя пресса.

БГ: Что определяло успех побега из Польши?

ПД: В первую очередь, деньги. До октября 1940 года эмиграция евреев из Генерал-губернаторства² была возможна, но этот путь был доступен тем, у кого были достаточные средства. Кроме того, есть еще один момент, который часто упускают: ведь тогда не каждый осознавал либо предчувствовал, что остаться на оккупированной немцами территории означает обречь себя на скорую смерть.

БГ: Допустим, я — польский еврей из Лодзи.

У меня есть деньги, я готов уехать. Что дальше?

ПД: Нужно получить визу — транзитную либо до пункта назначения, то есть той страны, в которую вы хотите эмигрировать на постоянное жительство. И здесь возникает проблема: ведь выехать в Италию или Францию теоретически очень легко, но лишь при условии, что это транзитные страны и человек хочет только остановиться там перед дальнейшим путешествием в Северную или Южную Америку либо в Палестину.

БГ: Каким путем люди бежали?

ПД: Первый коридор вел через Венгрию и Румынию, до того момента, когда под давлением Берлина в 1940 году эти государства перестали быть нейтральными. Бежали также через Югославию и Грецию. Этот путь оказался отрезан, когда Германия напала на эти страны в апреле 1941 года. Ликвидация польских диппредставительств в Будапеште, Бухаресте, Белграде и Афинах сильно усложнила ситуацию. Следующий коридор вел через Италию, Францию, Испанию, Португалию и затем в Южную Америку.

Бежали также через Виленский край, СССР и дальше в Японию. Дипломатическую миссию в Токио закрыли в октябре 1941 года и перенесли в оккупированный Японией Шанхай. На этом направлении удалось спастись примерно тысяче еврейских беженцев. Еще один, наименее эффективный путь вел через Скандинавию.

БГ: Был ли какой-то период, когда существовали относительно благоприятные условия для бегства?

ПД: Наибольшему числу людей удалось бежать в первой фазе войны, перед закрытием гетто, то есть до конца 1940 года. Если бы позиция при-

нимающих стран была тогда иной, то, конечно, удалось бы спасти больше людей. И, с моей точки зрения, была возможность их принять значительно больше. С другой стороны, тут есть некоторый антиисторизм: ведь это сегодня нам известно, что именно произошло, и мы хотели бы, чтобы удалось спасти больше жизней. Но в 1940 году мало кто это осознавал.

Впрочем, стоит помнить, что в 1943 году, то есть когда о Холокосте было уже хорошо известно, итоги Бермудской конференции³ тоже свелись к расплывчатым призывам принимать еврейских беженцев в нейтральных странах, а конкретные решения приняты не были. Тогда уже, правда, выехать с оккупированных территорий было практически невозможно.

БГ: В состоянии ли вы оценить, скольким из трех миллионов польских граждан еврейского происхождения помогла польская консульская служба?

ПД: Нет. У нас есть приблизительные и к тому же разрозненные оценки. Например, в середине 1940 года польские дипломатические службы сообщали, что по Европе скитается около 250 тысяч евреев. Сколько из них обратилось в польские службы тогда, а сколько после этой даты, и какое количество из них получило помощь? Мы не знаем.

К тому же масштаб деятельности консульских работников был разным. Если была возможность отправить трех техников в Бразилию, то их искали и отправляли. Если где-то требовались врачи — то же самое. Если была группа ювелиров-огранщиков, живших в бельгийском Антверпене, и их можно было рассматривать как состоятельную группу, которую удастся где-то разместить просто потому, что у них есть средства, то старались «приткнуть» их куда-нибудь.

БГ: Что было целью этого бегства?

ПД: Главным было бежать из Европы, потому что даже в нейтральных странах вроде Португалии или Испании никто не мог быть уверен, что его документы не признают сомнительными и его не депортируют, например, в занятую немцами Францию. Конечной целью беженцев были прежде всего США, Южная Америка и Палестина. При этом последняя тогда представляла собой под-

2 Генерал-губернаторство — административно-территориальное образование, созданное на части польской территории, оккупированной нацистской Германией.

3 Бермудская конференция проходила с 19 по 30 апреля 1943 года; во время нее США и Великобритания планировали выработать общую политику в отношении еврейских беженцев, которые находились на территориях, освобожденных союзниками, а также тех, кто еще находился под нацистской оккупацией.

мандатную территорию Великобритании, и британские власти не хотели принимать большие группы еврейского населения, поскольку проводили политику баланса между еврейским и арабским элементом.

Если еврею удавалось бежать из мест, где ему грозило прямое уничтожение, тогда у него появлялась общность интересов с польскими кон-

Александр Ладось.

Источник: Википедия

сульскими службами. Ведь для них было важно как можно скорее разгрузить приток беженцев и создать места для вновь прибывающих. Это было особенно актуально, например, в Лиссабоне и Мадриде.

БГ: Каким образом они пытались это делать?

ПД: Первый вид деятельности — это тот, символом которого стала группа польских дипломатов в швейцарском Берне во главе с Александром Ладосем. Они в сотрудничестве с женевским RELICO (Комитетом помощи еврейским жертвам войны) доставали для евреев паспорта южноамерикан-

ских государств. Паспорта были самыми настоящими, хотя получавшие их люди не имели никакого отношения к данной стране. В польских документах их называли «паспортами любезности».

Вначале руководство Министерства иностранных дел было совершенно не в курсе этой операции, но, получив информацию о ней, полностью поддержало инициативу. В свою очередь, вскоре об этой деятельности узнали немцы, что грозило смертью обладателям паспортов. Тогда польский МИД распространил среди дипломатов других стран, прежде всего Южной Америки, информацию, что выдаваемые паспорта — краткосрочные: после войны они могут быть аннулированы и все их обладатели снова получают взамен свои польские документы. Таким образом этих людей пытались спасти. Министр иностранных дел Тадеуш Ромер высылал в польские представительства в Южной Америке указания признавать все паспорта действительными на время войны. После этого посол в Вашингтоне Ян Цехановский убеждал Государственный департамент повлиять на южноамериканские государства, чтобы они не аннулировали выданные паспорта до завершения военных действий. Подобным образом действовал посол при Ватикане, который старался заручиться поддержкой апостольских нунциев в странах Южной Америки.

БГ: Почему чиновники стран Южной Америки решались выдавать такие документы?

ПД: Некоторые из гуманитарных побуждений, другие — из материальных. Удалось договориться с полутора десятками дипломатов о том, чтобы выдавать эти паспорта. Был и другой вид деятельности — это выдача польских паспортов евреям, не имевшим с Польшей ничего общего. Такая практика имела место в Португалии, Испании, а также во Франции, особенно перед самой ее капитуляцией. Поскольку польский паспорт облегчал эвакуацию, многие люди еврейского происхождения, никак не связанные с Польшей, получали в польских консульствах необходимые документы. Есть также информация, что документы выдавались за взятки.

Подобные ситуации позже порождали проблемы: ведь если такой паспорт получал мужчина призывного возраста, то он должен был отправиться в армию. Меж тем он чаще всего делал все, чтобы избежать этого, потому что не ощущал связи с Польшей. Он просто хотел спастись, и трудно его в этом упрекнуть. Но это делало еще более напряженными и без того непростые отношения между польскими и еврейскими солдатами.

БГ: Выдавались ли еще какие-нибудь документы?

ПД: Делались поддельные документы, превращавшие евреев в неевреев. Например, консул в Турции Войцех Рыхлевич массово выдавал свидетельства о крещении. Однако он делал это очень, скажем так, демонстративно: даже если человек однозначно выглядел, как еврей, носил звучащую по-еврейски фамилию, а у его детей, родителей и всей родни были еврейские имена, Рыхлевич не обращал на это внимания и вписывал «католик» или «христианин». Поэтому, как писал преемник Рыхлевича в Стамбуле Алексей Вдзенконьский, турецкие власти с какого-то момента стали принимать во внимание только документы, выписанные сразу после рождения человека или в течение первых нескольких лет. Лучше всего — выписки из приходских книг.

Более тонкую, если можно так сказать, деятельность вел посол в Лиссабоне Кароль Дубич-Пентер. Он отсортировывал (хоть это и плохое слово в данном контексте) из числа еврейских беженцев таких, которые по внешности либо фамилии могли сойти за славян. Дополнительным преимуществом было знание польского языка. Посол корректировал документы, касающиеся этих людей, и направлял их в бразильское консульство, которое прежде отклоняло заявления от людей еврейского происхождения.

Подобным образом действовал посол Казимеж Папé в Ватикане. Он договорился со священником в польском храме в Риме, и тот стал выдавать свидетельства о крещении.

БГ: Сегодня, когда мы думаем о Второй мировой войне и судьбах евреев, первая ассоциация — это Холокост. Напрашивается естественный вывод: раз немцы хотели истребить евреев, то все приличные люди должны были броситься на их спасение.

ПД: Мало кому в 1940–1941 годах приходило в голову, что может произойти массовое уничтожение евреев. Ведь этого в полной мере не знали даже сами немцы. Для нас с вами это очевидно, и сегодня мы можем только гадать, была бы политика принимавших государств в отношении беженцев более либеральной, если бы на эту тему было известно больше, или нет.

Следует также помнить, что знание о Холокосте, которое постепенно начало пробиваться к более широкой общественности в 1942–43 годах, усваивалось на Западе с большим трудом.

Шмуль Цигельбойм, политик Бунда⁴ и член Национального совета Речи Посполитой в Лондоне, в своем прощальном письме перед самоубийством в мае 1943 года писал, что из более чем трех с половиной миллионов польских евреев и 700 тысяч депортированных на территорию Генерал-губернаторства из других стран в живых осталось лишь 300 тысяч. Эти сообщения считались преувеличением и пропагандой.

БГ: В записке от 20 июля 1942 года, составленной советником МИД по правовым вопросам Михалом Потулицким о беседе с генеральным секретарем Всемирного еврейского конгресса Дэвидом Истерманом, было отмечено, что тот считает эти сведения «сильно преувеличенными».

ПД: К тому времени, когда данных об уничтожении евреев становится уже так много, что в них невозможно усомниться, предпринимать широкомасштабные действия уже слишком поздно. Спасали отдельных людей.

То, что известия о судьбе евреев воспринимались с трудом, заметно по американской прессе, когда поступает информация о миллионах жертв. Такие «сенсации» живут лишь несколько дней, ведь появляется «более важная» информация.

БГ: В предисловии к сборнику вы пишете, что польское правительство не документировало свою текущую деятельность по оказанию помощи евреям. Почему?

ПД: На это были различные причины. В случае подделки документов, нелегального перевода через границу, дачи взятки такую документацию, естественно, вести никто не будет.

Во-вторых, если человек был послом в Берне или Ватикане — в нейтральных странах, — он тоже, оказывая помощь, не горел желанием ее документировать. Ведь кто мог дать гарантию, что немцы вскоре не займут эти страны и не явятся в посольства?

У нас есть ряд записок, которые фиксируют отдельные аспекты помощи, например, связанные с положением еврейских беженцев во Франции или Португалии. Но нет обобщающего материала, который бы во всей полноте показывал все формы помощи во всех странах. По окончании войны в этом направлении также не предпринималось никаких действий: не рассылали никаких

4 Бунд — еврейская социалистическая партия.

анкет, не была создана никакая книга, обобщающая эту деятельность.

БГ: На основании того, что мы знаем, как бы вы оценили действия польской дипломатии по отношению к евреям во время войны?

ПД: Предпринимались огромные усилия в вопросах как помощи, так и информирования о германских преступлениях и их документирования. В то же время мне хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о помощи евреям в военные годы, нужно говорить не о *спасении*, а о *спасании*, ведь многие из этих усилий оказались тщетными.

БГ: Сегодня в польской публичной дискуссии существуют две противоположные оценки позиции польского государства и поляков по отношению к евреям. Сторонники одной из них — вслед за Яном Карским — подчеркивают, что еврейский вопрос представлял собой *«нечто вроде узкого мостика, на котором в согласии встречаются немцы и значительная часть польского общества»*. Вторые концентрируются на деятельности по оказанию помощи и добавляют, что такое поведение польского населения, как в Едвабне, было исключением и, кроме того, противоречило официальной политике польского государства. Где в этом контексте вы видите свою книгу?

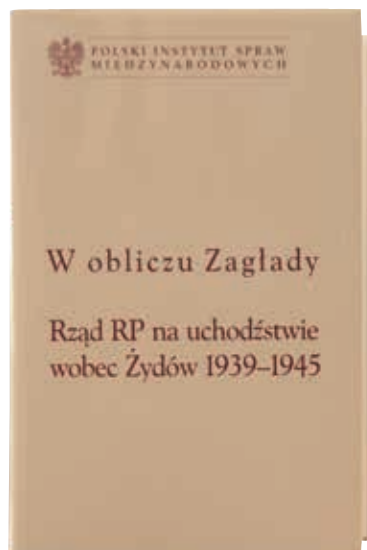
ПД: Я полагаю, что мы несомненно достигнем компромисса в оценке политики польского правительства и отношения польского общества к евреям в ходе Второй мировой войны. Есть историки, которые возьмут ноту посла Эдварда Рачиньского британскому правительству от 9 декабря 1942 года, касающуюся истребления евреев на оккупированной немцами территории, и будут интерпретировать ее как весьма позитивную и нужную акцию. Тогда как другие скажут, что это пустая пропагандистская деятельность, за которой ничего не стоит. Нам предстоит пройти еще долгий путь, пока научные круги и мировое общественное мнение придут к согласию по вопросу об основных фактах и поступках.

Наш сборник документирует специфический пласт деятельности польского правительства, поскольку сосредоточивается на дипломатической и консульской службе. Он показывает, что буднями польского чиновника были не переговоры в Кремле или Белом доме, а помощь тысячам беженцев.

Я оцениваю эту деятельность однозначно положительно, сознавая при этом, что не все было

сделано так, как следовало бы. Частично по объективным причинам, частично по субъективным. Тем не менее, кажется, не было ни одного польского дипломатического представительства, которое каким-либо образом не помогало бы — вынесем за скобки эффективность этой помощи — лицам еврейского происхождения. Не зря в одном из отчетов МИД в 1944 году сказано, что *«деятельность многих диппредставительств заключается, в первую очередь, в помощи евреям»*. Наверное, никакое другое правительство не выполнило в этом направлении такой большой работы, как польское, хотя это и неудивительно — именно под его опекой находилось три миллиона евреев. Я, однако, говорю все это с серьезными оговорками, поскольку полагаю, что эти вопросы по-прежнему требуют серьезной работы со стороны историков.

Перевод Владимира Окуня

Полную версию интервью с Петром Длуголенцким вы можете прочитать здесь

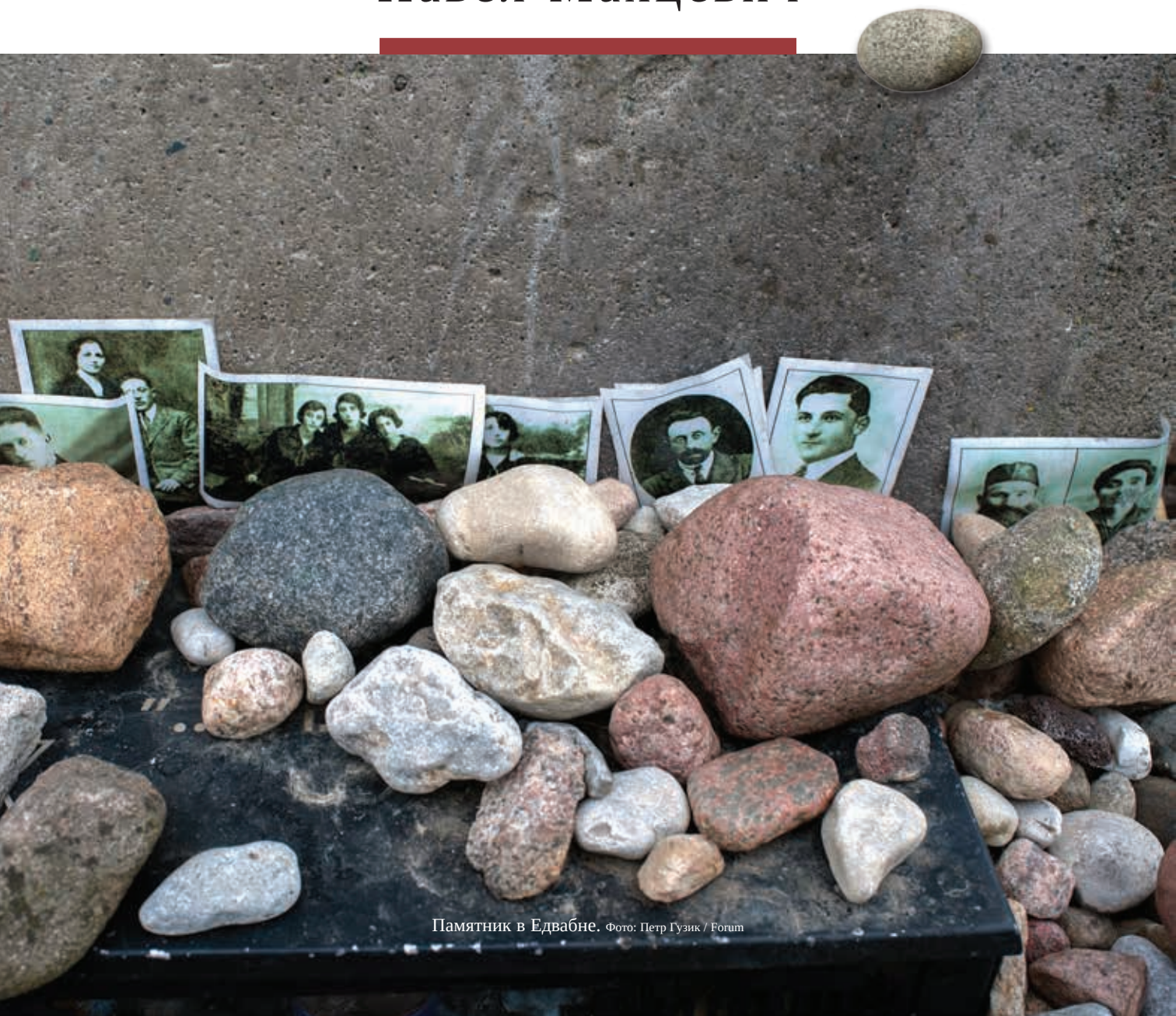

ЕДВАБНЕ

Что привело к погрому?

В первые недели нацистской оккупации в городке Едвабне поляки жестоко убили несколько сотен евреев. Десятилетия спустя эти события стали предметом важной дискуссии в польском обществе. Рассказываем, что именно произошло 10 июля 1941 года и почему.

Павел Махцевич

Памятник в Едвабне. Фото: Петр Гузик / Fotum

В сентябре 1939 года окрестности польского города Ломжа оказались под советской оккупацией, а затем были включены в состав БССР. За 21 месяцев правления новой власти взаимоотношения между поляками и евреями здесь существенно ухудшились. Причины этого явления непросты.

У многих поляков сложилось тогда убеждение, что значительная часть евреев благожелательно отнеслась к вторжению Красной армии, а затем начала сотрудничать с новой властью в различных сферах и включилась в построение нового порядка. Это воспринималось как измена польскому государству и проявление сотрудничества с оккупантом.

Однако у еврейской общины был иной взгляд на эту ситуацию. Занятие должностей в администрации, учебных заведениях, хозяйственных ор-

Павел Махцевич — профессор, доктор исторических наук, сотрудник Института политических исследований Польской академии наук. В прошлом директор Музея Второй мировой войны в Гданьске.

Ломжа в межвоенный период.
Источник: Национальный цифровой архив Польши

ганах здесь часто считалось заслуженным профессиональным ростом, который ранее был невозможен либо затруднен по вине властей Второй Речи Посполитой, старавшихся — особенно во второй половине тридцатых годов — ограничить влияние национальных меньшинств в различных областях общественной жизни. Еврейское население, особенно в небольших городках, стало естественной опорой для новой власти — с учетом его лояльности, отсутствия подозрений в прогерманских настроениях, относительно высокого уровня образования и, наконец, повальной безработицы, из-за которой евреи охотно принимали предложения о трудоустройстве.

Продвижение евреев также было составной частью политики советской власти, в первые месяцы оккупации явно поддерживавшей этнические меньшинства, а также исключенные прежде категории населения: сторонников коммунизма, молодежь, бедноту. Многие представители этих групп пошли на сотрудничество с новой властью в различных сферах, например, участвуя в создании временных органов власти (всевозможных «революционных комитетов», действовавших до учреждения постоянных советских структур), вступая в ряды народной милиции и рабочей

Здание еврейской общины в Едвабне, 1925.

Источник: Forum

Среди участников погромов 1941 года можно было найти «ветеранов» антиеврейских выступлений тридцатых годов.

гвардии, занимая многочисленные посты в новой администрации, органах образования, национализированной экономике. Однако эта политика начала меняться уже в 1940 году. С развитием ситуации оказывалось, что и с евреями может происходить то, что в сталинской системе грозит каждому: их по различным обвинениям ссылали в Сибирь, и даже самых ярых сторонников новой системы часто заменяли со временем другими чиновниками.

Однако эти явления вызвали сильное негодование у поляков, тем более что евреи нередко занимали должности тех, кто был репрессирован новыми властями, и тем самым становились врагами весьма сильного в регионе вооруженного подполья. Это негодование наложилось на и без того уже натянутые взаимоотношения между этническим меньшинством и количественно абсолютно доминировавшим большинством, а также

на очень сильное влияние в западном Подлясье Национально-демократической партии (так называемых эндеков), которое еще в 30-е годы XX века приводило к многочисленным антиеврейским эксцессам (например, бойкот магазинов или погром в Радзилуве в марте 1933 года).

Среди участников погромов 1941 года можно было найти «ветеранов» антиеврейских выступлений тридцатых годов.

Еще в 1938 году Юзеф Халасиньский в книге «Молодое поколение крестьян», опираясь прежде всего на анализ присланных ему дневников, признал спецификой тогдашнего Белостокского воеводства «эмоциональный антисемитизм».

Вот что писал историк Марек Вежбицкий: «Довоенный антисемитизм поляков, ограниченный определенными кругами, например, эндеками, [с началом войны] невероятно усилился и распространился практически на все слои польского общества».

на оккупированной Советским Союзом территории. Произошло отождествление евреев с советской системой, а ненависти к СССР — с ненавистью к евреям. Таким образом, в 1939–1941 годах под воздействием опыта советской оккупации одним из элементов патриотизма поляков, живших на Кресах¹, стал в некотором смысле антисемитизм, понимаемый как борьба против советской (то есть “еврейской”) власти за независимость Польши, которую — по мнению большинства поляков — евреи предали».

После бегства советских властей поляки, с различной степенью участия немцев, совершили в Ломжинском и Белостокском регионах множество актов насилия в отношении своих еврейских соседей. Исследования Института национальной памяти Польши установили, что подобные события произошли в 23 населенных пунктах. Помимо Едвабне это были: Бельск-Подляский (деревня Пильки), Василькув, Вонсош, Визна, Гонёндз, Граево, Клещеле, Кнышин, Кольно, Кузница, Наревка, Пёнтница, Радзилув, Райгруд, Соколы, Стависки, Суховоля, Тшцянне, Тыкоцин, Хорош, Чижев, Щучин и Ясёнувка.

Во всех этих выступлениях было четыре общих момента: антисемитизм значительной части местного польского населения; разграбление еврейского имущества как один из главных мотивов агрессии по отношению к еврейским соседям; жажда мести за действительное либо мнимое сотрудничество евреев с советскими оккупантами; наконец, поощрение со стороны немцев — в разных местах проявлявшееся в разной степени, от непосредственной организации погрома до всего лишь натравливания или разрешения. В некоторых из известных погромов в Подлясье число убитых евреев составляло от нескольких до примерно полутора десятков человек, в других же — прежде всего в Едвабне и Радзилуве — количество жертв массовых убийств исчислялось сотнями.

Ход событий

Прелюдией к массовому убийству в Едвабне стали события 25 июня 1941 года. Трех евреев тогда убили, а двух женщин вместе с маленькими детьми вынудили покончить с собой, утопившись в пруду. Жертвы убийства были местными коммунистами, а женщины, утонувшие в пруду, — женами двух других коммунистов-евреев, которым

удалось бежать вместе с уходившими советскими властями. В тот день смерть постигла и троих поляков, признанных виновными в коллаборационизме. Однако если в первые дни после начала войны между Германией и СССР в Едвабне обвиняли в приверженности коммунистам и убивали как евреев, так и поляков, то 10 июля 1941 года волна насилия обрушилась уже только на евреев, охватив всю общину.

То, что случилось в Едвабне в этот день, складывалось из нескольких последовательных собы-

Евреи на востоке Польши.

Источник: Национальный цифровой архив Польши

тий. По словам многих очевидцев, утром в местечко приехала группа гестаповцев, сыгравшая роль вдохновителей и, вероятно, организаторов резни. На первом этапе евреев вывели из домов — это, несомненно, сделали поляки, — и привели на рыночную площадь. Там уже ждала масса зевак, в том числе немало крестьян из соседних деревень. Некоторым из них, без сомнения, хотелось увидеть насилие (уже было известно о сожжении евреев, совершенном тремя днями ранее во время погрома в Радзилуве). Другие же были, скорее, дезориентированы и напуганы, но оставались там, послушные инициаторам погрома

1 Кресами обычно называют восточные области довоенной Польши, вошедшие после Второй мировой войны в состав советских Украины и Белоруссии; здесь имеется в виду в целом восточная часть страны, оккупированная СССР в 1939–1941 годах.

Памятник в Едвабне. Фото: Богдан Кренжель / Fotopix

Евреев заставили разбить памятник Ленину и выкрикивать слова «война из-за нас».

из страха перед наказанием за уклонение от исполнения приказов. Неизвестно, был ли образован в Едвабне, как это было в других местах, кордон из взявшихся за руки людей, лишавший согнанных евреев всякой возможности спастись бегством.

Верховодила группа не менее чем из 40 жестоких убийц. Их поддерживали примерно полтора десятка вооруженных немцев, что придавало погрому легитимность с точки зрения оккупационной власти. Не исключено (хотя это лишь предположение), что эта группа возникла на основе недолговечной, самозванной польской вспомогательной полиции, «наводившей порядок» в окрестностях после падения одного оккупанта, пока происходила стабилизация аппарата другого.

Евреев заставили разбить памятник Ленину и выкрикивать слова «война из-за нас».

Затем несколько десятков из них заставили носить вокруг рыночной площади разбитые остатки памятника в своеобразной процессии во гла-

ве с раввином, державшим в руках красный флаг. Клеймение евреев позором как ответственных за власть коммунистов сменилось избиением и унижением жертв, длившимся несколько часов. Тогда же произошли первые убийства.

При этих событиях присутствовали немцы: ге-стаповцы и жандармы. Согласно некоторым свидетельствам, именно они отдавали приказы.

Этот «ритуал», известный и по многим другим местностям, здесь в последней своей части привел к массовому убийству. Банда зачинщиков погнала евреев к овину, принадлежавшему одному из горожан, Брониславу Слешиньскому. Там вначале были убиты те 40–50 мужчин, которых до этого заставляли таскать обломки памятника Ленину. После них в тот же овин загнали, вероятно, еще около 300 человек — евреев, оставшихся на площади, включая женщин и детей. Стены строения облили керосином, а затем подожгли. Общее число жертв погрома в Едвабне оценивается в несколько сотен человек.

Следствие и дискуссия

После войны погром в Едвабне стал предметом нескольких разбирательств. Следствие, проведенное в 1948–1949 годах Управлением общественной безопасности Ломжинского повета, завершилось судебным слушанием в окружном суде в мае 1949 года (так называемый процесс Рамотовского и других). Обвинительный акт касался 22 жителей Едвабне, обвиненных на основании декрета «о мере наказания для фашистско-гитлеровских преступников». 11 обвиняемых были приговорены к тюремному заключению сроком от 8 до 15 лет, а один — к смертной казни, впоследствии замененной 15 годами тюрьмы. В 1953 году в ломжинском суде проходил так называемый процесс Собуты по тому же делу; он завершился оправданием обвиняемого из-за отсутствия достаточных доказательств. Еще одно следствие по делу Едвабне проводила в 1967–1974 годах Окружная комиссия по изучению гитлеровских преступлений в Белостоке. В ходе этого расследования было априори принято, что едвабненских евреев уничтожили немецкие жандармы из местного отделения. Вопрос об участии поляков в массовом убийстве прокурор опустил, умолчав о нем и в окончательном постановлении.

Уже в свободной Польше дело о погроме в Едвабне стало предметом следствия, проведенного Институтом национальной памяти в 2000–2002 годах. Несмотря на то, что было допрошено 98 свидетелей, восстановить все детали преступления так и не удалось.

Как писал прокурор Радослав Игнатъев, руководивший расследованием событий в Едвабне, *«показания свидетелей настолько расходятся, что было в принципе невозможно верифицировать одни показания при помощи других. Немцы, вероятно, малой группой соучаствовали в акции по выведению потерпевших на рыночную площадь, и этим ограничилась их активная роль. В свете собранных доказательств неясно, принимали ли они участие в конвоировании жертв к месту казни и находились ли рядом с овином. Показания свидетелей по этому вопросу принципиально расходятся. Что касается участия польского населения в совершении преступления, следует признать, что ему принадлежала решающая роль в осуществлении преступного плана»*.

Разгоревшийся в начале XXI века спор о погроме в Едвабне стал одной из важнейших общественных дискуссий, проходивших в Польше после 1989 года. Он повлиял не только на представление о польско-еврейских отношениях, но и на образ истории Польши XX века в целом,

причем в ее наиболее драматичных аспектах, таких как Вторая мировая война, немецкая и советская оккупация, отношение поляков к евреям и немцам. Некоторые участники этой дискуссии даже поставили вопросы о правомерности традиционных представлений об истории Польши в целом, концентрирующихся на борьбе за свободу, национальных восстаниях, а в особенности — на страданиях, причиненных полякам чужаками.

Важнейшим элементом дебатов о Едвабне был вопрос об участии в тех событиях поляков.

Молитва раввина в Едвабне.

Фото: Марек Скорупский / Forum

Причем об участии не в роли подневольных свидетелей, беспомощных перед страданиями еврейских соседей, а в качестве исполнителей этого жестокого преступления.

Первым о роли поляков в погромах лета 1941 года написал в 1966 году Шимон Датнер, историк, связанный с Еврейским историческим институтом и Главной комиссией по изучению гитлеровских преступлений в Польше. В своем коротком тексте он упомянул, в частности, Едвабне и Радзилув, отметив, однако, координирующую роль немцев: *«к преступлениям на этих территориях немцы привлекли отбросы из числа местного населения. Там, где немцы не нашли*

добровольных исполнителей, они сами довершили кровавое дело».

В 1992 году тему Едвабне затронул Анджей Жбиковский в статье «Локальные еврейские погромы в июне и июле 1941 года на восточных рубежах Второй Речи Посполитой». Название местечка упоминалось там в числе 31 населенного пункта, в которых антиеврейские инциденты *«повлекли за собой смертельные жертвы»*. Он заключил, однако, что *«акты враждебности по отношению к еврейскому населению приобрели массовые формы, главным образом, на территориях, где проживало украинское население»*, а также дистанцировался от информации на тему сожжения радзилувских и едвабненских евреев, подчеркивая неправдоподобность количества жертв.

Как и предыдущий, этот текст, размещенный в сугубо научном периодическом издании, не вызвал широкого отклика. Стоит отметить, что в неспециализированной прессе об участии поляков в массовом убийстве в Едвабне впервые упоминалось еще в 1998 году — это был репортаж Дануты и Александра Вронишевских в ломжинском еженедельнике *Kontakty*, также оставшийся почти полностью незамеченным.

Всеобщая дискуссия о событиях в Едвабне вспыхнула лишь в ноябре 2000 года. Ее разожгла выпущенная за полгода до этого знаменитая книга «Соседи. История уничтожения еврейского местечка» Яна Томаша Гросса². Она основывалась на материалах уголовных процессов Рамотовского и других (1949) и Собуты (1953), а также на рассказах свидетелей — Шмуля Вассерштейна и Менахема Финкельштейна.

Дискуссия о Едвабне достигла апогея весной 2001 года. Тогда каждый месяц приносил более ста различных публикаций в прессе. Например, некоторые историки, ознакомившись с документами 1949 года, поставили в вину Гроссу избирательное отношение к источникам. Еще одним предме-

том дискуссии стало число погибших — их оценки сильно расходятся.

Затем споры довольно резко прекратились — это произошло с открытием памятника в Едвабне 10 июля 2001 года. Последующие упоминания касались в основном продвижения следствия, которое вел Институт национальной памяти Польши. Именно стараниями ИНП в 2002 году вышла двухтомная публикация «Вокруг Едвабне», подготовленная по итогам двухлетнего труда почти двадцати исследователей.

Впоследствии публиковались и другие книги и статьи на эту тему. В целом погрому в Едвабне так или иначе посвящено более 300 публикаций. Сами их названия, а также места их издания, демонстрируют масштаб и накал, а порой и уровень содержательности споров и дискуссий о Едвабне. В 2008 году даже появилась научная работа Петра Форецкого, посвященная самой полемике и ее восприятию. В 2012 году Витольд Мендыковский в своей книге показал, что погром в Едвабне был частью волны антиеврейских выступлений, прокатившейся летом 1941 года через бывшую советскую оккупационную зону — от стран Балтии через Ломжинский, Белостокский регионы и Восточную Галицию до самой Румынии.

Перевод Владимира Окуня

Статья на основе текста «Вокруг Едвабне» была написана и опубликована в 2002 году в одноименном двухтомнике, а впоследствии дополнена. Русский перевод, содержащий большое количество ссылок на польскоязычные публикации, адаптирован редакцией «Новой Польши». На нашем сайте вы можете найти список статей и книг различного характера, упоминавшихся в исходном тексте. Благодарим музей POLIN за возможность публикации статьи.

2 На русском языке книга вышла в 2002 году в издательстве «Текст».

Анджей Почобут

Журналист, член Союза поляков Беларуси, автор книги «Система Беларусь». Лауреат ряда престижных журналистских премий. С марта 2021 года — политический заключенный, арестован по обвинению в «разжигании расовой, национальной, религиозной и иной социальной вражды или розни».

Каково быть поляком в Беларуси?

Плакат с изображением Анджея Почобута, вывешенный в Варшаве в рамках акции против цензуры в Беларуси, 2005. Фото: Мацей Езёрек / Forum

Изображения Анджея Почобута и Анжелики Борис на Президентском дворце в Варшаве, 2021.

Источник: Канцелярия президента Польши

Эту статью Анджей Почобут написал в апреле 2020 года — меньше чем за год до своего ареста. Сейчас многое из того, что он рассказывает о положении поляков в Беларуси, нуждается в дополнении, а сам он личным примером дает ответ на вопрос, вынесенный в заглавие. Редакция выражает свою солидарность с коллегой и надеется на его скорейшее освобождение.

После Второй мировой войны сотни тысяч поляков, нигде не выезжая, вдруг оказались отрезанными от родины новой границей. Согласно официальным данным, сейчас в Беларуси проживает более 294 тысяч поляков. Польские организации считают, что эта цифра занижена.

Быть поляком в Беларуси — значит с самого детства сталкиваться с тем, что тебя хотят русифицировать или в крайнем случае белорусизировать. Это начинается уже в детском саду. Все дошкольные учреждения в Беларуси работают на русском языке. В них, однако, могут быть отдельные группы: белорусские и, например, с углубленным изучением английского языка. Проблем с этим нет: хотят родители, чтобы их дети обучались на белорусском или изучали английский, собрали подписи — пожалуйста, будет создана белорусская или английская группа! Были бы желающие. Есть в Беларуси и детский сад с литовским языком обучения. Находится он в деревне Рымдзюны, в Островском районе Гродненской области, то есть в месте компактного проживания литовцев.

Польские дети поставлены в другие условия. На территории Вороновского района той же Грод-

ненской области, где, согласно официальной статистике, более 80 процентов жителей — поляки, нет не только ни одного польского детского сада, но даже ни одной польской группы. И такая ситуация не только на Вороновщине. В 2015 году в детском саду № 83 в Гродно была ликвидирована последняя польская группа в Беларуси. Случилось это после проверки, которую проводило Министерство образования РБ. По ее результатам было принято решение группу ликвидировать. Почему? «У нас не утверждена программа для обучения на польском языке», — услышали родители.

Занятия с детьми были переведены на русский язык, а поскольку проводилась проверка в середине учебного года, воспитатели должны были перестроиться сразу: вчера с детьми говорили по-польски, а с сегодняшнего дня — только по-русски. С тех пор в Беларуси нет ни одной детсадовской группы, где польские дети могли бы общаться на родном языке.

После детского сада дети идут в школу. Может, там ситуация лучше?

В Беларуси действуют две школы с польским языком обучения: в Гродно и Волковыске. Обе они были построены Польшей, поскольку у белорусского государства денег на подобное не нашлось. Школа в Гродно работает с 1996 года, а в Волковыске — с 1998-го. Практически вся их история — это история попыток власти их «нормализовать». Чтобы не углубляться в подробности, отмечу только, что школьных учебников на польском языке в Беларуси нет, а изданными в Польше пользоваться нельзя. Поэтому польские дети учатся в польских школах пользуясь учебниками на русском языке. Почему? Министерство образования РБ объясняет это отсутствием средств на переводы.

Однако даже учитывая эту бессмыслицу — ученики должны в уме переводить задание с русского на польский, и отвечать учителю на польском, — школы пользуются популярностью. Количество желающих учиться в них превышает те лимиты приема первоклассников, которые ежегодно вводит Министерство образования. Это значит, что родители будущих первоклашек перед началом набора в школы должны за несколько суток занимать очередь для подачи документов. Повезет тем, кто сделает это первым, — остальным откажут.

При этом наполняемость польских школ по сравнению с обычными русскоязычными — минимальна. В польских школах занятия проходят в одну смену. Рядом находятся обычные русскоязычные школы, где занятия проходят в две смены, поэтому набирают туда всех желающих.

В Гродно есть школа № 39, там фактически занятия проводятся в три смены и ежегодно формируются не менее 9–10 первых классов. Но, это как вы понимаете, русскоязычная школа, поэтому никаких ограничений в приеме туда власти не вводят и проблемы в этой ситуации не видят.

Формально уроки польского языка могут быть организованы в обычных общеобразовательных школах. Родители пишут заявление, и тогда администрация обязана предоставить их детям возможность изучать польский или любой другой выбранный язык. Однако на практике в случае с польским языком требования законодательства разбиваются об административную машину, которая использует любой предлог, чтобы отказать. Часто родители, получая отказ, в качестве пояснения слышат от дирекции школы сакраментальную фразу: «Ну, вы же все понимаете». И с каждым годом шансов избежать ее все меньше.

Согласно официальной статистике, в 2016/2017 учебном году польский язык изучали 6417 детей, а в 2017/2018 — 4560. В нынешнем [2019/2020] году эти цифры еще меньше. Дирекция школ прямо говорит учителям: может быть какой угодно другой язык — китайский, французский, испанский, — только не польский.

Тенденция очевидна, именно поэтому сейчас популярны коммерческие курсы и занятия, организуемые общественными организациями, где дети могут после школы или в выходные изучать польский. Лишившись возможности реализовать свои права в государственных образовательных учреждениях, родители готовы платить деньги, лишь бы их дети могли учить язык.

Белорусские чиновники своего негативного отношения к польскому образованию практически не скрывают. Однажды во время обсуждения судьбы польских школ губернатор Гродненской области Владимир Савченко прямо заявил: «А зачем наших детей портить?» Изучение польского языка трактуется как проказа.

В Беларуси существуют общественные организации, которые занимаются поддержкой польского образования и культуры, реставрируют польские памятники истории и места национальной памяти. Стоит ли удивляться, что крупнейшая из них, Союз поляков Беларуси, вот уже 15 лет находится на нелегальном положении? Проблемы начались во время выборов руководства организации.

В 2005 году СПБ избрал не того председателя, которого хотели бы видеть во главе организации белорусские чиновники. В результате Министерство юстиции отменило результаты съезда, и нача-

лись репрессии: белорусский спецназ захватывал офисы Союза поляков, активистов арестовывали, возбуждались уголовные дела. Кульминацией стало подбрасывание наркотиков председателю СПБ Анжелике Борис в октябре 2006 года. И только последовательно жесткая позиция, которую тогда занимала в отношении этих провокаций Польша, не позволила белорусскому КГБ завершить начатое. Уголовные дела испарились, и хотя Союз поляков по-прежнему лишен официального статуса, власти смирились с его существованием.

В течение правления Лукашенко отношения Беларуси и Польши переживали разные моменты. Не раз и не два мы видели потепления, которые неминуемо оканчивались «заморозками». Тем не менее независимо от меняющейся политической конъюнктуры и приоритетов, которые ставит перед чиновниками Лукашенко, антипольская установка в отношении национального меньшинства, проживающего в Беларуси, остается неизменной.

Почему режим Александра Лукашенко выбрал именно поляков на роль своего врага? На этот вопрос на протяжении последних 25 лет давались самые разные ответы: здесь и традиционная подозрительность Лукашенко по отношению к Западу, и реакция на активную восточную политику Польши, и потребность во внутренних врагах, которых можно было представить обществу, и в принципе антидемократический характер белорусского режима, и польско-белорусские исторические споры.

Польское меньшинство — враг, которого власть хочет переделать. Очевидно, что в создан-

ной Лукашенко системе попросту нет места для поляков, которые развивают и культивируют свои национальные традиции, чтят своих героев и разговаривают на своем языке. Их место должны занять денационализированные «русские люди», с советскими ценностями и русским языком.

Быть поляком в Беларуси можно только вопреки белорусской власти. Мне могут возразить: мол, есть же провластный Союз поляков! Однако если вы внимательно присмотритесь к этой структуре, то увидите, что, в общем-то, польской составляющей там практически нет. «Мы такие же поляки, только говорим на русском языке», — пояснял свою позицию Мечислав Лысый, лидер официального СПБ. Их съезды действительно проходят на русском языке, потому что польский для большинства из них чужой. Празднуют они советские праздники и всегда готовы поддержать любую инициативу властей, будь то ограничения в изучении польского языка или замена польских месс в костелах на белорусские. А если так, то при чем тут польскость?

В марте 2021 года началась новая волна репрессий в отношении белорусских поляков. Были арестованы Анжелика Борис и Анджей Почобут, а также еще трое членов Союза поляков Беларуси, которые впоследствии в результате действий польских дипломатических служб были вывезены в Польшу. Борис и Почобут до сих пор находятся в заключении, им грозит до 12 лет лишения свободы.

«ЭТО БЫЛ НАШ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС»

Закулисье вступления Польши в ЕС

Евгений Приходько

Жители Варшавы празднуют вступление Польши в ЕС.
Ночь на 1 мая 2004 года. Фото: Адам Хелтовский / Fotop

1 мая 2004 года Польша вступила в Европейский союз. Лешек Есень был советником премьер-министра Ежи Бузека по вопросам евроинтеграции и советником главного польского переговорщика с ЕС Яна Кулаковского; с 1998 по 2001 годы он принимал участие в переговорах с европейскими политиками. О том, как происходило вступление Польши в Европейский союз, с профессором Есенем беседует Евгений Приходько.

Лешек Есень. Источник: личный архив

Евгений Приходько: Путь Варшавы в ЕС не был таким простым, как может казаться. Когда среди политиков начались разговоры о вступлении Польши в Европейский союз?

Лешек Есень: Формальные разговоры начались во второй половине 90-х годов, но этому предшествовали годы неофициальных бесед, которые сыграли очень важную роль. После 1989 года Ян Кулаковский стал первым польским послом при Европейских сообществах, и он уже тогда начал вести

с председателем Европейской комиссии Жаком Делором разговоры о том, что Польша хочет присоединиться к Евросообществу. Это вызывало глубокий скептицизм, дескать, о чем вы вообще говорите! Польша — европейская страна, она расположена в центре континента, но это не означает, что наше государство и Евросообщество автоматически подходят друг другу. После свержения власти коммунистов польские и европейские политики начали убеждать друг друга, что вступление Польши в Евросообщество — наш общий интерес. В этом вопросе было очень важно, как это говорилось, *do we trust each other* — доверяем ли мы друг другу.

Евгений Приходько — журналист «Новой Польши». Писал для «Европейской правды», ВСС Ukrainian и др.

ЕП: Под конец 90-х европейские политики были уже более склонны поддержать вступление Польши в ЕС или все еще нужно было их переубеждать?

ЛЕ: Переговоры позволили властной элите среднего уровня с обеих сторон познакомиться с реальной ситуацией. Помню, когда в 1999 году в Польшу прилетела правительственная делегация одного из министерств Австрии, то первое, что они спросили, было: «Работают ли здесь кредитные карты?» Я сначала даже не понял их вопроса — подозреваю, что уже тогда у нас было больше

электронных транзакций, чем в Австрии. Или, например, в момент, когда шли переговоры о членстве Эстонии в ЕС, в страну прилетела делегация Еврокомиссии высокого ранга, и оказалось, что один из ее членов не взял с собой паспорт: думал, что не пригодится. По прилете выяснилось, что нужен не только паспорт, но еще и виза.

Эти ситуации показывают, насколько бывает широк горизонт восприятия других стран и как на него влияет багаж личных знаний и опыта. Вопрос представлений, с которыми люди приступали к переговорам, был очень важным в этой истории. Во время бесед эти представления менялись. Когда в 1998 году начались официальные переговоры с Европейским союзом, это уже означало, что процесс будет завершен успешно — при условии доработки политико-культурного слоя.

ЕП: Что вы имеете в виду?

ЛЕ: Вопрос принятия новых стран в ЕС лежит в двух плоскостях — я их перечисляю не в порядке иерархии: в формально-политической и политико-культурной. Формально-политическая — это то, о чем, собственно, ведутся переговоры: европейское право и способ его принятия страной-кандидатом. Во время разговоров стороны углубляются в тысячи самых мелких сегментов европейского законодательства, договариваясь о том, в каких сферах и почему оно некоторое время не будет действовать. Это и есть главный предмет переговоров. Но есть пример, когда они не заканчиваются и, возможно, не закончатся никогда — это история со вступлением в ЕС Турции. В условиях же, когда культурный слой не подлежит фундаментальным сомнениям, процесс закончится вступлением.

ЕП: В какой атмосфере проходили переговоры?

ЛЕ: Это был холодный и формальный процесс. Без всплесков страстей, приступов разочарования и, как говорится, махания саблями. Это не правительственные переговоры, где может дойти до войны. В обсуждениях было мало горячих споров, но зато очень много практических вопросов, расчетов, таблиц excel и экономических прогнозов. Основа этих переговоров — очень толстый законодательный слой *acquis communautaire*¹, который касается более чем 30 сфер. Это мир, где разговоры идут о взаимных интересах. С одной

стороны — интересы граждан стран Европейского союза, производителей и потребителей. С другой стороны — интересы производителей и потребителей страны-кандидата. Так как переговоры касаются жизненных вопросов, фоном всегда присутствует общественное мнение: беспокойство различных кругов, профсоюзов, бизнеса. Их давление влияет на конкретику переговоров, поэтому из чисто формальной сферы разговоры переходят в своего рода торг и поиски компромиссов.

ЕП: На какие компромиссы пришлось пойти Польше?

ЛЕ: Такими компромиссами были переходные периоды, в течение которых некоторые нормы европейского права не действовали на территории Польши. Это давало время подстроиться под европейские реалии.

Во время переговоров страна-кандидат предлагает переходные периоды для тех или иных сфер; в итоге либо эти периоды сокращаются, либо сужается их охват. В каждом сегменте Польша должна была идти на компромиссы. В результате наша страна получила переходные периоды по 43 вопросам в 12 из 31 области переговоров. Это количество показывает масштаб уступок, на которые должен был пойти Европейский союз, ведь все эти отклонения от универсального законодательства — нагрузка для них.

При поиске компромиссов важно учитывать некоторые аспекты — что один сектор может быть функционально связан с другим. Например, у нас есть переходный период в охране окружающей среды, и он может быть связан с условиями ведения фермерских хозяйств. Мы связываем эти два сектора и ищем решение.

Второй аспект — деньги: если какая-то адаптация под евростандарты обходится в 10 миллионов, а переходный период определен на десять лет, то это не значит, что, увеличивая средства на 1 миллион, мы можем уменьшить переходный период на год. Все устроено сложнее.

ЕП: Какие условия должна была выполнить Польша и с чем были наибольшие проблемы?

ЛЕ: Трудным был вопрос приобретения иностранцами недвижимости, в частности сельскохозяйственной земли: по законам ЕС для этого не нужны никакие дополнительные документы. Мы просили 18-летний переходный период, но в итоге сошлись на 12-летнем. Также был вопрос о непосредственных доплатах для фермеров.

Но самыми сложными и длинными были переговоры об охране окружающей среды. Этот сек-

1 *Acquis communautaire* — «достояние сообщества» (фр.) — совокупность различных принципов, правил и норм, накопленных в рамках Европейского союза и подлежащих обязательному сохранению в процессе его деятельности и дальнейшего развития.

тор требовал очень больших инвестиций, ведь в некоторых населенных пунктах даже не было водозаборных сооружений и канализации. Это не соответствовало европейским стандартам, и решить этот вопрос одним махом было невозможно, ведь одновременно с введением европейского права нужно было менять реальность. Очистка сточных вод была очень проблематичным пунктом, потому в этом вопросе был установлен очень длительный переходный период.

Переговоры шли в формате *nothing is agreed until everything is agreed* — ничего не согласовано, пока не согласовано всё. Всё европейское право во время разговоров раскладывается на мельчайшие детали, и беседы идут вокруг каждой части, каждого сектора и в каждом из них возникают свои вопросы. В итоге в каждом сегменте мы приходим к договоренностям, которые при этом не считаются окончательными, пока у нас не будет финальной картины.

ЕП: Почему среди всех десяти стран, вступивших в ЕС в 2004 году, Польша последней закрыла переговорный процесс?

ЛЕ: У этого есть структурная и объективная причина. Приведу пример: больше всего дел в Суде Европейского союза — у Германии, но это не значит, что это какая-то плохая страна. Просто крупнейшая экономика ЕС порождает наибольшее количество проблем. Среди тех стран-кандидатов Польша была крупнейшим государством. Это никак не касается техники и тактики переговоров, как может показаться на первый взгляд, но влияет на количество дел, которые нужно охватить. В этом нет особой политической подоплеки, только объективные трудности.

ЕП: Правда ли, что Польша могла не вступить в ЕС из-за молока?

ЛЕ: Было много проблемных моментов, которые решались по очереди, а в конце их все нужно было объединить — среди них была и молочная квота². Но не было такого, чтобы какие-то противоречия были настолько сильны, чтобы задержать процесс переговоров. Во время обсуждений мы еще не знали, как предприниматели и потребители отреагируют на новый рынок.

2 Основой регулирования рынка в ЕС является система административного ограничения поставок, в том числе молока. В результате принятых решений Польша получила шестую по величине национальную квоту на молоко в Европейском союзе. Молочные квоты были ликвидированы в 2015 году.

Одним из фантастических фундаментальных успехов Польши после вступления в ЕС стало умение воспользоваться этим рынком. До ЕС у польского производителя обуви, например, было 38 миллионов пар ног, которые можно было обуть. Как только страна вступила в ЕС, у него появилась возможность продавать гигантское количество пар обуви. Те большие возможности, которые следуют за европейской интеграцией, во многих секторах польской экономики были реализованы фантастически. Это одна большая история успеха, которая доказывает, что интеграция имеет смысл.

ЕП: Во время таких переговоров многие вопросы часто решаются в неформальной обстановке — в курилках или за бокалом чего-то крепкого. В случае переговоров Польша–ЕС было что-то подобное?

ЛЕ: Конечно. Во время таких встреч выстраивается доверие. Очень важно, доверяют ли переговорщики друг другу, в состоянии ли они уступить на одном поле, чтобы получить больше на другом. Например, кто-то идет на уступки в области сельского хозяйства с расчетом, что вторая сторона уступит в секторе телекоммуникаций. Если не будет доверия, количество таких связей будет очень маленьким, что очень сильно влияет на процесс переговоров.

ЕП: Перед вступлением Польши в ЕС парламентские выборы выиграли посткоммунисты. Премьером был Лешек Миллер, а до этого президентом стал Александр Квасьневский. Как получилось, что политики, которые строили карьеру в Польской Народной Республике, были так вовлечены в евроинтеграцию Польши?

ЛЕ: Не стоит углубляться в убеждения обоих этих господ: они сели в поезд, который мчался на всех парах. После 1989 года польское общество с полной решимостью приняло западный вектор, и не было никаких сомнений, что страна вступит в Евросообщество и НАТО. Если бы Союз демократических левых сил или правительство Лешка Миллера заявили: «Нет, мы не будем вступать в ЕС», — то они были бы просто сметены с политического поля. Вступление в ЕС не обсуждалось. Когда в 2001-м СДЛС пришел к власти, переговоры зашли уже слишком далеко. Правительство Ежи Бузека перед своим уходом существенно ускорило переговоры, чтобы вопрос членства в ЕС был решен как можно скорее.

ЕП: Если смотреть с сегодняшней перспективы: что Польша получила, а что потеряла от вступления в ЕС?

ЛЕ: Я принадлежу к числу крайних оптимистов: мы получили очень многое, а потеряли совсем мало. Наша страна получила главный инструмент развития — рынок, и участие Польши в нем бесценно. За 17 лет присутствия в ЕС Польша получила «чистыми» 135 миллиардов евро средств на почти четверть миллиона проектов (из бюджета ЕС Польша получила 199,7 миллиарда евро, выплатила в бюджет — 64,3 миллиарда).

К потерям можно в некоторой степени отнести ограничение суверенных прав страны, которая входит в многосторонние соглашения без привязки к определенной перспективе достижения. Вообще договоры в истории человечества подписываются постоянно, но, как правило, они действуют до момента достижения какой-то цели. Договор о вступлении в ЕС таковым не является, поэтому эта структура напоминает федералистскую конструкцию.

Но важно, что потеря некоторых суверенных прав касается всех членов ЕС, а не каких-то нескольких стран. На фоне доступа к рынку и полученных средств уступки в вопросе ограничения суверенных прав выглядят незначительными. Кроме того, если говорить о потерях, во время переговоров мы не предусмотрели несколько моментов, связанных с рынком труда.

ЕП: О чем идет речь?

ЛЕ: Со стороны ЕС было значительное беспокойство по поводу открытия рынков труда, поэтому Брюссель выступал за переходный период в этой сфере. Но никто не предусмотрел, насколько сильно граждане стран, присоединившихся к Евросоюзу, изголодались по путешествиям, насколько сильно они искали новые возможности самореализации.

Из Польши тогда эмигрировали около двух миллионов человек, но это цветочки по сравнению с масштабом эмиграции, например, из Литвы,

где выехало 20 % населения. Люди, увидев шанс, воспользовались им. Условный Ян Ковальский уехал из Польши и улучшил свою жизнь, работая в Лондоне. Для него все чудесно, но у процесса европейской интеграции также есть последствия на микроуровне, касающиеся отдельных предприятий, и на макроуровне, касающиеся экономики в целом и даже политики, как в случае Brexit. Сторонники выхода Великобритании из ЕС использовали для политических целей аргумент о миграции из Центральной Европы. В Польше же появились сложности с поиском сотрудников, особенно это сейчас видно в системе здравоохранения. Процесс интеграции несет с собой большие изменения в экономической и общественной реальности, которые очень сложно оценить позитивно или негативно.

ЕП: Каковы, по вашему мнению, шансы Украины вступить в ЕС, и когда это станет возможным?

ЛЕ: Заинтересованность вступлением в Европейский союз каждой новой страны в очередной раз обосновывает существование этого объединения и процесса евроинтеграции. Шансы Украины зависят только от одного — от всех вместе взятых украинцев. Если украинцы захотят, то они вступят в ЕС и их ничто не остановит на этом пути. Ни один Путин в роли противника и ни одна Еврокомиссия в роли партнера.

Если у какого-то государства есть фундаментальные проблемы со вступлением в ЕС, это значит, что у него есть фундаментальные проблемы с национальным интересом. Однажды в польском парламенте во время презентации документов, касающихся переговоров с ЕС, депутат Войцех Аркушевский сказал: «Вот это и есть точное определение польских национальных интересов на практике». Польша, несмотря на посткоммунистов и всех остальных, сохранила общественную заинтересованность в европейской интеграции с 1989 года и до счастливого финала — вступления в 2004 году в ЕС, потому что это был наш национальный интерес.

Эпоха клетчатых сумок

Это были времена, когда в Польшу приезжало больше иностранцев, чем в Грецию или Турцию. Сами же поляки вместо спорта полюбили торговлю и самый огромный стадион страны превратили в рынок.

Петр Липиньский

Однажды, в начале девяностых годов прошлого века, журналистская судьба свела меня с двумя группами предпринимателей из-за восточных границ Польши. Мы вместе ночевали в холодном зале ожидания на вокзале города Глогув.

Польская капиталистическая действительность оказалась сурова к приезжим из России. Окруженные стеной из клетчатых сумок, они ради экономии спали на деревянных лавках. Уже несколько дней. Не теряя бдительности. Владимир постоянно держал руку на чемодане, чтобы его никто не слямзил, если он на минутку задремлет. Они с двумя друзьями спали по очереди, а женам давали возможность выспаться. Таких, как они, называли тогда в Польше муравьями, а на востоке — челноками.

Было холодно. Поэтому они лежали в шапках и в одежде, но без ботинок. Когда кто-то ложился на лавку, полиция требовала снять обувь. По поводу шапок власти молчали.

Польша тогда находилась на восьмом месте в списке самых посещаемых стран мира. Это приносило солидный доход — по прибыли от туристов Польша оказалась на четырнадцатом месте. Может, кого-то из иностранцев и манили краковский Вавель или рыночная площадь в Гданьске, —

но основную массу приезжих интересовали в первую очередь польские рынки, разбросанные по всей стране. В 1997 году, в самый разгар «туристического» бума, 45,6 % иностранцев признавались, что приехали в Польшу ради торговли.

В тот год из Беларуси, Литвы, России и Украины прибыло более восьми миллионов гостей. Луч-

Петр Липиньский — журналист, почти 20 лет сотрудничает с Gazeta Wyborcza. Публиковался также в журналах Polityka, Po prostu, Newsweek. Занимается периодом коммунистической власти в Польше, автор книг «Берут. Когда партия была богом», «Абсурды ПНР» и др. Входит в список ста лучших польских репортеров.

шим сувениром, который они собирались привезти из Польши, были доллары.

К этой-то категории и относились Владимир и его попутчики. Все дни напролет они продавали на глогувском рынке свои российские товары, а по вечерам покупали доллары. Правда, валюту тогда провозить через границу запрещали, но на одном лишь разрешенном прожить было нелегко.

Их путешествие началось с того, что они купили в России, у коммерсанта, приглашения в Польшу¹. Ибо настали такие времена, когда дружба народов стала стоить денег. Две супружеские пары, приехавшие в Польшу впервые, укрывались на ночь кургузыми пальтецами советских

времен. Ведь прошлое еще не прошло, а будущее пока не настало. Третья пара, которая уже прежде ездила торговать за границу, застилала себе место для сна турецкими джинсовыми куртками на искусственном меху. Ибо коммунизм рухнул, и равенству между людьми пришел конец. Русские спали у окна, а через три ряда лавок от них устроились на ночлег двое мужчин и женщина из Украины. Друг с другом они в принципе не общались, ибо интернационализм вытеснила рыночная конкуренция.

Владимир мечтал, что его сын откроет когда-нибудь магазин с разноцветными напитками — такими, какие он попробовал в Польше. «Может, лет через двадцать, если только война не случится», — говорил он.

Эти разноцветные напитки никак не выходили у Владимира из головы, и только на них

1 До 1 октября 2003 года граждане России, Украины и Беларуси могли посещать Польшу без визы, только по приглашению.

Стадион Десятилетия, 2006. Фото: Артур Гайдзинский / Forum

он тратил в Польше хоть малую толику денег. Все съестное он привез с собой. И каждый день пересчитывал польские цены на рубли. Неделю ездил на самых дешевых поездах, спал в залах ожидания и сокрушался, что одно посещение польского вокзального туалета стоит целых сорока минут его работы в России.

В статистическом ежегоднике за 1996 год — в период апогея частной рыночной торговли — отмечалось, что в польской внешней торговле Россия официально занимает третье место с долей чуть менее 7 %. (В годы Народной Польши СССР стоял на первом месте — почти 30 %.) Однако эта цифра касалась лишь официальной торговли и никак не учитывала только что зародившийся рыночный бизнес. Подсчитать его обороты было невозможно, разве что дать прикидочную оценку — правду знали только «нычки» в международных автобусах и вагонах. Экономисты дали

этому малому бизнесу изысканное название «незарегистрированная торговля».

По данным Института исследований демократии и частного предпринимательства при Польской торговой палате (единственное, что объединяет коммунизм с капитализмом, — это любовь чиновников к длинным названиям), в Польше 1996 года незарегистрированная торговля достигала 20 % от всего внешнего оборота. Сумма была внушительная: порядка 10 миллиардов долларов. Большею частью — контрабанда алкоголя и сигарет. К сожалению, невозможно точно определить, какая доля приходится на коммерсантов из-за восточной границы: в эти 10 миллиардов входили еще аферы поляков, которые при ввозе автомобилей из Германии декларировали на границе заниженную стоимость. Или привозили с Запада электронику, даже и не заглядывавшую на таможню. Но несколько лет спустя эксперты подсчитали, что, к примеру,

Женщина из бывшего СССР, торгующая на Стадионе Десятилетия в Варшаве. 90-е годы. Фото: Ярослав Стахович, Кишиштоф Вуйчик / Forum

15 % сигарет, выкуриваемых поляками, доставлялись контрабандой — в основном с востока.

Эти товары покупали все. Однажды в отделе я услышал разговор полицейских, сетующих, что контрабандные сигареты из Украины нынче совсем не те, что раньше.

Меккой такого бизнеса был Стадион Десятилетия, который со временем стали называть «Ярмарка Европа». Он был построен в честь десятилетия коммунистической Польши и выглядел весьма презентабельно, примерно как московские Лужники. Открытие состоялось 22 июля 1955 года. Полноразмерное футбольное поле огибали восемь легкоатлетических дорожек. Трибуны вмещали чуть более семидесяти тысяч зрителей, но удавалось втиснуть и сто тысяч. До самого конца Польской Народной Республики стадион служил местом важнейших спортивных соревнований и государственных торжеств. С приходом капитализма в 1989 году он превратился в еженедельный, а потом и ежедневный рынок. Почему? Потому что был большой, не слишком нужный и вдобавок находился недалеко от Восточного вокзала, на который приезжало много торговцев.

Новоиспеченные бизнесмены из Восточной Европы устанавливали свои лотки на трибунах, опоясывающих футбольное поле. Торговали с рук, с раскладушек, с машин. Шуршали нейлоновые куртки людей, протискивающихся в немилосердной давке. В англоязычных путеводителях по Варшаве этот базар назывался *Russian market*, потому что на нем поначалу доминировали торговцы из стран бывшего Советского Союза.

Здесь начинали свой бизнес русские, украинцы, белорусы и литовцы. А еще приезжали болгары, чеченцы, армяне, казахи, грузины, азербайджанцы, вьетнамцы, китайцы, корейцы, бангладешцы, жители Индии, Шри-Ланки, Пакистана, да и разных африканских стран — Кении, Сенегала, Эфиопии, Уганды, Нигерии, Сомали, — не имевших прежде серьезных торговых контактов с Польшей.

Сегодня даже трудно себе представить, какой там царил бардак. Те годы вызывают в памяти рассказы о Диком Западе.

Первое время на Стадионе Десятилетия торговали еще и солдаты, так что можно было сразу купить и оружие, и ведро боеприпасов.

Среди продавцов рыскали карманники. Торговцы платили рэкетирам, чтобы те обеспечи-

вали им охрану. Кто не заплатил, тот терял товар и деньги. Драки и избиения стали здесь частью повседневной жизни. Говорят, особой жестокостью отличались украинцы и армяне. Рынок сделался местом, где не действуют практически никакие законы.

На пике популярности, в середине девяностых, годовой оборот «Ярмарки Европа» оценивался в 1,2 миллиарда долларов. Под управлением фирмы *Damis* она сделалась одним из крупнейших польских экспортеров и работодателей.

Данные о влиянии международного торгового туризма на занятость в Польше чрезвычайно интересны. Подсчитано, что в середине девяностых на обслуживание приезжих с востока работали аж 110 тысяч поляков.

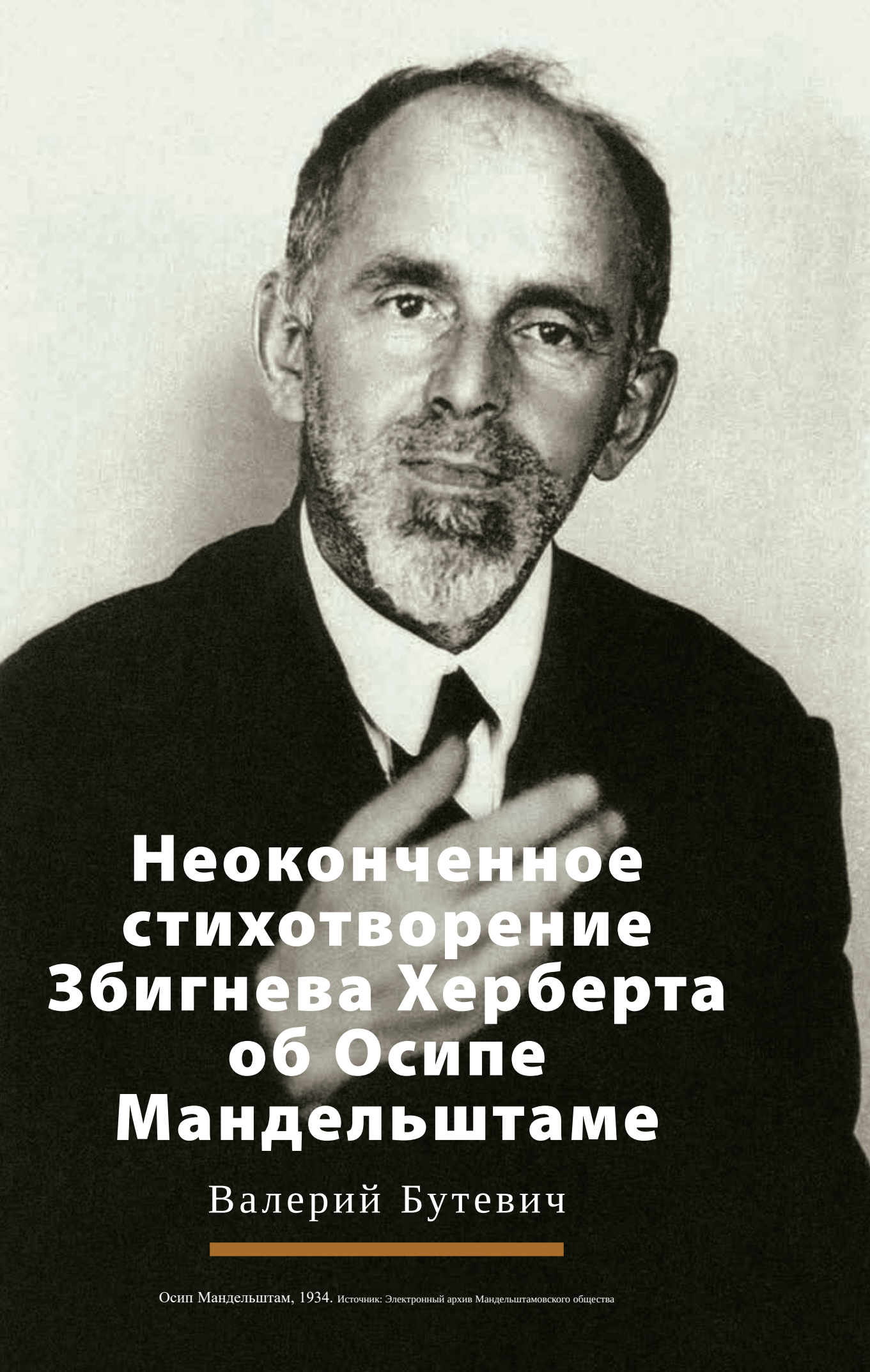
У «Ярмарки Европа» имелись побратимы по всей Польше. Крупнейшие рынки — это Тушин под Лодзью и автобиржа под Гройцем. Но на самом деле в каждом городе можно было найти рыночек, где раскладывали свои товары гости из-за восточных границ. Они провозили контрабандой сигареты, алкоголь и бензин. Везли миллиард всяких мелочей: молотки, белужью икру, увеличительные стекла, наборы ключей, армейские ножи, рыболовные снасти, подзорные трубы, динамо-фонарики, фотоаппараты, среди которых царствовал «Зенит». Правда, в Польше таких товаров и в магазинах хватало, но торговцы с востока предлагали более низкие цены.

Сначала восточные гости вывозили из Польши преимущественно доллары. Однако со временем, чтобы получить навар в своих странах, стали покупать продукты, парфюмерию, дешевую электронику, одежду и обувь.

Эта частная международная торговля застопорилась — и никогда уже не возродилась в былом виде — в 1998 году. Тогда в России грянул экономический кризис, а несколько лет спустя Польша ввела на своих восточных границах правила Шенгенской зоны. Незарегистрированная торговля снизилась как минимум на треть, а по другим статистическим данным — вообще в десять раз.

В 2000-е годы Стадион Десятилетия снесли и построили на его месте Национальный стадион. Он был завершен к чемпионату Евро-2012, который Польша принимала совместно с Украиной.

Перевод Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

A black and white portrait of Osip Mandelstam, a middle-aged man with a beard and mustache, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He is looking slightly to the right of the camera with a serious expression. His right hand is partially visible in the foreground, slightly out of focus.

Неоконченное стихотворение Збигнева Херберта об Осипе Мандельштаме

Валерий Бутевич

Интерес к творчеству Осипа Мандельштама в Польше зародился еще в межвоенные годы, а впоследствии его имя стало легендой.

Рассказываем о том, как поляки открывали для себя Мандельштама, и о посвященном ему стихотворении поэта Збигнева Херберта.

*Мало останется Рышард действительно мало
от поэзии этого безумного столетия несомненно Рильке Элиот
несколько других почтенных шаманов знавших тайну
заклинания слов форма которых неподвластна времени без которой
фразы не достойны того чтоб их помнить а речь словно песок*

«Письмо к Рышарду Крыницкому»¹

В стихотворении, обращенном к своему близкому другу, поэту младшего поколения Рышарду Крыницкому, Збигнев Херберт выразил мысль, что творчество лишь немногих поэтов XX века выдержит испытание временем.

Конечно же, это преувеличение, поэтическая вольность, далекая и от действительности, и от того, как ее воспринимал сам автор. Несомненно, поэтов, которых Збигнев Херберт считал великими мастерами, значительно больше, нежели заявлено в довольно неопределенной формуле «несколько других почтенных шаманов». И хотя Херберт не оставил нам перечень «знавших тайну заклинания слов», все же можно попытаться реконструировать этот список, опираясь на его письма к друзьям и коллегам по цеху, а также другие архивные материалы, в которых он рассуждал о поэзии. И я более чем уверен, что среди этих «шаманов» появилось бы имя русского поэта — Осипа Эмильевича Мандельштама.

И в этом нет ничего удивительного. Фигура Мандельштама для польской интеллигенции второй половины XX века имела исключительное значение. Прежде всего на это повлияла мученическая смерть русского поэта, которая стала своего рода мартирологическим символом и резонировала с умонастроениями польских оппозиционных интеллектуалов и писателей эпохи Польской Народной Республики. Однако одной лишь трагической судьбы недостаточно, чтобы имя поэта превратилось в легенду: миф о Мандельштаме не мог бы появиться без его поэтического дара-

ния, которое находило и находит в Польше своих поклонников. И пусть это не широкие круги, а среда литературной элиты, но именно в ней сохраняется память о Мандельштаме и возникают переводы его произведений.

Русская литература в межвоенной Польше

Огромную роль в сближении русской и польской литератур, а косвенно и в знакомстве поляков с творчеством Мандельштама, сыграл Дмитрий Философов, осевший в Варшаве в 1920 году. Блестящий литературный критик эпохи Серебряного века и политический эмигрант, Философов не только работал на благо местной русской общины, редактируя эмигрантские газеты, но и органично влился в среду варшавской интеллигенции, приобретая в ней немалый авторитет. Философов поддерживал близкие отношения с целым рядом польских культурных и политических деятелей: от Юзефа Пилсудского до Юлиана Тувима. В лице Философова они нашли человека, уважительно относящегося к приютившей его стране, и при этом знатока русской культуры, мечтающего о новой либеральной и демократической «Третьей России» и пытающегося эту мечту воплотить через сближение соседствующих культур.

В 1929 году в Варшаве в русской эмигрантской среде возникло Литературное содружество, почетным председателем которого был Философов. Здесь проходили литературные вечера, положившие начало встречам русских и польских писателей. Однако интеллектуальный уровень этих

¹ Здесь и далее, если не указано иначе, переводы, выполнены Валерием Бутевичем.

Збигнев Херберт, 1967.

Фото: Ренат фон Мангольдт / Kultura

встреч не устраивал Философова, поэтому с его подачи в 1934 году возник литературно-исторический кружок, который основатели назвали с отсылкой к Пушкину «Домик в Коломне». Соучредителями с польской стороны были Ежи Стемповский и Юзеф Чапский; иногда на собраниях появлялся молодой Ежи Гедройц. Это был элитарный польско-русский дискуссионный клуб, в котором тщательно продумывались темы выступлений, подбирались кандидатуры докладчиков, а немногочисленные гости получали именные приглашения.

Клуб просуществовал до 1936 года. И хотя официально ни одна из встреч не была посвящена творчеству Мандельштама, не приходится сомневаться, что о нем не раз говорили в кулуарах, а может, и не только. Леон Гомолицкий писал в своих воспоминаниях, что на одном из собраний представлял доклад об истоках акмеизма; кроме того, частым гостем «Домика в Коломне» был Кароль Виктор Заводовский, который учился в Петербурге вместе с Осипом Мандельштамом и Николаем Гумилевым, что могло послужить поводом к дискуссии об акмеистах. Бывал в клубе также и автор первых профессиональных переводов стихотворений Мандельштама — Владзимеж Слободник.

Это путешествие к истокам польского знакомства с творчеством Мандельштама интересно не только само по себе, но и указывает на отдаленную связь «Домика в Коломне» со Збигневом Хербертом.

Послевоенные переводчики Мандельштама

С традицией «Домика в Коломне» связаны и послевоенные переводы Мандельштама. Прежде всего

Валерий Бутевич — литературовед, переводчик. Защитил в Варшавском университете диссертацию о творчестве Збигнева Херберта. Работает в Музее литературы имени Адама Мицкевича (Варшава).

надо вспомнить Северина Полляка, который — скорее всего, под влиянием Леона Гомолицкого — еще в 1936 году начал переводить произведения поэта, а в послевоенный период стал ведущим переводчиком и популяризатором русской литературы вообще.

В 1947 году, когда Мандельштам на родине был под запретом, Северину Полляку вместе с Мечиславом Яструном удалось «протащить» пять его стихотворений в антологию «Два века русской поэзии».

Однако, может быть, самая большая заслуга Полляка в деле популяризации творчества Мандельштама — это подготовка следующего поколения переводчиков. Адам Поморский, ученик Северина Полляка, стал составителем, переводчиком и комментатором самого обширного собрания поэзии и прозы Мандельштама на польском языке — «И не ограблен я, и не надломлен» (*Nieograbiony i nierozgromiony. Wiersze i szkice*, 2010).

Справедливости ради следует вспомнить и других переводчиков, которые поддерживали память о поэте в польской культуре: Павел Герц, Ежи Помяновский, Анджей Мандалиан, Богдан Задура, Ярослав Марек Рымкевич, Анджей Дравич, Виктор Ворошильский, Мария Лесневская, Станислав Бараньчак и Артур Мендзыжецкий.

Еще одна фигура, без которой невозможно представить польского Мандельштама, — это историк литературы, эссеист и переводчик Рышард Пшибыльский. Когда в 1959 году Пшибыльский находился на стипендии в Москве, где собирал материал к своей нашумевшей книге о Достоевском, ему посчастливилось познакомиться и сблизиться с Анной Ахматовой и Надеждой Мандельштам. Благодаря этому знакомству многие подробности жизни поэта были известны польскому литературоведу задолго до появления за границей воспоминаний Надежды Яковлевны. Это касается и неопубликованных стихотворений позднего периода, часть из которых именно он вывез из России, переписав их латиницей от руки под ее диктовку. Благодаря доступу к уникальным источникам информации, а также тонкому филологическому чутью, все написанное Пшибыльским о Мандельштаме до сих пор сохраняет свою актуальность.

Есть и некоторая связь Херберта с Мандельштамом через Пшибыльского: в книге «Это классицизм» (*To jest klasycyzm*, 1978) он, опираясь на творчество Элиота и Мандельштама, предлагает свою концепцию классицизма, демонстрируя ее на примере польской послевоенной поэзии, в том числе Збигнева Херберта. В разделе, посвященном

Господину Когито (Pan Cogito), самому известному литературному персонажу польского поэта, Пшибыльский непосредственно соотносит его с мандельштамовским образом «мыслящего тела».

Лекции о Мандельштаме

В поэзии и эссеистике Збигнева Херберта, изданной при жизни поэта, мы не найдем упоминаний об Осипе Мандельштаме, однако в его архиве, который хранится в Национальной библиотеке в Варшаве, есть несколько интересных материалов, заслуживающих внимания.

Первый — это конспект лекций, подготовленных для американских студентов, когда в 1970/1971 учебном году Херберт преподавал европейскую поэзию и драматургию в Колледже штата Калифорния. Курс, посвященный поэзии, назывался «Современная европейская поэзия в переводе».

Среди биографических данных Мандельштама, изложенных лаконичными предложениями, можно прочесть следующие фразы: «*he has been an underground, forbidden poet*» («он был подпольным, запрещенным поэтом») и «*he was largely ignored by Soviet critics*» («советская критика его в значительной степени игнорировала»). Для Херберта как поэта, который вырвался из коммунистического блока, чтобы примерить на себя роль профессора калифорнийского университета, эти черты портрета Мандельштама были чрезвычайно важны. Однако для молодого поколения американцев, сформировавшихся в эпоху контркультуры, движения хиппи и протестов 1968 года, они не всегда были столь очевидны.

На лекциях Херберт старался подчеркивать связь литературы с историей, особенно с трагическими уроками XX века.

На лекциях Херберт старался подчеркивать связь литературы с историей, особенно с трагическими уроками XX века.

В письме к Александру Шанкеру Херберт описывал концепцию будущих занятий, в которых он хотел представить «*характерные произведения различных поэтов, читая их в оригинале, а потом в дословном и литературном переводе. Таким образом, это будет что-то вроде семинара для переводчиков, попытка взглянуть на поведение английского языка в столкновении с другими языками*». Общий уровень студентов оказался ниже его ожиданий, поэтому переводческий семинар превратился в изложение основ немецкой, французской, итальянской, английской и славянской поэзии.

Сохранившиеся конспекты очень схематичны, но из них мы узнаём, что из русских поэтов Херберт вписал в план занятий Блока, Ахматову, Пастернака, Маяковского, Заболоцкого, Есенина, Винокурова, Евтушенко, Вознесенского, Бродского и, конечно же, Мандельштама. На реализацию этого амбициозного плана времени оказалось недостаточно, поэтому Херберт сосредоточился на отдельных представителях символизма, футуризма и акмеизма. Каждого поэта он представлял в контексте эпохи и разбирал со студентами избранные произведения.

Можно предположить, что подобную стратегию он использовал, рассказывая о творчестве Мандельштама. В архиве сохранилось только одно произведение русского поэта, которое Херберт разбирал со студентами, и оно, как мне кажется, подтверждает это предположение. Это лирическая элегия «В Петербурге мы сойдемся снова» (1920) в переводе Кларенса Флитвуда Брауна и Уильяма Стэнли Мервина, в которой Петербург после октябрьской революции и гражданской войны предстает перед читателем «*в черном бархате советской ночи*» и «*черном бархате всемирной пустоты*».

Неоконченное стихотворение

Второй архивный след, ведущий к Осипу Мандельштаму, — это неоконченное стихотворение, посвященное русскому поэту, которое Херберт пытался написать на исходе жизненного пути. Сохранились два черновых варианта — отличных друг от друга, но взаимосвязанных. Оба текста Рышард Крыницкий расшифровал с рукописи и опубликовал в сборнике неизданных произведений Херберта «*Utwory rozproszone*» (2011). Вот перевод ранней версии этого стиха:

«ТАНЕЦ»

бурные аплодисменты эзков

*А Мандельштам танцует среди оглушительного рева эзков
которые великодушно швыряют ему в лицо огрызки
танцует словно Сократ почти голый то колено то локоть
выскакивает из лохмотьев усиливая комический эффект балета
отчаяния*

*О чем танцует конечно же о страхе о страхе тела
которое не желает страданий а дух как будто живет отдельно
на высокой скале над бурным заливом когда прибой приходит вместе с полнолунием*

*А Мандельштам танцует как безумный хасид
выбрасывает руки вверх трогательно поет воет
эски вне себя от радости*

А Мандельштам танцует на снегу босой и одинокий

Скорее всего, идея написания стихотворения возникла в Израиле, где Херберту весной 1991 года присудили престижную Иерусалимскую премию. На церемонии вручения премии он хотел почтить память важного для него поэта. Херберт пишет об этом в открытке, высланной Рышарду Пшибыльскому из Иерусалима 29 мая 1991 года: «мне хотелось объединить мою награду с декламацией его поэзии, но не было перевода».

В архивной папке, где лежат материалы, связанные с поездкой в Израиль, сохранились вырванные страницы из сборника поэзии Мандельштама в переводе Марии Лесневской, изданного в период военного положения (1981–1983 годы). Херберт взял с собой в путешествие на Святую Землю стихотворение «Эта ночь непоправима», в котором появляется образ восходящего у иерусалимских врат черного солнца. На этих страницах видны исправления, внесенные Хербертом в перевод, а также примечательный комментарий: «мой дорогой Осип».

Несколько месяцев спустя после возвращения из Иерусалима Херберт и попытался написать стихотворение о Мандельштаме, которое озаглавил «Танец». По неизвестным причинам оно осталось незаконченным.

Появляющееся в этом черновике сравнение Мандельштама с Сократом — это аллюзия к стихотворению «Танцующий Сократ» Юлиана Тувима. В нем Сократ изображен как гедонист, прославляющий радость жизни.

У Херберта этот сюжет отсылает нас к эпизоду из мемуаров Надежды Мандельштам, в которых

есть скудные сведения о последних днях жизни ее мужа в пересылочном лагере.

Среди них — свидетельство о том, как Мандельштам декламировал свои стихотворения перед сокамерниками. Упоминаний о танце там, конечно же, нет, но движения человека в оборванной одежде, который, пританцовывая, отчаянно пытается хоть чуточку согреться (а его тело от вечного холода дрожит и не поддается контролю), можно принять за безумный хасидский танец. Создавая своего рода апокриф, в котором акцентируется мотив танца перед лицом одиночества и смерти, Херберт, вероятно, руководствовался сведениями о помешательстве Мандельштама, что оправдывало использование парадоксального образа и усиливало его драматизм.

Спор с Милошем

Оставляю, однако, рискованное предприятие истолкования поэтического черновика. Вместо этого укажу на контекст, в котором возникло это неоконченное стихотворение. Дело в том, что оно записано в одной из тетрадей, в которой Херберт собирал материалы к книге под названием «Год ягненка». Согласно замыслу, который также не реализовался, он хотел написать полемический ответ на дневник Чеслава Милоша — «Год охотника» (Rok myśliwego, 1990).

В своих дневниковых записях Милош неоднократно возвращался к проблематике, описанной им еще в «Порабощенном разуме» (Zniewolony umysł, 1951), а именно: причинам и механизмам, вынуждавшим деятелей культуры принять ком-

мунистическую идеологию. Он был противником черно-белых оценок прошлого, усматривая в мотивации и поступках тех, кто в той или иной мере сотрудничал с коммунистической партией, множество нюансов. По мнению Милоша, в послевоенные годы выбор у польской интеллигенции был небольшой, а торжество коммунистов казалось исторической неизбежностью.

Когда Херберт прочел «Год охотника», его возмутили в первую очередь суждения на его собственный счет, поскольку Милош писал, что его бескомпромиссные и порицающие оценки тех же людей и событий продиктованы слепой верой в единственную и абсолютную ценность — родину. Среди прочих мыслей относительно Польши, с которыми не соглашался Херберт, в «Годе охотника» были записи о Мандельштаме. Милош писал, что в его творчестве проявляется имперский

Снова спор и снова стихотворение

К замыслу стихотворения о Мандельштаме Херберт вернулся в 1996 году. Вторая попытка также осталась незавершенной, однако этот вариант более доработанный и включает в себя идеи из первого черновика. Толчком и в этот раз послужил текст Чеслава Милоша: журнал *Nagłos* напечатал его статью «Комментарий к “Оде Сталину” Осипа Мандельштама», а *Gazeta Wyborcza* перепечатала фрагмент под заголовком «Об Осипе Мандельштаме и легенде о нем».

В своем тексте Милош развернул мысль об имперском патриотизме Мандельштама: *«Антенны Мандельштама были чувствительны к суждениям его современников. Эта зависимость проверена в годы революции, когда его образ мыслей кажется типичным почти для всей интел-*

Сюжет стихотворения Херберта отсылает нас к эпизоду из мемуаров Надежды Мандельштам, в которых есть скудные сведения о последних днях жизни ее мужа в пересылочном лагере.

патриотизм, а его антикоммунистический образ гиперболизирован: *«Я читал на нескольких языках множество стихотворений об Осипе Мандельштаме как о мученике за свободу, а также слушал записи польского спектакля в его честь. Все это имеет мало общего с реальным Мандельштамом»*.

Милош подразумевал (и со временем четко сформулировал эту мысль), что стихотворение «Когда б я уголь взял для высшей похвалы», за которым закрепилось название «Ода Сталину», было проявлением имперского патриотизма Мандельштама. Херберт же, защищая русского поэта от несправедливых обвинений нобелевского лауреата (с которым дружил, хотя под конец жизни их отношения испортились), писал: *«Художник скорее освоится с мыслью о физическом небытии, чем с мыслью о творческом (забвение, победа истории и т. д.)*. Это и есть причина драматичной попытки установить связь с палачами. Мандельштам пишет оду Сталину. Но он, скорее всего, боялся лагерных страданий, ссылки — это благородный страх».

Как мне кажется, стихотворение «Танец», которое записано в той же тетради, является отголо-ском спора с Милошем.

*лигенции, радостно приветствовавшей революцию, которой предстояло интеллигенцию уничтожить. В молодости Осип Мандельштам и его жена кинулись в революцию, действовали. Затем, в 20-е годы, они пытались заключить в нескольких длинных стихотворениях свое ощущение гигантской перемены и своего в ней участия как поэта [так!]. Эти стихи столь метафоричны и столь трудны, что могут поддаваться (и поддавались) противоположным толкованиям. К несчастью для себя, он написал и сатирический стишок о грузинском сатрапе, и это стало причиной его гибели. Под конец своего воронежского изгнания, в 1937 году, он разразился «Одой Сталину», о существовании которой долго ничего не было известно. Впервые она была опубликована в 1975 году в Америке, в журнале *The Slavic Review*. Между тем формировался миф о Мандельштаме как о фигуре, почти как Христос страдающей за чужие грехи, миф, входивший в память его коллег — русских писателей. Ходили рассказы о последних днях поэта в «пересылочном» лагере по пути на Колыму — о его безумии, параноической уверенности, что его хотят отравить, о том, как он искал еду на помойках, и о том, как*

он замечательно читал стихи сокамерникам — профессиональным вора́м. «Оду Сталину» Мандельштам написал, чтобы спасти себя, но было уже поздно, и она ничуть ему не помогла. Так вот это выглядит, однако дело представляется несколько иначе на фоне других его стихотворений, написанных в Воронеже»¹.

Эти суждения Милоша Херберт коротко подытожил в черновиках: «Польский поэт Милош Чеслав порицает русского поэта Осипа Мандельштама спустя 60 лет после его мученической смерти».

Похоронные размышления

Как можно предположить, еще одной причиной написания стихотворения о Мандельштаме, кроме полемического запала, стала смерть другого русского поэта — Иосифа Бродского. Они с Хербертом не были близки и редко встречались, но питали симпатию друг к другу, поэтому на весть

о смерти Бродского в 1996 году Херберт решил посвятить ему несколько строк в произведении о Мандельштаме.

Впрочем, измученный болезнями Херберт и сам готовился к путешествию на другой берег бытия, поэтому это стихотворение также и о самом авторе. В его поздних записках все чаще появляется мотив прощания, что отображают заглавия опубликованных («Господин Когито на заданную тему “Друзья уходят”») либо незавершенных произведений («Похоронные размышления Господина Когито»). В архиве сохранился также листок, в котором под заголовком начатого стихотворения «Похороны Господина Когито» записана одна лишь фраза: «и чтобы в этой могиле сделали место / для моего брата Осипа Мандельштама».

Закончу статью поздней версией стиха, который так и остался незавершенным.

«МАНДЕЛЬШТАМ»

*В конце концов как все великие поэты он стал шутом
при дворе мхов и лишайников в удельном княжестве тундры
он вызывает всеобщее веселье когда словно собака на четвереньках
ищет остатки пищи вечно голодный*

*поэтому на потеху заключенным братьям по несчастью
поэт кукарекает кувыркается стоит на руках
а когда у него заканчиваются идеи просто играет еврея*

*Прошли десятилетия никто тебя уже не ищет
возможно господин Бродский сейчас пытается найти следы в загробном мире
он всегда был такой педантичный что его покинуло место и время
он словно скряга считал слоги и разговаривал с тенями*

*А Мандельштам танцует на потеху уркам
в смертельной рубашке страха огрызки брошенные в лицо
забытый на дне чермного моря
которое замкнулось над ним не узрит Иерусалима*

*А Мандельштам танцует приумножая радость бытия
А Мандельштам танцует на снегу босой и одинокий*

1 Перевод Натальи Горбаневской.

«Милош писал лицом к реке, и я пытаюсь переводить его лицом к реке»

Никита Кузнецов — переводчик поэзии и прозы Чеслава Милоша на русский язык. Мы поговорили с ним о самом Милоше, об особенностях его поэзии и трудностях переводческой работы.

Валентина Чубарова

Никита Кузнецов.

Фото: Роман Турчак / Новая Польша

Валентина Чубарова: В Издательстве Ивана Лимбаха вышли «Хроники» — очередной поэтический сборник Чеслава Милоша в вашем переводе. Каких лет это стихи, по какому принципу они подобраны?

Никита Кузнецов: Я стараюсь переводить Милоша сборниками. Существует достаточно много разрозненных переводов его стихов на русский язык, но сборники, изданные целиком, можно пересчитать по пальцам одной руки. А между тем иногда целостность книги очень важна, особенно когда речь идет о стихотворных циклах — стоит читать эти стихи в контексте. Первый милошевский сборник, которой я перевел, и в то же время один из моих любимых, — это «На берегу реки», вышедший в 2017 году.

Когда Милош писал стихи, которые вошли в тот сборник, в его жизни происходило много знаменательных событий — в частности, он впервые побывал на своей родине, в Литве. У него даже есть стихотворный цикл под названием «Литва, пятьдесят два года спустя». Он оказался там впервые с 1940 года, после того, как через так называемый зеленый коридор ушел из Вильно, оккупированного Советским Союзом, в оккупированную немцами Варшаву. Потом он был на дипломатической службе в США, потом в 1951 году эмигрировал, практически бежал. Милошу удалось попасть в Париж, но, естественно, обратный путь и в Польшу, и в Советский Союз был для него закрыт. В Литву поэт смог приехать только в 1992 году... До этого он неоднократно с грустью говорил, что больше никогда туда не вернется, — в частности, упоминание об этом есть в эссеистической «Земле Ульро», наверное, самой сложной книге, которую я перевел. И все-таки, поскольку жизнь его была долгой, ему представилась такая возможность. Но «Хроники», о которых мы сейчас говорим, были написаны раньше. Сборник «На берегу реки» был издан в 1994 году, а «Хроники» вышли в 1987-м — то есть это стихи, написанные вскоре после получения Нобелевской премии¹. В посленобелевские времена практически каждая новая книга его стихов становилась своего рода подведением итогов — ведь он был уже очень пожилым человеком, в 1987 году ему исполнилось 76 лет.

Фон, на котором создавались «Хроники», был непростым. С одной стороны, Милош обрел всемирное признание, смог приехать в Польшу, где

Чеслав Милош, 1985. Источник: издательство Instytut Literacki

его ставили в один ряд с Иоанном Павлом II и Лехом Валенсой (впрочем, сам поэт несколько тяготился этой внезапно обрушившейся на него популярностью). Но, с другой стороны, это было для него время многих личных трагедий: тяжелая болезнь и смерть жены, психическое расстройство младшего сына.

ВЧ: Милош всю жизнь обращался к теме детства.

НК: Да, она красной нитью проходит через все его творчество, но особенно это заметно в «Долине Иссy». Этот роман — лучший и один из немногих у Милоша. Он считал, что романы — не его призвание, но как раз «Долина Иссy» опровергает это утверждение.

Роман был издан в 1955 году и стал одной из первых книг, написанных Милошем в эмиграции. Он стал терапевтическим, можно сказать, потому что те годы были для него очень тяжелыми. Эмигрировав во Францию, он постоянно испытывал нужду. Кроме того, Милош не мог воссоединиться с семьей: жена с сыновьями были в США, а ему не давали визу, потому что перед этим он был на пэнэровской дипломатической службе и американцы считали его неблагонадежным, связанным с коммунистическим правительством. С другой стороны, вся левая французская

¹ Чеслав Милош получил Нобелевскую премию по литературе в 1980 году за то, что «с бесстрашным ясновидением показал незащищенность человека в мире, раздираемом конфликтами».

интеллигенция относилась к нему как к предателю «светлых» коммунистических идей, а достаточно правая польская эмиграция воспринимала его как человека, запятнавшего себя сотрудничеством с режимом. То есть он был в одиночестве, и только Ежи Гедройц ему благоволил — благодаря ему у Милоша были какие-то связи со средой.

Но одна из главных его бед заключалась в том, что он потерял своего читателя. Милош не знал, для кого ему теперь писать, и в первые годы эмиграции почти не сочинял стихов. С помощью «Долины Иссы» он вернулся к своим корням, истокам, и этой книгой, можно сказать, проложил себе обратный путь в поэзию.

ВЧ: Как вообще началось ваше увлечение Милошем, почему первой была именно «Долины Иссы»?

НК: Когда я еще учился на философском факультете Папской богословской академии в Кракове, у нас была монографическая лекция «Зло в мировой литературе», которую вела Изабелла Сариуш-Скомпская (сейчас она председатель Федерации катынских семей, а ее отец, предыдущий председатель, погиб в Смоленской катастрофе). Первой же книгой, которую нам предстояло прочитать, была «Долина Иссы». Я еще тогда думал (бывает такое со студентами): прочитать целиком или лучше какое-то краткое изложение?.. Все-таки решил, что надо прочитать, буквально влюбился в эту книгу и решил: «Если буду когда-нибудь переводить художественную литературу, обязательно переведу эту книгу».

ВЧ: А ее не переводили до этого?

НК: В том-то и дело, что нет. Я и сам был удивлен, что эта книга как будто меня ждала. Но и я не сразу пришел к тому, чтобы ее переводить. Это случилось лет через десять после того, как я впервые ее прочитал, приблизительно в 2007 году. Потом была история с поиском издательства: поскольку я жил в Польше, мне было нелегко сориентироваться в ситуации на российском издательском рынке. Но в конце концов все получилось благодаря Наташе Горбаневской, с которой мы работали в «Новой Польше».

Невозможно не сказать о Наташе. Хотя мы не слишком часто виделись, она стала для меня очень близким человеком. Конечно, поначалу она была для меня живой легендой, и я думал: «Боже мой, неужели я буду работать с той самой Натальей Горбаневской!» В основном мы с ней переписывались, потому что она жила в Париже,

а я в Кракове, но иногда она приезжала в Польшу, и мы встречались. Она всегда очень охотно помогала своим младшим коллегам-переводчикам, и когда я искал издательство, чтобы напечатать свой перевод «Долины Иссы», она включилась в эти поиски и в итоге посоветовала мне обратиться к Ирине Кравцовой, в Издательство Ивана Лимбаха из моего родного Петербурга. Так сложилось, что пока почти все книги Милоша, которые я перевел, за исключением одной, были опубликованы именно в этом издательстве.

ВЧ: И вы с тех пор переводите в основном Милоша?

НК: Да. Если я за что-то берусь, а потом чувствую, что поэт и темы, которые он затрагивает, мне близки, я начинаю продвигаться вглубь... Правда, после «Земли Ульро», которая действительно была невероятно сложной книгой, мне некоторое время казалось, что от Милоша надо немного отдохнуть...

ВЧ: А чем она сложная?

НК: Это самая философская книга Милоша. Философия сама по себе меня не пугает: я изучал ее. Не пугала меня и мистика, которой там много. Но я привык иметь дело с католической или, по крайней мере, христианской мистикой, а там были мистические воззрения Мицкевича, Сведенборга, Уильяма Блейка, Оскара Милоша — дальнего старшего родственника Чеслава, которому он многим был обязан, о котором много писал, в частности, рассматривая его мистическо-философские идеи. То есть это была такая неортодоксальная мистика, порой даже не вполне христианская. Например, ангельские иерархии, ангельская сексуальность

Валентина Чубарова — литературный редактор и переводчица «Новой Польши». Социальный антрополог, проводила исследования в Польше, Украине и России, преподавала в РГГУ.

у Сведенборга... Это я говорю о вещах наиболее простых, а если начать углубляться!.. Через главы о Сведенборге я прорывался с особым трудом.

В свою очередь, Уильям Блейк тоже очень интересен, я бы сказал, просто невероятен. Я рассчитывал, что те отрывки из его стихов, которые приводятся в «Земле Ульро», на русский уже переведены, но оказалось, что далеко не все. Некоторые надо было переводить с английского. Сначала у меня была идея перевести их, подражая переводческому стилю Милоша, но потом я все-таки решил, что это слишком головомная задача, тем более что все-таки языки разные, и переводческие методы тоже должны отличаться друг от друга. Так что я просто перевел эти стихи так, как считал нужным, не оглядываясь на Милоша.

ВЧ: О чем бы вы спросили Милоша, если бы могли ему задать один вопрос?

НК: Конечно, интересно было бы спросить, что он думает о моих переводах, узнаёт ли себя в них. У Норвида есть важная фраза о задаче поэзии, в переводе Горбаневской она звучит так: «дать вещи — слово». Вот у переводчика, наверное, похожая задача — дать слову слово, донести мысль автора до читателя на его языке. Я стараюсь к стихам Милоша — впрочем, не только к стихам и не только Милоша — относиться очень бережно и максимально сохранять не только содержание, но и форму, структуру, ритм.

Я знаю, что Милош, особенно в поздние годы, очень бдительно следил за переводами своих стихов, и у многих русских переводчиков с этим были проблемы. Например, переводы Анатолия Гелескула — при том, что они по-своему замечательные, — Милош не одобрил. Он счел, что в них слишком много внимания уделяется красоте формы, внешней гладкости. А Милош как раз хотел сохранения некоторой шероховатости своих стихов.

Милош довольно хорошо знал русский. Ведь раннее детство (почти до семи лет) он провел в России, где его застигла революция. Поэтому, хотя формально он и не изучал язык, русская речь постоянно звучала вокруг него. Позднее, в Вильно, он общался на разных языках у себя во дворе: с польскими детьми говорил по-польски, а с еврейскими — были у него такие приятели Яшка и Сонька — по-русски. Он и читал по-русски, а когда приехал в США, начал преподавать Достоевского и вообще русскую литературу, поскольку польская была менее востребованной. Так что русский он знал, но все-таки ухо у него было польское, поэтому, когда он смотрел на русские пере-

воды, то немного другую мерку к ним прикладывал, и в итоге это не очень хорошо сказалось на судьбе милошевских переводов в России. Нередко то, что ему нравилось, с точки зрения русского уха звучало как подстрочник — особенно это касается верлибров.

ВЧ: Что самое непере译имое у Милоша?

НК: Главная трудность, наверное, общая для всей польской поэзии — это другая музыка языка, другой ритм. И, конечно, тут, как мне кажется, надо от чего-то отказываться и что-то приближать к образцам, более близким русскому слуху, русской поэзии. Дело в том, что в связи с постоянным ударением на предпоследний слог у польского языка есть слабо выраженный ритм и склонность к силлабике. А русская поэтическая традиция, начиная с XIX века, это силлабо-тоническое стихосложение². То есть для нее характерны сильный ритм и рифмы, от которых польская поэзия (как и вообще многие западные) отказалась — очень мало кто пишет сейчас рифмованные стихи. Это отчасти затрудняет и работу переводчиков с русского.

А если говорить о самом Милоше, о том, что у него самое непере译имое... Может быть, как раз передать по-русски мелодию его стиха — достаточно сложная задача. Я пока не обращался к его ранним стихам, среди которых больше рифмованных. Впрочем, такие стихи есть и в «Хрониках» — например, одно стихотворение в русском переводе читатель сразу безошибочно воспримет именно как рифмованное с ярко выраженным ритмом, хотя я старался, исходя из оригинала, давать рифмы неочевидные, например, «сначала — перепалок», «иллюзий — людям». Это стихотворение без названия, оно открывает цикл «Гераклиту»:

*Обрывки голосов, еще во мне звучащих,
Мои и не мои, я издала их слышу.*

*Но кто теперь я сам — тот самый, настоящий,
а не античный хор, не эхо среди тиши?*

*Неужто должен я все начинать сначала,
Избавившись в наш век от чар его иллюзий?*

*На берегах, где нет судов и перепалок,
И возвращаюсь я к давно забытым людям.*

2 Силлабическое стихосложение — принцип деления стиха на ритмические единицы (например, строки), равные между собой по числу слогов, а не по числу ударений и схеме их расположения. В свою очередь, в силлабо-тоническом стихосложении ударные и безударные слоги чередуются в определенном порядке, неизменном для всех строк стихотворения.

ВЧ: А насколько можно понять поэзию Милоша, не зная его биографии и философских взглядов, не читая примечаний?

НК: Это возможно. Большинство или, по крайней мере, многие его стихи действительно можно читать, не зная о Милоше ничего, — они говорят сами за себя. Но есть и такие, где все-таки желательно иметь хоть какое-то представление о жизни и взглядах автора, потому что автобиографический момент там очень сильно присутствует. И, собственно, для этого я в конце «Хроник», как и в сборнике «На берегу реки», подготовил комментарии, которые помогут немного лучше понять эти стихи. На автобиографических моментах я там тоже кратко остановился — благодаря им читателю будет доступен не только верхний слой восприятия, но и более глубокие пласты. Тем более что Милош — мастер многослойности. Лучший тому пример — «Долина Иссы».

ВЧ: А когда вы в первый раз попали в Шетеняй, ставший прообразом деревни Гинье, где происходит действие романа?

НК: Впервые я туда приехал в 2008 году, когда работал над переводом «Долины Иссы». Надо сказать, это был очень важный для меня опыт. Как я потом выяснил, там можно просто ходить с книгой в руках и сравнивать, смотреть, где что было, потому что Милош очень точно описал свои родные места. Хотя, конечно, моя встреча с этими местами и его встреча, когда он спустя 52 года туда приехал, были совершенно разными. Он просто стал там другой действительностью. Я, приехав туда, узнавал места, которые прежде были знакомы мне лишь по милошевскому роману. Там природа, с одной стороны, очень простая, но с другой — есть некоторая атмосфера загадочности, что-то действительно трудно выразимое словами, но очень хорошо описанное в «Долине Иссы».

А Милош, конечно, видел запустение, видел разрушенное имение, где он родился, где к тому времени не осталось, кроме руин амбара, практически ничего, видел исчезнувшие деревни, многолюдные во времена его детства. Там, в долине реки Невежис, очень хорошая почва, редкий для Литвы чернозем, и крестьяне там были зажиточные, поэтому в 1940 году, после того как Советский Союз захватил Литву, практически все они попали в категорию кулаков. В окрестностях имения было три больших деревни, из них осталась одна, где сейчас живет около 20 человек. К 1992 году в Литве уже не осталось близких Милошу людей, потому что все они либо переселились, либо умерли. Места изменились порой до неузнаваемости.

В стихотворении «Усадьба» из цикла «Литва, пятьдесят два года спустя», поэт пишет так:

*Это место и я, хоть вдали друг от друга,
Год за годом привычно теряли листья.
Нас снега засыпали, мы шли на убыль.
А теперь, в общей старости, мы снова вместе.*

Для меня это, конечно, был совершенно потрясающий опыт — побывать там и переводить милошевские стихи в этом месте. Особенно это было связано со сборником «На берегу реки». В уже упоминавшемся мною стихотворении «В Шетенях» вторая строка звучит так — это, кстати, одна из тех длинных строк, которые характерны для Милоша и трудно поддаются переводу:

*Внизу за деревьями сторона Реки, сзади
за постройками сторона Леса, справа сторона
Священного Брода, слева — Кузницы и Парома.*

И вот я сидел на скамеечке перед амбаром или, как сказал бы Милош, свирном, и понял, что сижу в том самом месте, которое описано в стихотворении, где справа — Священный Брод, по-литовски Швентибрастис — соседняя деревня, в которой находится церковь, где Милош был крещен. За спиной у меня — сторона леса, который действительно виден вдали. Ну, от кузницы и парома уже, к сожалению, ничего не осталось, но «сторона реки» — вот она, здесь. Мне очень нравится образ из следующей строки:

*Где бы я ни скитался, на всех континентах
я всегда обращался лицом к Реке.*

Милош писал лицом к реке, и я пытаюсь перевести его лицом к реке.

ВЧ: «Где бы я ни скитался...» Вот Милош родился в Литве, значительную часть жизни прожил в эмиграции — насколько он именно польский поэт? Насколько Милош что-то говорит о польской культуре? Насколько он типичен для нее?

НК: Есть в Польше люди, которые считают, что Милош — не настоящий поляк. Тем более что он не скупился на критические замечания, касающиеся каких-то особенностей польской ментальности и явлений в Польше, — конечно же, такие вещи можно писать и говорить именно «изнутри», о своей стране. То есть он чувствовал себя своим и чувствовал себя вправу. Хотя и Литва была для него во многом своей страной. Он был тем, кого сейчас принято называть человеком

Никита Кузнецов. Фото: Роман Турчак / Новая Польша

пограничья. Это вообще очень причудливо в Литве переплетается. Милош — потомок литовской шляхты, необходимость выбора идентичности была почти неизбежной, но он остался, как его называли, «последним гражданином Великого княжества Литовского». Во времена Речи Посполитой говорили: *gente Lithuanus, natione Polonus*, то есть политическая нация — польская, происхождение — литовское. Но литовская шляхта, как известно, полонизировалась, польская культура была более сильной.

ВЧ: Вы говорили о том, что Милош хорошо знал русский язык. А повлияла ли на него русская литература?

НК: С одной стороны, несомненно, повлияла, в том смысле, что он хорошо ее знал. Думаю, Достоевский — самый близкий Милошу автор, несмотря на отношение русского классика к полякам. Для Милоша была важна религиозно-философская проблематика, поэтому он очень пристально присматривался к Достоевскому, анализировал и использовал его творчество. Что касается поэзии, то, наверное, русская поэзия была в большей степени тем, от чего Милош отталкивался. Он считал, что сильная силлабо-тоника, подчеркнутая ритмичность — это то, что вредит польской поэзии, сво-

его рода корсет, из которого нужно вырваться. Разумеется, чтобы от чего-то отталкиваться, надо это знать. Богатая русская поэтическая традиция — начиная с Пушкина и даже, может быть, с каких-то более ранних авторов, — была важна для Милоша и хорошо ему знакома.

ВЧ: Раз выходит столько книг Милоша на русском, наверное, у него есть своя аудитория.

НК: Несомненно, и, пожалуй, она расширяется. Было бы преждевременно и несколько самонадеянно говорить о продвижении Милоша в массы, но, во всяком случае, в литературных кругах его уже знают. А ведь когда-то, еще общаясь с разными российскими издательствами по поводу «Долины Иссы», я позвонил в одно крупное (уже несуществующее) издательство и говорил там с заведующей отделом иностранной литературы (!). Я сказал ей, что хочу предложить перевод замечательного романа Милоша. Повисла пауза, и моя собеседница спросила: «Милош? Какой Милош? Милош Форман?»

ВЧ: Скажите, с чего надо начинать читать Милоша русскоязычному читателю, который совсем с ним не знаком?

НК: Я бы посоветовал «Долину Иссы», хотя художественная проза — необычный для Милоша жанр. Но этот роман как-то вводит в милошевский мир, хорошо читается и дает развернутое представление об авторе. Хотя, если бы я советовал человеку не чуждому литературе, то, может быть, все же рекомендовал бы сразу начать со стихов. И тут сложно выбрать: с одной стороны, я очень люблю «На берегу реки», с другой стороны, «Хроники» — мое последнее детище, и я чувствую себя очень с ним связанным. Все-таки, несмотря на то, что «Долина Иссы» — замечательное произведение, и я в него сразу влюбился, Милош считал себя в первую очередь поэтом, для него прочие виды деятельности были скорее побочными, вспомогательными, а стихи он считал главным.

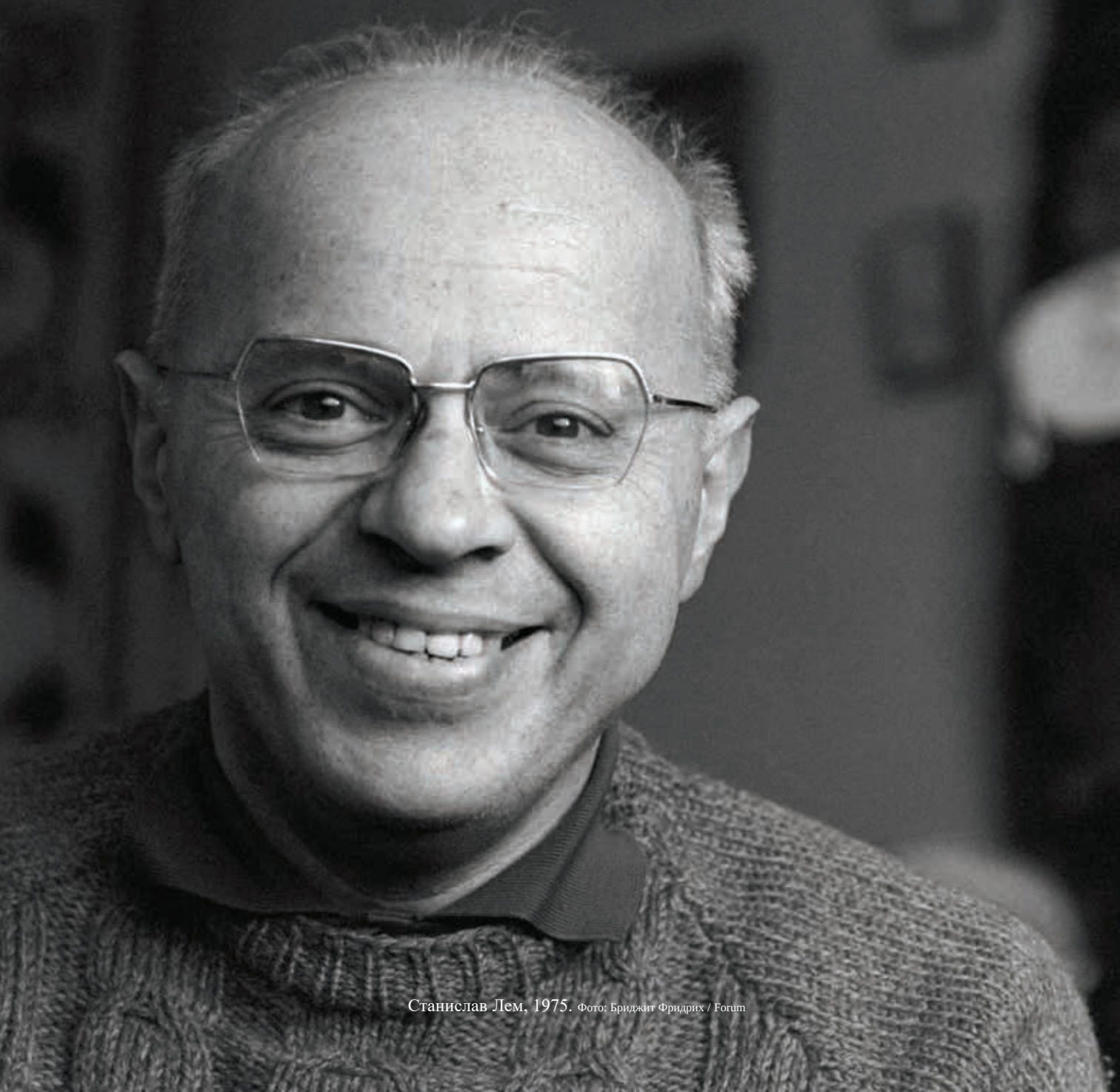
Полную версию интервью с Никитой Кузнецовым вы можете прочитать здесь

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Невозможное ВОЗМОЖНО

Мариэтта Чудакова

Станислав Лем, 1975. Фото: Бриджит Фридрих / Fotum

Эссе о польском фантасте и его значении для советского читателя эпохи оттепели.

Прежде чем обратиться к Лему, придется сделать автобиографический экскурс.

Старший брат выучил меня читать в пять лет, и с тех пор я не отрывалась от книг — читала запоем. А в те времена медицина считала такое чтение в детском возрасте вредным — «может пострадать психика». Поэтому дома то и дело раздавался крик: «Опять читает! Отнимите у нее книжку!»

В школьные годы, в пятом-шестом классе, я увлекалась тем, что тогда называли фантастикой. Подчеркиваю — фантастики как таковой в послевоенные, во всяком случае, годы в СССР не было. На самом деле это были детективы про шпионов. То есть приключенческий жанр, но определенно-го, «советского» толка: brave пограничники или чекисты ловили шпионов — тех, кто, тайно перебравшись через границу, охотился за советскими учеными... Мастером этого жанра был Николай Томан. Его «фантастическими» повестями — «В погоне за призраком», «Взрыв произойдет сегодня», «Что происходит в тишине» — я и зачитывалась.

И вдруг мне попадает на глаза газетная заметка, где черным по белому сказано, что человек может прочитать за свою жизнь только 60 тысяч книг... Я пришла в ужас. Значит, читая одни книги, я могу не успеть из-за них прочитать другие, более важные?... Я стала думать, что делать. От чего отказаться, чтобы успеть прочитать необходимые книги?... И я приняла очень болезненное для себя решение — отказаться от «фантастики», то есть в первую очередь от Томана... В поздние годы я не раз размышляла над этим своим решением. Ведь я не знала тогда, что Томан совсем не заслуживает моего внимания! Значит, что-то чувствовала подсознательно относительно его литературной ценности...

Я не брала в руки любую фантастику много лет — не только в школьные, но и в университетские годы. И вот через несколько лет после университета один приятель, муж моей одноклассницы Алик Кузнецов заговорил со мной о современной фантастике. Я гордо сказала, что не читаю фантастику с шестого класса.

«Ну и напрасно! — сказал он. — Сейчас есть замечательные фантасты — Брэдбери, Лем...» Это было начало 60-х. Я тут же взялась их читать и пришла от обоих в восторг.

Конечный результат чтения был неожиданным — я стала писать фантастические рассказы... Нимало не думая о печатании их — исключительно для собственного удовольствия. Потом мои друзья, Натан Эйдельман и Лева Осповат, по собственной инициативе оттащили их в журнал «Знание — сила», редактор выбрал и напечатал один рассказ, его перевели на разные языки, но это уже другая история. Упоминая я о своих рассказах (сейчас они собраны в книжку «Мирные досуги инспектора Крафта») только потому, что все они написаны если не под прямым влиянием, то под каким-то воздействием Станислава Лема.

Первое, что попало мне в руки и покорило меня, была брошюрка Лема под названием «Формула Лимфатера». Она стала моей настольной книгой — в буквальном смысле этого слова: не сходила с моего письменного стола. Время от времени я открывала ее и перечитывала несколько страниц... Важное обстоятельство заключается в том, что именно в эти годы я занялась «настоящей» наукой — стала писать в стол книгу «Поэтика Михаила Зощенко». В стол — поскольку надежд

Мариэтта Чудакова (1937–2021) —
выдающийся российский литературовед
и общественная деятельница.

на публикацию не было: печально знаменитое постановление ЦК КПСС «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», растаптывавшее Ахматову и Зощенко, еще не было отменено, его даже спрашивали на экзаменах в некоторых вузах...

Я написала книгу, перепечатала в четырех экземплярах у машинистки (компьютеров еще не было в помине) и положила в стол. Книга пролежала там 11 лет. После этого, сократив текст с 20 печатных листов (примерно 400 машинописных страниц) до 11,5, я напечатала его в издательстве «Наука» — при содействии академика Лихачева. Я до сих пор считаю, что это — единственная из моих работ, где сделано некое научное открытие — открыт секрет поэтики Михаила Зощенко.

Первый русский перевод Лема появился в 1957 году — на гребне той эпохи, которая получила название «оттепель». Только что, осенью 1956 года, в журнале «Новый мир» была напечатана повесть Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», которой суждено было стать провозвестником новой эпохи.

И переводная повесть Лема «Астронавты» стала законной частью отечественного литературного процесса: польский писатель не только вписался в этот процесс, но и стал напрямую на него воздействовать...

К этому времени текущая «советская» литература была уже достаточно регламентирована — пишущим было хорошо известно, что нельзя, на-

Воздействие Лема на советского читателя выходило за границы литературы.

Я останавливаю внимание читателя на этой книге только потому, что она написана под несомненным благотворным воздействием «Формулы Лимфатера» — именно она пробуждала мою научную мысль, заставляла думать...

По этому небольшому сочинению Лема можно в буквальном смысле слова учиться научному мышлению — учиться отличать его от имитации такового.

Поражает, как пристально, бережно относится Лем к условиям порождения фантастического текста — например, к описанию инопланетян: *«Иная цивилизация — это прежде всего иная культура с ее неземными Ньютонами и Шекспирами, и следовало бы сначала “выдумать” всю историю и всю культуру этих “других”, если уж хочешь поместить их на страницах повести. Это куда важнее, чем придумывать, сколько у них рук, пальцев или глаз.*

Открытие можно “выдумать”, но ход его осуществления должен быть в основном схож с действительным ходом исследования и познания мира человеком».

...Конечно, книга Лема насквозь пессимистична. Из нее явствует, что напряжение человеческого ума рано или поздно приведет к открытию (и, увы, воплощению) того высшего интеллекта, который сделает излишним существование человека. Ну что ж — будем, как и пан Станислав, надеяться, что это случится не при нашей жизни...

пример, изображать парторга завода или цеха с отрицательными чертами — он не может изменять жене, не может разводиться и так далее. Писатели, конечно, хотели уйти от ограничений, мечтали свободно обходиться с героями и сюжетом. Одни находили выход в обращении к природе и к миру животных (Михаил Пришвин, например, посвящает целую повесть жизни оленихи), другие отдавались детской литературе (что и породило ее расцвет в 30-е годы).

Лем предложил еще один выход — фантастика! Понятно, что с фантастических сюжетов взятки гладки — обвинить автора за неверное изображение «советских» людей в фантастических обстоятельствах трудновато...

Позволю себе привести довольно обширную цитату из моей давней статьи о Леме «Свой инопланетянин» — мне кажется, она не устарела:

«На переходе от пятидесятих годов прошлого века к шестидесятым польский писатель выпал на поверхность “советской” планеты и на наших глазах врос в нее, оставаясь инопланетным, но при этом интенсивно укореняясь и по ходу укоренения нас, советлян, чему-то все время обучая — ну, по крайней мере, принуждая невзначай, искоса взглянуть на примелькавшуюся жизнь.

Это было именно вторжение — по названию рассказа “Вторжение” в одном из самых ранних сборников (“Вторжение с Альдебарана”, 1960) о стекловидных грушах, падающих на землю из космоса, о том, как ядро внутри такой груши свободно принимает форму человеческих фигур,

угла дома и даже кустарника, прежде, чем все эти люди или предметы сгорят или обуглятся под ее воздействием. И когда любопытствующий юноша пытается узнать у профессора, с какой же целью ядро этого неземного организма, попавшего на землю, создает слепки объектов, где проходило его, так сказать, детство, — автор рассказа будто встряхивает нас что есть силы, чтобы мы наконец опомнились и хотя бы потупились перед чудом земной жизни, чудом ее воспроизведения, нисколько не более понятного нам, чем процессы в неземных существах».

Лем помогал нам существовать — напоминая каждой страницей, что мы мыслим, мыслим — должны, по крайней мере, мыслить!

Лем помогал нам существовать — напоминая каждой страницей, что мы мыслим, мыслим — должны, по крайней мере, мыслить!

И, если взглянуть свежим взглядом на нашу привычную жизнь, то оказывалось, что она не менее фантастична, чем та, что описывается фантастами.

Конечно, воздействие Лема на советского читателя выходило за границы литературы. В «Астронавтах» ниспровергались привычные аксиомы физики и других наук — и это тоже было веянием нового времени... Хотелось бы привести здесь фрагменты только что опубликованной статьи Владимира Борисова «Лем и наука»: «Видимо, именно невозможность практически заниматься в науке тем, что интересовало Лема, подтолкнула его к литературе и фантастике. И когда цензура была против использования термина “кибернетика”, Лему пришлось придумать в первом своем фантастическом романе “Астронавты” науку механоэвристику. Причем для автора это была не просто замена неудобного термина, а скорее попытка обозначить новое направление в научном поиске. Интересы Лема лежали преимущественно на стыке наук, ибо именно там высекается самое новое и любопытное.

Сколько мельчайших находок, связанных с наукой, техникой, изобретательством, рассыпано по всем книгам Лема, каждая из которых — следствие тщательно продуманной и скрупулезно выписанной проблемы. Многие описания таких проблем — готовое техническое задание для лабораторий настоящего и будущего».

Конечно, сам свежий взгляд Станислава Лема на проблемы науки и техники, что называется, прочищал мозги — приучал к неожиданности живой, нетривиальной мысли. Это был огромный вклад в наше общественное мировоззрение.

...В июне 1993 года в Кракове, где жил Лем, шла конференция «Нации и стереотипы», в которой я участвовала. И переводчик Лема Константин Душенко любезно предложил сводить меня к нему.

Так случилось невероятное — я познакомилась с паном Станиславом! Правда, это знакомство было из разряда тех, про которые ходит байка: «Вы знакомы с таким-то? — Я с ним знаком, а он со мной — нет». Вряд ли пан Станислав запомнил меня, но я-то его запомнила! Плотный, с живыми карими глазами, веселый, несколько жовиальный, он пессимистически говорил о будущем человечества, но мне, филологу, особенно интересны были его оценки признанных авторитетов в гуманитарной сфере.

— Есть сейчас такое течение — Деррида, Лакан... Это психопатия.

— Вы считаете — ничего там нет?

— Конечно, ничего!

...Напоследок процитирую мое обращение к Лему, напечатанное в последний год его жизни, — надеюсь, он успел его прочесть: «Спасибо, пан Станислав, за нашу и вашу свободу — ведь именно вы уверяли и уверили нас, что невозможное возможно!»

АГНЕСКА ОСЕЦКАЯ

Солнца к хлебу

Магда Умер

Культовая поэтесса и автор песенных текстов, режиссер, писательница, фотограф... Многочисленные титулы все равно не отражают масштаба ее личности. Агнешка Осецкая (1936–1997) была и остается любимицей миллионов, песни на ее стихи стали классикой. На русский язык некоторые из них вольно перевел Булат Окуджава. Подруга Осецкой, певица и режиссер Магда Умер, поделилась своими воспоминаниями о ней, разложив их по алфавиту.

Кажется, Агнешка никогда не задумывалась над тем, насколько она великая. У нее просто была естественная потребность писать про то, что было, что происходит сейчас, что может нас ждать. Нас — множественное число тут очень важно, потому что она хотела быть общими слезами и общей улыбкой многих людей. Хотела жить в полную силу, помогать другим, не растратить талант, которым ее наградила судьба или Бог. Она помогала себе и нам. И еще долго будет помогать.

Очень трудно представить себе Агнешку Осецкую, после которой не осталось ни следа. Ведь следы есть. К тому же я испытываю некоторую беспомощность и страх при мысли о том, чтобы писать про нее. Но ведь именно она постоянно убеждала оставлять воспоминания, записывать все, *«пока время, как зловерный короед, не просверлило дыры в памяти»*. Поэтому я решила: хватит бояться. Ведь написать об Агнешке — это снова немножко с нею побыть... Я разложу воспоминания по алфавиту.

A — alkohol. Алкоголь

Сначала дальний знакомый, потом милый, яркий друг, целитель, кокон, последняя надежда и, наконец, враг. Смертельный. В книге «Беседы в танце» Агнешка написала о себе, что она алкоголичка. Это до сих пор невероятное и шокирующее признание в нашей пьяной стране.

B — Bóg. Бог

Она горячо верила, что Бог — тоже Поэт и непосредственно о ней заботится. И что поэты имеют у Него особые права. Думаю, что только с Ним она

была до конца честна. И думаю, что она разговаривала с Ним каждый день. Когда умирала — ходила в церкви разных конфессий, ставила свечи, о чем-то просила, за что-то извинялась. Однажды попросила, чтобы я сфотографировала ее на ступенях перед алтарем. Это говорит больше всяких слов.

C — ciocia Basia. Тетя Бася

Барбара Сикорская, сестра ее мамы Марии. Тетя, которую Агнешка любила и часто вспоминала. Именно она убедила десятилетнюю Агнешку начать вести дневник. Бася была строгим, язвительным, но нежным и любящим критиком всего, что писала племянница. *«Она принадлежала к тому типу людей, которые читают Паскаля в оригинале и при этом не цитируют его по любому поводу»*.

Магда Умер — польская певица, пианистка, актриса, сценаристка и режиссер. Награждена Кавалерским крестом ордена Возрождения Польши и медалью «За заслуги в культуре Gloria Artis».

D — dyplomacja. Дипломатичность

С этим у нее имелись серьезные проблемы. Наставником Агнешки в области дипломатии был Анджей Ярецкий — друг и нравственный авторитет: *«Он умел тактично сказать, что думает, — то, что мне не удавалось. Я всегда отказывалась либо от одного, либо от другого»*. Помню, как однажды она вернулась из Америки: *«С этого момента я буду говорить, что думаю, там все так делают. Надо рубить правду-матку прямо в глаза! Довольно лицемерия...»* Но после реакции знакомых, которым Агнешка высказала, что думает, она отказалась от этой идеи. Истинную правду она перенесла в литературу. Самой искренней она была на бумаге, скрываясь под масками разных людей. *«Даже когда я пишу о десятилетнем мальчике, это тоже я. Банально, но так»*.

E — elegancja. Элегантность

Об элегантности она не имела и — что, возможно, еще важнее — не желала иметь ни малейшего понятия. Ей были скучны модные журналы, косметика, мода. Она писала: *«Знаю, что манжеты бывают то шире, то уже (ведь я это вижу), брюки попеременно то худеют до размера макарон, то разрастаются до ширины шаровар, лица то синеют, то светятся, как фонари, груди то растут, то исчезают, но я понятия не имею почему. К сожалению, для молодых эти вещи страшно важны»*. Думаю, что Агнешка не имела ничего общего с элегантностью в смысле манеры одеваться, но у нее было нечто гораздо более важное — элегантная душа.

F — fotografowanie. Фотография

Это было ее страстью, почти столь же серьезной, как писательство. Фотографии она посвятила свою последнюю, очень личную книгу «Вначале был негатив».

G — Giedroyc. Гедройц

Ежи Гедройц — возможно, самый большой моральный авторитет. Впервые она поехала в Париж в 1957 году. Ей тогда был 21 год. Она говорила мне, что пан Ежи был ее первым настоящим учителем истории. Очень его любила, хотя историю терпеть не могла.

H — Helena. Хелена

Пани Хелена, а точнее — пани Хеленка Домработница и Опора. Она знала Агнешку еще девочкой

и до самого конца воспринимала как малышку. Это она, пани Хелена, автор знаменитых слов: *«Бедная моя хозяйка — ничего она не умеет, кроме как писать»*.

I — inna. Иная

«Отцу удалось вырастить из меня настоящую чудачку», — писала она. Ее самый любимый мужчина, Виктор Осецкий, боролся с тремя силами этой страны: коммунистической властью, глупыми ксендзами и национализмом. Знаменитый пианист и композитор, он решил научить дочь пяти языкам, запрещал ей читать газеты и Сенкевича. Когда мама встала на защиту автора «Трилогии», сказав: «Но Виктор, в конце концов, он получил Нобелевскую премию, она должна его прочесть», — отец спокойно ответил: «Я ничего не должен, и она ничего не должна». А поскольку он считал, что дочери нужно плавать и летать на планерах, Агнешка из любви к нему чуть было не стала профессиональной пловчихой. В планер ей, к счастью, сестры не позволили...

J — język polski. Польский язык

Агнешка говорила, что польский язык — ее истинная отчизна. Шутила порой, что это единственная взаимная любовь ее жизни. Она прекрасно об этом писала: *«Например, звательный падеж. Он смешной. Делает все, что может, чтобы привлечь к себе внимание. Дурачится, копошится, а возможностей у него, по правде-то, мало. Ведь это всего лишь звательный падеж»*.

K — kardiogram. Кардиограмма

Когда врачи велели ей делать всякие исследования, пить таблетки и вообще заботиться о себе — она кивала, но не воспринимала это всерьез. Говорила, что у нее воспаление души и порок сердца, а от этого лекарств не существует. Хотя любила слово «кардиограмма» — *«потому что это рифма к ста граммам»*...

L — lamenty. Причитания

Это были почти регулярные (раз в два-три месяца) дружеские встречи в следующем составе: Магда Чапиньская, Кристина Янда, Зузанна Лапицкая-Ольбрыхская, Агнешка Осецкая и Магда Умер. Мы называли себя «закрытым исполкомом». Рассказывали друг другу о жизни и работе, и я, наверное, никогда уже больше не смеялась так много

и искренне. Шутовство старых дам или (как говорила Агнешка) «вечных девочек». После ее смерти мы еще пробуем время от времени встречаться, но теперь это уже лишь причитания по «причитаниям». Без нее — нет смысла...

Ł — łązenie. Бесцельно бродить

Она любила ходить на очень долгие прогулки, а точнее — бродить, бесцельно скитаться, не спешить ни за чем и ни за кем. Долго молчать, коротко говорить, быть с природой. Мы прошли вместе тысячи километров, может, даже обошли земной шар...

M — małżeństwo. Брак

Агнешка пробовала замужество несколько раз, но безуспешно. Всегда винила в этом себя. Слишком велик был разрыв между воображаемым и реальностью.

N — nastrój. Настроение

То, что менялось чаще всего остального. Агнешка была не в состоянии это контролировать: «У меня две души: одна, которая плачет, и другая, которая смеется. Такая чехарда настроений — это я».

O — osobowość wieloraka. Множественная личность

Многие ее поступки я не понимала или понимала неверно, во множестве прочитанных мною воспоминаний она выглядит как незнакомый мне человек, — и чтобы понять непонятное, я взялась за всякие умные книги по психологии. И почти поняла — благодаря журналу Charaktery, а особенно пани Катажине Хамер и ее статье о множественной личности... Впрочем, Агнешка часто повторяла, что на самом деле у нее в жизни только один враг — Агнешка Осецкая.

P — Passent. Агата Пассент

Любимая дочь. Трудный ребенок очень трудной матери. Красивая, талантливая — и одетая в броню. Броню выковала мама. В последние годы Агата — хранительница памяти об Агнешке. Еще она основала фонд Okularnicy¹, задача которого — помогать молодым, талантливым и трудным творческим личностям.

1 Okularnicy — «Очкарики», одна из самых популярных песен на стихи Агнешки Осецкой.

R — ryzyko. Риск

У нее было странное отношение к так называемой рискованной жизни. С одной стороны, Агнешка говорила о себе, что она страшная трусиха, называла героями деятелей антикоммунистической оппозиции, а с другой — жила как циркачка на трапеции без защитной сетки, то и дело попадая из огня да в полымя... Когда ее вытаскивали из очередной передраги, она заставляла спасителя умолкнуть, обезоруживающе говоря: «Человек человеку уготовил эту судьбу»²... Очевидно, имея в виду себя.

S — sumienie społeczne. Социальная совесть

Она любила повторять, что в молодости была «утопической социалисткой». То, что она видела, причиняло ей боль: «Есть несколько вещей, от которых сдавливают горло. Например, неравенство старта. Идиотская лотерея, в которой с момента рождения участвует каждый. Возьми всех этих румынских детишек, мыкающихся по тротуарам на Новом Святе³. Какие у них возможности развития? А в то же время какой-то балбес, которого тянут родители и репетиторы, катается бог знает где на гидроцикле...»

Ś — śmierć. Смерть

На нее произвело сильное впечатление отношение к смерти знаменитой пани Ирены Шиманьской из варшавского издательства Czytelnik. Пани Ирена, посмотрев пьесу Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо», сказала в театральных кулуарах: «Беккет боится смерти, и я боюсь смерти. Но нельзя же настолько не держать фасон!»... Агнешка «держала фасон» как никто другой.

T — tolerancja. Терпимость

Она была королевой терпимости. Больше всего мне нравились ее дистанцированность и чувство юмора в отношении собственного творчества. Она исправляла тексты, не обижаясь на исполнителя, не устраивала скандалов, когда кто-то путал куплеты, хотя это могло совершенно менять смысл. Всерьез расстроилась только раз, когда Ига Цемб-

2 Переделанная цитата из знаменитой польской писательницы Зофи Налковской «Люди людям уготовили эту судьбу».

3 Новый Свят — одна из главных туристических улиц Варшавы.

жиньская вместо того, чтобы спеть: *«Мальвы яркий цвет блекнет возле хат, нет уж тех трагедий, что шесть лет назад»*, спела: *«Małru [обезьянки] яркий цвет блекнет возле хат...»*

Однажды Агнешка написала для некоего артиста, зарабатывавшего на жизнь исполнением популярных хитов в ресторане Kongresowa, польский текст знаменитой итальянской песни Mezzanotte:

*Минула полночь, и тьма слепила.
Дверь заскрипела, завyli псы, —
Как душно было!⁴*

— так звучала версия поэтессы...

И вот однажды вечером, когда она неожиданно зашла в ресторан Kongresowa, у артиста от волнения и нервов все перемешалось. Изумленная публика услышала:

*Минула полночь, и шесть пробило..
Где твои сени, где дверь твоя,
Рот, что любил я?!*

И мы еще много лет пели в отеле Wrocław, будя немецких туристов, версию артиста из ресторана Kongresowa...

U — uwaga. Внимательность

Она обладала редкой ныне способностью сосредоточиться на другом человеке, внимательно слушать, наблюдать, подарить неотложного *«солнца к хлебу»⁵*, если чувствовала, что он в этом нужда-

ется. Она не разговаривала с людьми «через дверную цепочку» — если уж разговаривала. Разве что когда тяжело болела и пыталась это скрыть. Она была добрым человеком.

W — wrażliwość. Чувствительность

Основа ее поэтического дара. Однажды она написала кому-то: *«Ты видишь стул, скамейку, стол, а я — растерзанное дерево»*.

Z — zdrada. Измена

То, к чему Агнешка имела довольно сильную склонность, поскольку ей частенько наскучивала реальность, в которой она провела какое-то время. Она не выносила скуку и даже просто обыденность. Влюбляла в себя людей, животных, растения — и бросала их на полушаге, на полуслове, внезапно и, быть может, неожиданно даже для себя. Она писала: *«Я не умею иначе. Я развиваюсь с помощью измен»*. Вот она и уходила, развиваясь, но не на свое счастье, а лишь на наше. У нас появлялось все больше прекрасных песен, а она становилась все более одинока. И никто не мог ей помочь, хотя несколько человек и пытались.

Невесело заканчивается мой алфавит воспоминаний об Агнешке. Остается только надеяться, что в *«зеленом небе»*, о котором она мечтала, Господь Бог по-прежнему о ней заботится, прощает *«сердечные вины»⁶* и заказывает новые песни. Может быть, когда-нибудь мы их услышим...

Перевод Елены Барзовой
и Гаянэ Мурадян

4 Здесь и ниже — перевод Наны Эристави.

5 Цитата из песни на стихи Агнешки Осецкой «Трамвайные люди», известной в исполнении Марыли Родович.

6 «Бог простит ей сердечные вины, даст мороженого с малиной» (перевод Марины Шалаевой) — цитата из знаменитой песни Осецкой «А ее глаза» (другое название — «Белые тетради»).

«Ведь снилась тебе так мало, а всё же существовала...»

Стихи в переводе Натальи Бельченко

Агнешка Осецкая

Когда-нибудь

Когда-нибудь всё это я зарифмую,
в архисоловьиные вылью рефрены,
и стих, прежде цену имевший смешную,
заблещет по радио или со сцены.

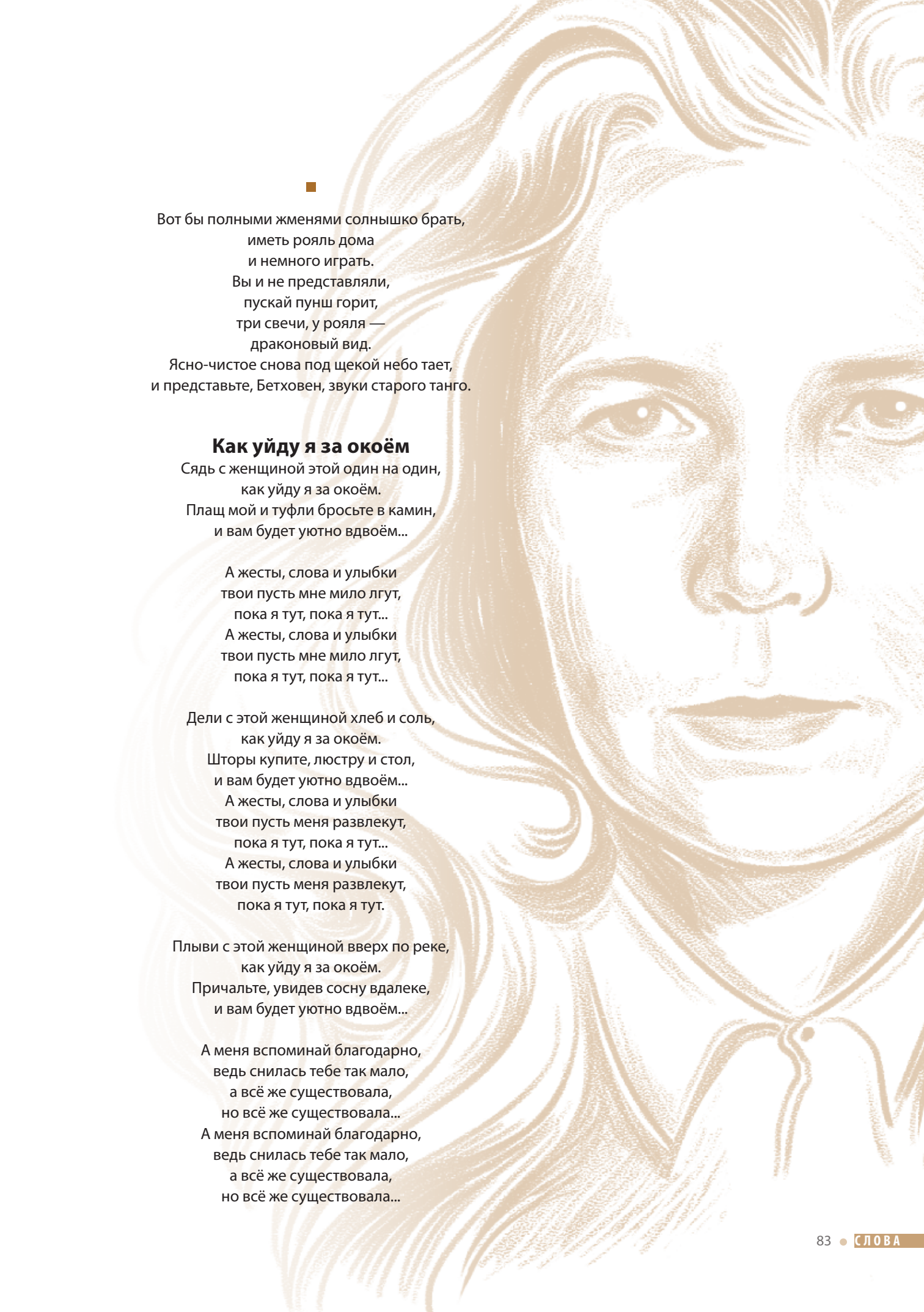
Когда он опустится на танцплощадку,
Найдя тебя в танго иль твисте каком...
Шепни между делом подруге украдкой:
«Я был с нею лично знаком».

В последний раз

Сегодня в последний раз плакала из-за тебя.
Чувствую, где исчезает соленая струйка
и начинается крем «Нивея»
и остальная карта лица,
у которого с тобой — мало общего.
Становлюсь некрасивой.
Всё громче спрашиваю, почему с ними,
всё тише вскрикиваю,
почему не со мной.
Возможно, даже вернусь под фонарь,
где было, как известно, темнее всего,
пусть только пройдет эта лихорадка,
от которой горю,
как цыганский лес,
внутри — пустой.

Невзрачное платьице

Маячить
в невзрачном платьице
и любоваться, как ты дышишь.
Таков был мой план.
Оказалось же, что следует
сиять, блистать, вибрировать,
фонтанировать мыслями и идеями,
быть кем-то,
иметь голову на плечах,
локон на голове,
над локоном нимб,
над нимбом птиц,
для птиц зерно,
на зерно деньги,
деньги за музыку,
музыку за тебя,
за дыхание
и за невзрачное платьице.

■

Вот бы полными жменями солнышко брать,
иметь рояль дома
и немного играть.
Вы и не представляли,
пускай пунш горит,
три свечи, у рояля —
драконовый вид.
Ясно-чистое снова под щекой небо тает,
и представьте, Бетховен, звуки старого танго.

Как уйду я за окоём

Сядь с женщиной этой один на один,
как уйду я за окоём.

Плащ мой и туфли бросьте в камин,
и вам будет уютно вдвоём...

А жесты, слова и улыбки
твои пусть мне мило лгут,
пока я тут, пока я тут...
А жесты, слова и улыбки
твои пусть мне мило лгут,
пока я тут, пока я тут...

Дели с этой женщиной хлеб и соль,
как уйду я за окоём.

Шторы купите, люстру и стол,
и вам будет уютно вдвоём...

А жесты, слова и улыбки
твои пусть меня развлекут,
пока я тут, пока я тут...
А жесты, слова и улыбки
твои пусть меня развлекут,
пока я тут, пока я тут.

Плыви с этой женщиной вверх по реке,
как уйду я за окоём.

Причальте, увидев сосну вдалеке,
и вам будет уютно вдвоём...

А меня вспоминай благодарно,
ведь снилась тебе так мало,
а всё же существовала,
но всё же существовала...

А меня вспоминай благодарно,
ведь снилась тебе так мало,
а всё же существовала,
но всё же существовала...

ВРОЦЛАВ

Люди из-под земли

Американский портал Budget Travel назвал этот памятник одним из самых необычных на свете, Newsweek включил его в список 15 красивейших объектов Польши. Но «Памятник анонимному прохожему» — это не просто оригинальные скульптуры: за ним кроется большая история.

Яна Карпенко

Самый необычный и узнаваемый памятник Вроцлава авторства польского скульптора Ежи Калины расположен всего в шестистах метрах от центрального вокзала. Он давно стал обязательным пунктом туристической программы, а для местных жителей — неотъемлемой частью городского пейзажа.

Четырнадцать бронзовых фигур стоят на перекрестке улиц Пилсудского и Свидницкой: люди в прямом смысле входят под землю с одной стороны проезжей части и выходят из-под земли с другой. Они завораживают реалистичностью образов: фигуры выполнены в натуральную величину, а их образы насыщены деталями, предметами быта — сумочка, детская коляска, очки. Но есть

и другая причина, по которой бронзовые прохожие никого не оставляют равнодушным: это многослойность образа, который вызывает у зрителя массу ассоциаций.

«Огромный потенциал метафоры, которую несет в себе памятник, позволяет каждому найти в нем послание лично для себя. И в этом — его сила, — говорит вроцлавский архитектор, преподаватель и урбанонолог Станислав Лосе. *— Ежи Калина наверняка доволен тем, как люди воспринимают сейчас его творческую мысль».*

Некоторые считают, что памятник изображает жертв сталинских репрессий, другие уверены, что герои Калины — борцы с коммунистическим режимом или даже евреи из гетто. На самом деле композиция посвящена периоду военного поло-

«Памятник анонимному прохожему».

Фото: Бартомей Кудович / Forum

жения. Открытие памятника состоялось в 24-ю годовщину его введения, в ночь с 12 на 13 декабря 2005 года. Он символизировал серьезнейшие перемены в жизни Польши и то, что подпольная (по-польски — «подземная») жизнь, молчание и страх, которые были характерны для того времени, закончились.

«Тринадцать скульптур — это портреты конкретных людей. Моих близких и мой собственный. Четырнадцатая фигура представляет сотрудника спецслужб», — рассказывал в одном из интервью автор.

Открытие «Памятника анонимному прохожему» проходило уже не просто в свободной Польше, но и в период роста локального патриотизма вроцлавян после наводнения 1997 года. Стихийное бедствие стало для города настоящим потрясением и переломным моментом в его истории, после которого произошло значительное оживление всей городской жизни.

«Нельзя забывать о том, что Вроцлав с 60-х годов был центром современного искусства в широком смысле слова. Здесь работали известные авангардные театры, проводились важные фестивали самых разных направлений, жили талантливые скульпторы. И всю эту атмосферу обогащала работа Национального музея, директор которого, Мариуш Хермансдорфер, был влюблен в современное искусство и, кроме того, коллекционировал его. Именно он смог по достоинству оценить художественную и метафорическую ценность инсталляции, которую в 1977 году в Варшаве для одной телевизионной программы [под названием Vox Populi] создал Ежи Калина», — говорит Станислав Лосе.

Яна Карпенко — переводчица, журналистка, организатор литературных и кинофестивалей во Вроцлаве. Сотрудница Фонда Ольги Токарчук и ее ассистентка.

После этой телепрограммы гипсовые фигуры были демонтированы, а затем 28 лет хранились на складе вроцлавского Национального музея. Когда же в городе решили почтить память жертв военного положения 1981 года, то вспомнили о произведении Калины, точно иллюстрировавшем состояние, в котором находилась Польша в тот период. Вместе с тем памятник символизировал и надежду на возрождение, поэтому он сразу вызвал положительную реакцию у вроцлавян. Установленный бронзовый памятник — точная копия инсталляции 70-х годов.

«Среди деятелей искусства Ежи Калина довольно узнаваем, а среди скульпторов — очень известен. Ведь он создал несколько скульптур, прочно вписавшихся в польский городской пейзаж. Он также был автором различных сценографий и инсценировок, в том числе и театральных. Это художник, прочно связанный с польским менталитетом и самоощущением, с нашим культурным кодом», — говорит Станислав Лосе.

Выпускник варшавской Академии изящных искусств, Ежи Калина действительно поражает разнообразием своих творческих ипостасей. Он и автор проекта надгробия Ежи Попелушко (капеллан «Солидарности», убитый службами безопасности ПНР), и архитектор часовен в Президентском и Бельведерском дворцах в Варшаве, и сценограф в нескольких краковских и варшавских театрах. На счету Калины — несколько театральных постановок. При этом весь его профессиональный стиль так или иначе отражает жизнь польского народа.

«В Польше, еще перед ее возрождением в 1918 году, шли дискуссии о том, каким должно быть польское искусство, — рассказывает Лосе. — Будет ли этот поиск ограничен лишь формами нового художественного языка, или же этот язык, вдобавок ко всему прочему, должен быть связан с каким-либо нарративом? И если так, то чьим именно? Калина выбрал нарратив польского народа, его культурное и историческое наследие».

И действительно, эта скульптурная группа в самом сердце Вроцлава — памятник очень польский, появление которого вдохновлено историей страны и посвящено ей. Вместе с тем он стал уже неотъемлемой частью именно вроцлавского городского пейзажа, его отличительным знаком.

Моя Кампиносская пуща

В нескольких десятках километров от Варшавы находится заповедник Кампиносская пуща — около 76 тысяч гектаров леса. Всемирно известный польский кинорежиссер, который живет в деревне Ляски на краю пущи, стал для нас проводником по этим местам.

Кшиштоф Занусси

Кшиштоф Занусси. Фото: Юрий Друг / Новая Польша

Кампиноская пуща. Фото: Юрий Друг / Новая Польша

Я живу в Лясках около десяти лет. Возле моего дома, в саду, среди деревьев стоят незаконченные скульптуры, которые после Второй мировой войны должны были установить в нишах собора Святого Мартина в варшавском Старом городе, но власти Польской Народной Республики не позволили этого сделать. Этот храм — ректорский костел сестер-францисканок служительниц Креста, которые, среди прочего, содержат учебно-воспитательное заведение для незрячих в деревне Ляски. Оно расположено неподалеку отсюда, мы еще поговорим об этом необычном месте.

Лес и его обитатели

В 20 метрах от моего дома протекает формальная граница национального парка. У меня десять собак, но я не могу их туда выводить. Это запрещено, потому что собаки пугают косуль. Так что на прогулки я хожу в одиночестве, скорее по необходимости: нужно же двигаться во время пандемии. Сама пуща — феноменальное явление. Это редкость, чтобы сохранилась такая огромная поросшая лесом территория вблизи большого города! Пуща стоит на песках, и земля здесь настолько неплодородная, что у людей не возникало искушения выкорчевать лес.

Здесь можно встретить не только косуль, но и лосей. Чаще всего они появляются осенью. Это огромные животные, а особенно опасны лосихи, когда они идут вместе с детенышами. Зимой животные выходят, чтобы слизывать с дороги соль, которую рассыпают снегоуборочные машины. Еще у нас есть рыси, дикие кошки и косули, а также зайцы.

Кшиштоф Занусси — кинорежиссер, обладатель множества международных и национальных наград, в том числе «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля.

Мой дебют

Именно здесь я снимал свой первый фильм. Примерно в 20 километрах от этого дома, в деревне Граница, создавалась моя дебютная картина «Структура кристалла». Я провел там значительную часть зимы 1968/1969 года, а почти 30 лет спустя снимал в том же месте фильм «Брат нашего Бога» по пьесе Кароля Войтылы¹. Сейчас в этой деревне есть скансен — этнографический музей под открытым небом, где можно увидеть деревенские дома этой части Мазовии.

Что видят незрячие?

В возрасте 20 лет графиня Ружа (Роза) Чацкая упала с лошади. У нее появились перед глазами черные пятнышки, и окулист сказал, что через два года она ослепнет: это было отслоение сетчатки, а в то время никто не знал, как его лечить. Девушка была на грани глубочайшей депрессии из-за того, что едва начавшаяся жизнь уже закрывается перед ней. Но она сумела преодолеть отчаяние мыслью о том, что у нее есть возможности, в том числе финансовые, изменить положение незрячих.

Польша тогда не существовало на карте — она была разделена между Пруссией, Австрией и Россией. В наиболее отсталом российском разделе вообще не было никаких служб, которые занимались бы помощью слепым. Их ничему не учили, разве что изготавливать щетки. Ружа Чацкая, постепенно теряя зрение, объехала всю Европу, чтобы увидеть, как эту проблему решают в развитых странах, и вернулась с убеждением, которого в Лясках придерживаются по сей день: незрячие видят то, чего не видим мы, и во многих областях могут достичь большего. Поэтому их можно обучать, например, математике, языкам, игре на фортепиано.

Благодаря знакомствам в Ватикане Ружа Чацкая в 1911 году основала в Лясках монастырь Конгрегации сестер-францисканок служительниц Креста. После Первой мировой войны туда приехало множество девушек из хороших семей, желавших посвятить себя такой работе. Среди кандидаток в монахини были и образованные еврейки; в Лясках они впоследствии пережили немецкую оккупацию, и никто их не выдал, поскольку освдомителям проникнуть в этот центр было очень трудно. После Второй мировой войны на это жаловалась и госбезопасность ПНР.

После войны кузен одной из францисканок, который был членом Политбюро, приехал в Ляски, чтобы ликвидировать центр. Он вызвал сестру,

они пошли в лес и там кричали друг на друга — на идише, чтобы их никто не понял. Она кричала громче и в конце концов убедила его, что слепые все равно социализм не построят, и центр оставили в покое, хотя все другие подобные заведения в сталинские времена были закрыты. В ПНР центр в Лясках существовал главным образом на пожертвования из США, и так оно остается до сих пор. Государство выделяет деньги лишь на общее образование подопечных, но специализированное — например, обучение языкам или музыке — финансируется из пожертвований.

Примирение и экуменизм

Во время Второй мировой войны Ляски частично были эвакуированы. Здесь в качестве окружного капеллана Армии Крайовой находился будущий примас Польши (1948–1981) Стефан Вышиньский. Рассказывают, что в этот период он дважды чуть не погиб от рук гестапо. Если это правда, то его идея примирения с Германией² звучит особенно убедительно.

Кстати, в семинарии Стефан Вышиньский был учеником священника Владислава Корниловича, одного из создателей Лясок и настоятеля здешнего костела. Еще перед Второй мировой войной он начал активное сотрудничество со светскими католическими организациями. Корнилович был настолько просвещенным пастырем, что согласился соборовать умирающего маршала Юзефа Пилсудского, несмотря на то, что формально тот был лютеранином (он отошел от католицизма ради брака со своей первой женой).

В Ляски приезжали сторонники церковных реформ, в том числе из Франции и Голландии. Они привнесли сюда дух, который проявился потом на Втором Ватиканском соборе. Это было движение обновления на основе сциентизма XIX века, распространенного в развитых странах. Здесь пытались вернуться к метафизике, размышляли о вечных вопросах, проводили христианско-иудейские встречи.

Присутствовало и влияние восточной церкви, поскольку многие сестры в здешнем монастыре были родом из российского раздела, например, откуда-то с Подолья.

Уже по моей инициативе здесь побывал представитель Московского патриарха, благодаря которому у меня есть икона святого Августина.

2 Речь идет об обращении польских епископов, направленном в 1965 году немецким епископам, которое содержало фразу «мы прощаем и просим прощения».

1 Кароль Войтыла — мирское имя Папы Иоанна Павла II.

Часовня в Ляских. Фото: Юрий Друг / Новая Польша

Этот святой — мое подспорье в отношениях с православными, фигура, которая нас объединяет. Сюда приезжала масса моих православных знакомых, даже несколько священников.

В поисках умиротворения

Я приезжал сюда в детстве и позже, в годы моих кризисов, например, когда бросил свой первый университет. Тогда я сразу уезжал в Ляски. Если бы у меня было больше времени или возможностей, я поехал бы в Тынец или Беяны под Краковом — ведь это были возвышенные, визуально прекрасные места, а Ляски попросту бедны. Но в то же время они трогательны. Сестры выстроили здесь очень простую, но прелестную часовню, стараясь, чтобы она обошлась как можно дешевле. Например, опоры сделали из неокоренных стволов. Она смотрится красиво.

Здесь есть Дом паломника, куда можно просто приехать, оказавшись в духовном смятении, например, людям, которые чувствуют себя потерянными после смерти кого-то из близких. Сюда приезжают без предупреждения, сделав какое-то пожертвование. Я даже удивляюсь: тут можно жить и питаться за копейки, но никто не злоупотребляет этим.

Место упокоения

На территории центра для незрячих находится скромное кладбище, где похоронены сестры из местной обители, друзья этого заведения, а также некоторые важные для польской культуры и политики люди. Среди них, к примеру, писатель и эссеист Зигмунт Кубяк, поэты Ян Лехонь и Антоний Слонимский, премьер Тадеуш Мазовецкий. Это своего рода негосударственная почетная аллея.

Здесьнее кладбище выглядит как деревенский некрополь: без плитки террасцо и кладбищенских аналогов крупнопанельного строительства, без этого отвратительного засилья бетона. Люди выбирают это место, потому что оно отвергает ту посмертную славу, которой мы часто ищем, желая, чтобы у нас были красивые склепы и чтобы нас помнили веками. Здесь же — демонстрация скромности и обращение к духовной доброте. Это тот католицизм, который не колеблется, даже когда иерархия не выполняет свои задачи, а епископы сеют соблазн. Если человек ищет веру, то здесь он не ошибется.

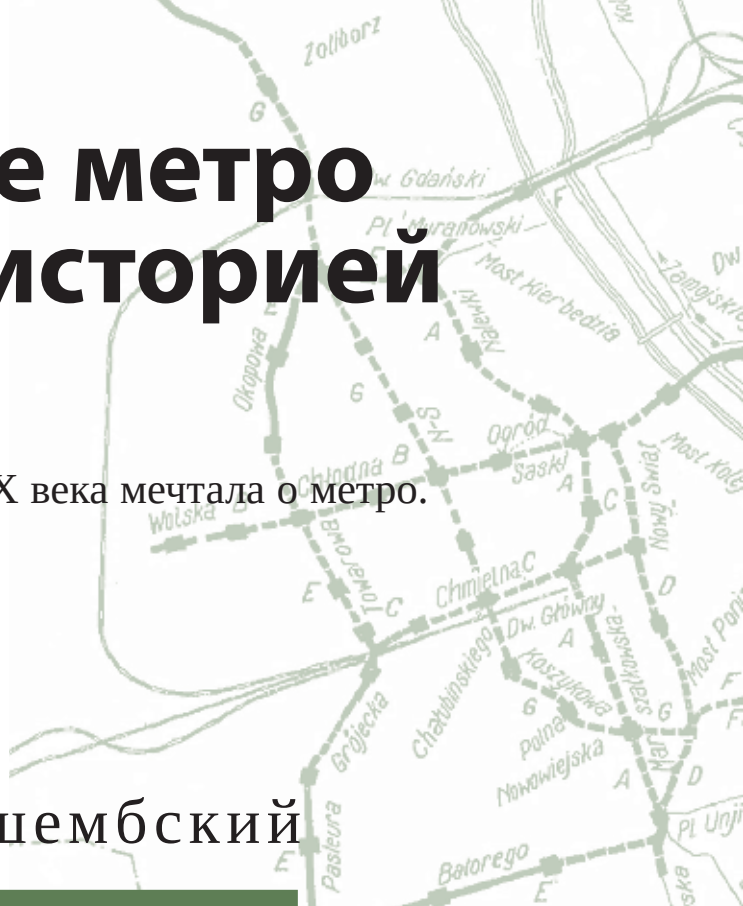
Записал Петр Погожельский

Перевод Владимира Окуня

Молодое метро с долгой историей

Как Варшава с начала XX века мечтала о метро.

Якуб Ястшембский

Станция метро «Свентокшиская». Фото: Радек Яворский / Fotom

Варшава, 1930. Источник: Википедия

В апреле 2020 года варшавское метро отметило 25-летие со дня запуска. Не слишком внушительный возраст в сравнении с другими столицами — не только Берлином (там метро открылось в 1902 году) или Москвой (1935 год), но даже Прагой (1974 год) и Бухарестом (1979 год). Но история варшавского метро — гораздо более долгая, и в ней, словно в линзе, сфокусировалась вся непростая история Польши XX века.

На рубеже XIX–XX веков, невзирая на отсутствие польской государственности, Варшава переживала период небывалого процветания. Строились все новые и новые промышленные предприятия, продававшие свою продукцию на богатом рынке Российской империи. Это привело к резкому увеличению численности населения города. Еще в 1878 году в нем насчитывалось 300 тысяч жителей, а в 1897 году число их превысило 680 тысяч. Варшава стала третьим по величине городом Российской империи после Санкт-Петербурга и Москвы. При этом ее территориальное развитие ограничивалось строгими российскими военными правилами, касающимися крепостей. Земли вокруг города должны были

оставаться незастроенными, а потому здания в его тесном пространстве возводились все выше и все ближе одно к другому.

Первые проекты

Первая мировая война принесла большие перемены. Летом 1915 года в город вошли немецкие войска. Новые оккупанты пытались привлечь поляков к борьбе с Россией, хотя отдавать им за-

Якуб Ястшембский — исследователь истории Варшавы, автор книги о варшавском метро.

хваченные земли отнюдь не собирались. Законы, ограничивающие территорию Варшавы, были отменены. Казалось, что город наконец-то сможет развиваться свободно. Одним из проявлений царившего тогда оптимизма стала подготовка проекта подземной железной дороги, созданного в 1917–18 годах.

Но уже в ноябре 1918 года Польша обрела независимость, а у молодого государства были более насущные проблемы, чем метро, — к примеру, борьба с большевистским нашествием.

К проекту вернулись в середине 1920-х годов. Население Варшавы приближалось уже к одному миллиону. И хотя основу общественного транспорта составляли современные на тот момент электрические трамваи, ходили они по извилистым узким улочкам, и народу в них набивалось все больше и больше. Никаких перспектив улучшения ситуации не предвиделось, поэтому пришлось вернуться к концепции метро. В 1925–1927 годах был предложен новый проект транспортной сети, включавший в итоге целых семь линий. Приступили к исследованиям грунта и параллельно — к поискам зарубежного консорциума, который получит концессию на строительство подземки. Предварительные переговоры велись с французскими, немецкими и бельгийскими компаниями.

Грандиозные планы перечеркнул мировой экономический кризис, разразившийся осенью 1929 года. Другая проблема состояла в том, что тогдашние варшавские власти не могли рассчитывать на поддержку из госбюджета. В мае 1926 года произошел государственный переворот, в результате которого к власти вернулся маршал Юзеф Пилсудский, возглавлявший политическое движение, называемое санацией¹. А поскольку тогдашний мэр Варшавы Зигмунт Сломиньский был сторонником оппозиционной национально-демократической партии, государство его инициативы не поддерживало.

Ситуация изменилась лишь в 1934 году, когда сторонникам санации удалось ввести в Варшаве правление назначенного мэра. Должность перешла к Стефану Стажиньскому, который — благодаря своим организаторским способностям и щедрой поддержке из госбюджета — взялся за модернизацию столицы. Однако к теме метро вернулись только в конце 1937 года. Стали обнов-

Строительство метро, 1956.

Источник: Национальный цифровой архив Польши

лять планы, продолжили исследования грунта и прочие подготовительные работы. Все это перечеркнуло начало Второй мировой войны.

Предложение, от которого невозможно отказаться

В результате разрушений 1939-го, 1943-го и — прежде всего — 1944 годов Варшава на момент вступления Красной армии была городом-призраком, лежащим в руинах. Один лишь район Прага на правом берегу Вислы избежал тотального разрушения. Как бы то ни было, столицу пришлось восстанавливать практически с нуля. Проблема узких улочек исчезла — новые улицы проложили с размахом, а система городского транспорта обрела совершенно иной вид.

Вместо метро сперва предполагали построить городскую наземную железную дорогу, аналог немецкого S-Bahn, вагоны для которой планировалось получить в качестве военных трофеев из Берлина².

Но вскоре концепция кардинально изменилась: было принято решение построить метро глубокого заложения.

1 В 1918–1922 годах Пилсудский занимал должность Начальника государства, а затем на несколько лет отошел от политической деятельности. В 1926 году он сосредоточил в своих руках всю полноту власти, и это положение вещей сохранялось вплоть до его смерти в 1935 году.

2 В иторе Szybka Kolej Miejska (SKM) — Городская скоростная железная дорога — была открыта в Варшаве в 2005 году.

Согласно одной из самых популярных историй, которые рассказывают про Варшаву 1950-х, Сталин спросил у лидера ПНР Болеслава Берута, что хотела бы польская столица в подарок от СССР — метро, микрорайон или небоскреб? Берут якобы ответил, что, мол, метро не нужно, а микрорайон мы построим сами. Так что сошлись на высотке. Но это — всего лишь ле-

лось с огромными трудностями и стало пресловутым бездонным колодезцем, поглощавшим деньги и стройматериалы, столь необходимые для восстановления Варшавы.

Работы были остановлены только после смерти Сталина. Сначала сократили строительство до испытательного участка, но в 1957 году забросили и его. В итоге было построено 17 шахт

Вторая линия Варшавского метро.

Источник: Unsplash

генда. Ведь в июле 1951 года, когда начинались переговоры по поводу Дворца культуры и науки, варшавское метро... уже строилось!

О начале строительства было объявлено в конце 1950 года. Предполагалось, что это — по примеру Москвы — будет метро глубокого заложения. Такое решение было принято советской стороной и передано на исполнение польскому руководству. Здешние инженеры понимали, что условия в столице Народной Польши существенно отличаются от московских. Варшавский грунт благоприятствует мелкому заложению. Но Сталину ведь не возразишь! Тем более глубокое метро предназначалось еще и для стратегического железнодорожного сообщения под Вислой на случай войны между Востоком и Западом. Строительство — как и предполагалось — столкну-

глубиной 40–60 метров и чуть более километра путевого туннеля на окраинах города. Созданную инфраструктуру из соображений безопасности залили водой, и эти конструкции по сей день находятся под варшавскими улицами. Они оказались совершенно бесполезными — не считая того, что часть туннеля, построенного столь дорогой ценой, какое-то время использовали в качестве склада для хранения импортного алкоголя. В последующие годы планы, касающиеся метро, актуализировали, но работы так и не возобновлялись: над проектом тяготел дорогостоящий провал 1950-х годов.

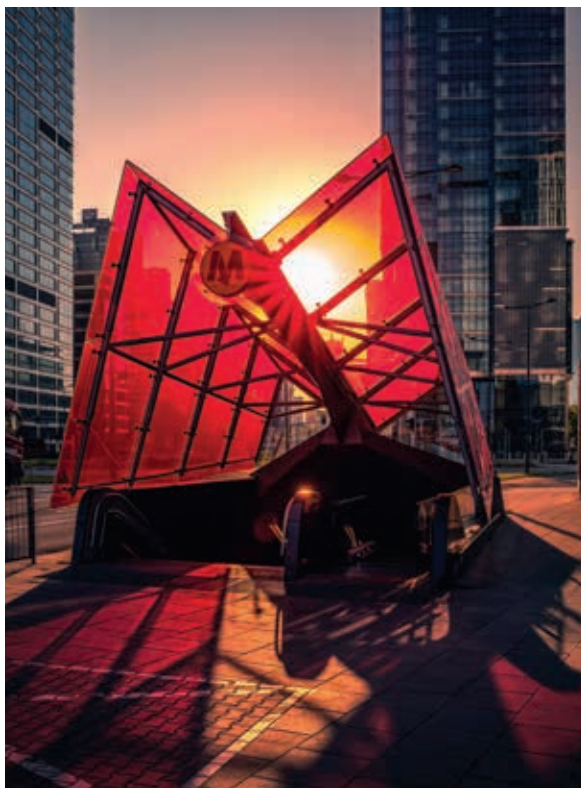
Имиджевый проект

В начале 1980-х экономическая ситуация для такого капитального строительства, как метро, каза-

лась исключительно неблагоприятной. Предыдущее десятилетие и инвестиционный бум команды Эдварда Герека закончились огромным ростом госдолга ПНР. К тому же в обществе начались выступления против коммунистической власти; зародилась «Солидарность». Краткий карнавал свободы жестоко завершился военным положением, которое генерал Войцех Ярузельский ввел 13 де-

Советский Союз обязался передать в дар 90 вагонов — то есть весь подвижной состав, необходимый для запуска метро.

Строительство началось в апреле 1983 года и первое время продвигалось довольно неплохо. Но все больше давал о себе знать государственный финансовый кризис. Денег стало не хватать, темпы работ замедлились. Замаячил призрак

Станции второй линии метро. Источник: Unsplash

кабря 1981 года. Коммунистам удалось удержаться у власти ценой потери имиджа.

Ярузельский решил представить военных, которые де-факто совершили государственный переворот, хорошими хозяйственниками. Поднять рейтинг новой власти должно было строительство метро, но с этим требовалась помощь. В марте 1982 года генерал встретился с Брежневым, которому якобы сказал: «Леонид Ильич, у вас есть возможность войти в историю Варшавы — и даже Польши, — если вы примете решение помочь в строительстве варшавского метро». Советский лидер, судя по всему, отреагировал положительно, и уже в июне того же года между ПНР и СССР было заключено соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве по прокладке Варшавского метрополитена. В частности,

повторения истории пятидесятых. Дата открытия первого участка, изначально запланированного на 1990 год, сдвигалась все дальше и дальше. Изыскивались все новые возможности экономии: отказ от ряда элементов дизайна, уменьшение количества лифтов и эскалаторов. Решено было даже отложить строительство двух станций в центре города («Площадь Конституции» и «Муранув» — они так до сих пор и не построены). Однако благодаря этому работы продолжались. Их не остановил даже демократический перелом 1989 года — метро было попросту необходимо. Правда, из обещанных еще Брежневым вагонов Варшава получила всего десять, но благодаря им удалось провести пробные поездки и обучить машинистов. Следующие составы покупались уже в обычном порядке — и не в СССР, а в России.

Варшава, 2019. Фото: Матеуш Влодарчик / Fotopix

И наконец...

Первый участок подземки протяженностью всего 11 километров (от станции «Кабаты» до «Политехники») был открыт в апреле 1995 года. Польская столица наконец — почти 80 лет спустя — дождалась воплощения мечты. Строительство продолжалось, открывались новые станции. В новой капиталистической реальности государство постепенно отказывалось от финансирования капитального строительства. Сейчас метро — это инвестиция варшавского муниципалитета, щедро субсидируемая из средств Европейского союза.

В 2008 году завершилось строительство первой линии — на 14 лет позже, чем предполагалось вначале. Со второй линией, соединяющей правый

берег Вислы с центром города, дело пошло уже намного быстрее: первая очередь из шести станций открылась в 2015 году. Осенью 2019-го добавились три следующие, а в апреле 2020-го — еще три. В середине марта 2021 года было объявлено о решении построить третью линию, первый отрезок которой соединит район Гоцлав с Национальным стадионом, и начале подготовительных работ. Также продолжается строительство очередных пяти станций второй линии, хотя сроки их открытия наверняка сдвинутся из-за пандемии коронавируса — так большая история снова влияет на малую историю Варшавского метро.

Перевод Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

КАТОВИЦЕ

Не только шахтерский город

Туристы, путешествующие по Польше, обычно предпочитают места, история которых восходит к Средневековью. Меж тем сравнительно молодые промышленные города, которые часто считают скучными и недостойными внимания, также скрывают много интересного. Рассказываем, какие открытия ждут вас в Катовице — самом крупном и известном городе Верхней Силезии.

Катажина Пилярская

Здание Национального симфонического оркестра Польского радио. Фото: Ирек Дорожанский / Forum

К сожалению, у большинства людей Катовице ассоциируется прежде всего со статусом столицы верхнесилезского промышленного округа. Но хотя уголь и по-прежнему действующие в Силезии шахты и фабрики — важная часть истории, от которой город не отрекается, ему есть что предложить гостям, кроме этого.

Для начала — пара слов о названии. Изначально это было немецкое Kattowitz, сейчас жители часто говорят просто «Като», а некоторое время город назывался... Сталиноград. Такое имя ему дали через два дня после смерти Сталина, 7 марта 1953 года: как утверждала государственная пропаганда — по инициативе самих горожан. Это, разумеется, было неправдой, но отменил решение только Владислав Гомулка после развенчания культа личности, в декабре 1956 года.

Дух музыки

Одна из самых узнаваемых построек Катовице — это, безусловно, «Блюдце» (Spodek). Его иногда еще называют гигантской соковыжималкой для цитрусовых — город даже запустил в продажу такой сувенир, — но вообще-то это огромный концертный зал, а также пространство для всякого рода ярмарок. В этом году «Блюдцу» исполняется 50 лет.

Концерты — важная часть жизни города: неслучайно Катовице удостоился титула Города музыки ЮНЕСКО. Уже много лет здесь проходят крупные фестивали: Tauron Nowa Muzyka, OFF Festiwal, Rawa Blues Festiwal и множество других.

Из Катовице родом многие известные музыканты, в том числе и одна из культовых польских хип-хоп групп — Paktofonika, известная, например,

Катажина Пилярская — более девяти лет была корреспонденткой и ведущей на Polskie Radio. Сейчас работает в Театральном институте им. Збигнева Рашиньского, где занимается организацией конкурса «Живая классика» и выступлений словацких театров в Польше.

такими хитами, как *Jestem Bogiem* и *Ulotne chwile*. Кроме того, именно в Катовице находится Национальный симфонический оркестр Польского радио (NOSPR). Его концертный зал считается одним из красивейших в Польше, а также входит в список десяти залов с самой лучшей акустикой в мире. Но прежде всего NOSPR — это огромный и замечательный музыкальный коллектив.

И что интересно: эти два, казалось бы, совершенно разных музыкальных мира однажды удалось объединить! На одном из очень запоминающихся выступлений в своем зале Национальный симфонический оркестр играл музыку улиц. Этот проект Милоша Борецкого и Радимира Дембского должен был продемонстрировать культурное разнообразие Силезии.

И еще о музыке. Именно Катовице стал вторым домом одного из самых выдающихся польских композиторов Войцеха Киляра. Он родился

во Львове, но именно в Катовице прожил большую часть своей жизни и здесь же был похоронен. Музыка, которую он писал к фильмам Анджея Вайды и Кшиштофа Занусси, — это, без сомнения, произведения, имеющие самостоятельную ценность.

Силезская идентичность

Войцех Киляр был также автором музыки к фильмам уроженца Катовице Казимежа Кутца, режиссера и сценариста, которого по праву считают одним из создателей польской киношколы. Регион играл важную роль в жизни и творчестве Кутца: недаром он называл Силезию «пятой стороной света». Кутц создал более 20 художественных фильмов, из которых шесть были посвящены судьбам Верхней Силезии. Особенно известной стала его трилогия: «Соль черной земли» (*Sól ziemi czarnej*), «Жемчужина в короне» (*Perła w koronie*) и «Бусинки одних четок» (*Paciorki jednego różańca*). Главный мотив

Район Никишовец. Фото: Войцех Вуйцик / Fotum

этих фильмов — идентичность силезцев и бунт, который поднимают шахтеры.

Сейчас сопоставимую роль в поддержании местной идентичности играет писатель Щепан Твардох, автор таких книг, как «Вечный Грюнвальд», «Драх» и «Король» (на основе последнего недавно был снят сериал для платформы Netflix).

Хотя Твардох родился не в самом Катовице, город играет важную роль в его романах. Кстати,

Во время первого фестиваля всемирно известная художница Агата Олек, прославившаяся созданием вязаной одежды для быка с Уолл-стрит, «одела» экскаваторы в Катовице. Это символизировало перемены, которые в то время происходили с городом.

Ведь с начала 2000-х и буквально до недавних пор центр Катовице был похож на гигантскую строительную площадку. Люди привыкли к этому

«Одетые» экскаваторы, фестиваль Katowice Street Art. Фото: Мацей Яжембиньский / Forum

в них можно найти и примеры силезского диалекта: это очень важная часть местной идентичности. Его до сих можно услышать на улицах, а в течение долгих лет на диалекте, например, объявляли остановки в катовицких трамваях.

Культурное пространство

Сами катовицкие улицы, можно сказать, полны культуры. В рамках фестиваля Katowice Street Art, который местные власти организуют начиная с 2012 года, в городском пространстве возникло уже несколько десятков муралов и инсталляций. В 2021 году, по случаю столетия со дня рождения Станислава Лема, в рамках фестиваля возникли два взаимодополняющих мурала: один в Катовице, а второй во Львове, на родине писателя.

и в некотором смысле смирились: например, рыночная площадь в городе так долго была в реконструкции, что стала для горожан каким-то абстрактным понятием. Только недавно она открылась снова, и хотя катовицкий Рынок совсем не похож на то, что называется этим словом в польских городах со средневековой историей, там теперь по крайней мере можно погулять и посидеть на лавочках.

А еще власти города специально создали улицу для молодежного отдыха. Ею стала Мариакская: там работают несколько десятков баров и ресторанов. Одно из первых возникших на этой улице заведений — культовый бар Kato. Неподалеку находится старое здание вокзала: его отреставрировали, и теперь в нем тоже расположены многочисленные кафешки.

Город горняков

Хотя об архитектуре Катовице (в отличие от музыки и стрит-арта) говорят редко, столица Верхней Силезии скрывает множество настоящих архитектурных жемчужин.

В первую очередь расскажем о месте, которое объединило историю и современность: это Силезский музей, появившийся на месте бывшей шахты «Катовице». При постройке нового здания музея приоритетом были ревитализация постпромышленной территории закрывшегося предприятия и сохранение как можно большего количества элементов, которые бы о нем напоминали. Именно это — в сочетании с современной экспозицией, рассказывающей о бурной истории региона, — производит особенно сильное впечатление на посетителей. Территория вокруг здания музея раньше тоже относилась к шахте — теперь это современное

пространство, где можно найти открытую сцену в древнегреческом стиле, отреставрированные объекты бывшей шахты, а также много зелени и бесчисленные кафе.

Историю Силезии невозможно рассказать в нескольких предложениях, поэтому упомянем только о том событии, которое непосредственно связано с шахтой — правда, не той, где сейчас расположен музей, а другой.

В 1981 году горняки шахты «Вуек» объявили забастовку против введения военного положения. В августе 1980 года лидер «Солидарности» Лех Валенса заявил, что у рабочих есть право на протест; при подписании августовских соглашений власти признали это, разрешив создание независимых профсоюзов, и какое-то время казалось, что эти слова имеют вес. Но введение военного положения 13 декабря и события на катовицкой шахте показали, что это не так.

Силезский музей на месте бывшей шахты «Катовице». Фото: Войцех Крыньский / Forum

Забастовка на «Вуеке» была жестоко подавлена властями; погибло девять человек. Это стало одним из самых трагических событий в истории Польской Народной Республики.

События в Катовице были увековечены в песне *Idą pancerz na Wujek* («Идут танки на “Вуек”»). Текст Мацея Беняша был написан и стал известен в течение нескольких дней после тех кровавых событий. Музыку к нему сочинил рабочий из Гдыни — Толек Филипковский.

Кукурузы в Микрорайоне тысячелетия.

Фото: Марек Кувак / Forum

Еще один пример неразделимой связи культуры Силезии с горняками — это исторический микрорайон Никишовец, где по сей день в Бабурку, то есть на день шахтера (4 декабря), жителей будит горняцкий оркестр. Это место — настоящая туристическая достопримечательность, в 2011 году оно даже получило статус исторического памятника. Дома в Никишовце построены из красного кирпича, с характерным обрамлением окон; там нашлось место для крытого рынка в виде аркад и для храма, и вообще весь микрорайон выглядит очень продуманным и гармоничным.

Но вместе с тем он по-прежнему выполняет свои непосредственные функции. Никишо-

вец был построен для горняков, работающих на близлежащей шахте, и они до сих пор живут в микрорайоне вместе с семьями. Несмотря на все перемены, произошедшие в городе, это место остается воплощением живой традиции шахтерского дела — того, без чего невозможно представить себе Катовице.

Необычные жилые дома

Впрочем, Никишовец — не единственный интересный микрорайон в городе. Стоит, например, обратить внимание на Микрорайон звезды (*Osiedle Gwiazdy*), который обязан своим названием форме домов, а также на так называемые Кукурузы и Сверхъединицу.

Кукурузы (*Kukurydze*) — самые высокие жилые здания в городе. Их ни с чем не перепутать: благодаря закругленным балконам они действительно похожи на кукурузные початки. Создатели многоэтажек, архитекторы Хенрик Бушко и Александр Франта, вдохновлялись примером башен-близнецов Марина-Сити в Чикаго. Катовицкие высотки — часть Микрорайона тысячелетия, в котором живет 20–25 тысяч человек.

Если Кукурузы выделяются своей высотой, то Сверхъединица (*Superjednostka*) — это жилой дом огромной длины, одно из самых больших зданий такого рода в Польше. Она находится в самом центре города, напротив «Блюдца», и имеет статус отдельного микрорайона. В 1960-е архитектор Мечислав Круль спроектировал это здание как одно из самых современных для тех лет, опираясь на проекты Ле Корбюзье. Отсюда, например, идея, поставить здание на железобетонных «ногах» — это придает ему некоторую легкость. Впрочем, изначальный проект Круля в процессе строительства был несколько изменен. Сверхъединица может похвастаться некоторыми интересными особенностями — например, лифты в ней останавливаются не на каждом этаже, а только на каждом третьем.

Но, конечно, архитектурные достопримечательности Катовице — это не только постройки второй половины XX века. Например, в центре города есть целый Маршрут модерна: на протяжении пяти километров расположены 17 зданий уникальной довоенной архитектуры в стиле модерн, благодаря которым Катовице называют польским Чикаго. Характерные большие, иногда круглые окна, округлые балконы и фасады — такого не найти ни в одном другом городе Польши. Все здания на Маршруте отличают простота, минимализм и большое количество стекла — это сделано, чтобы внутрь попадало как можно больше све-

та. В одном из них располагается Польское радио, в другом сидят городские власти, но некоторые — просто жилые дома.

Зеленый Катовице

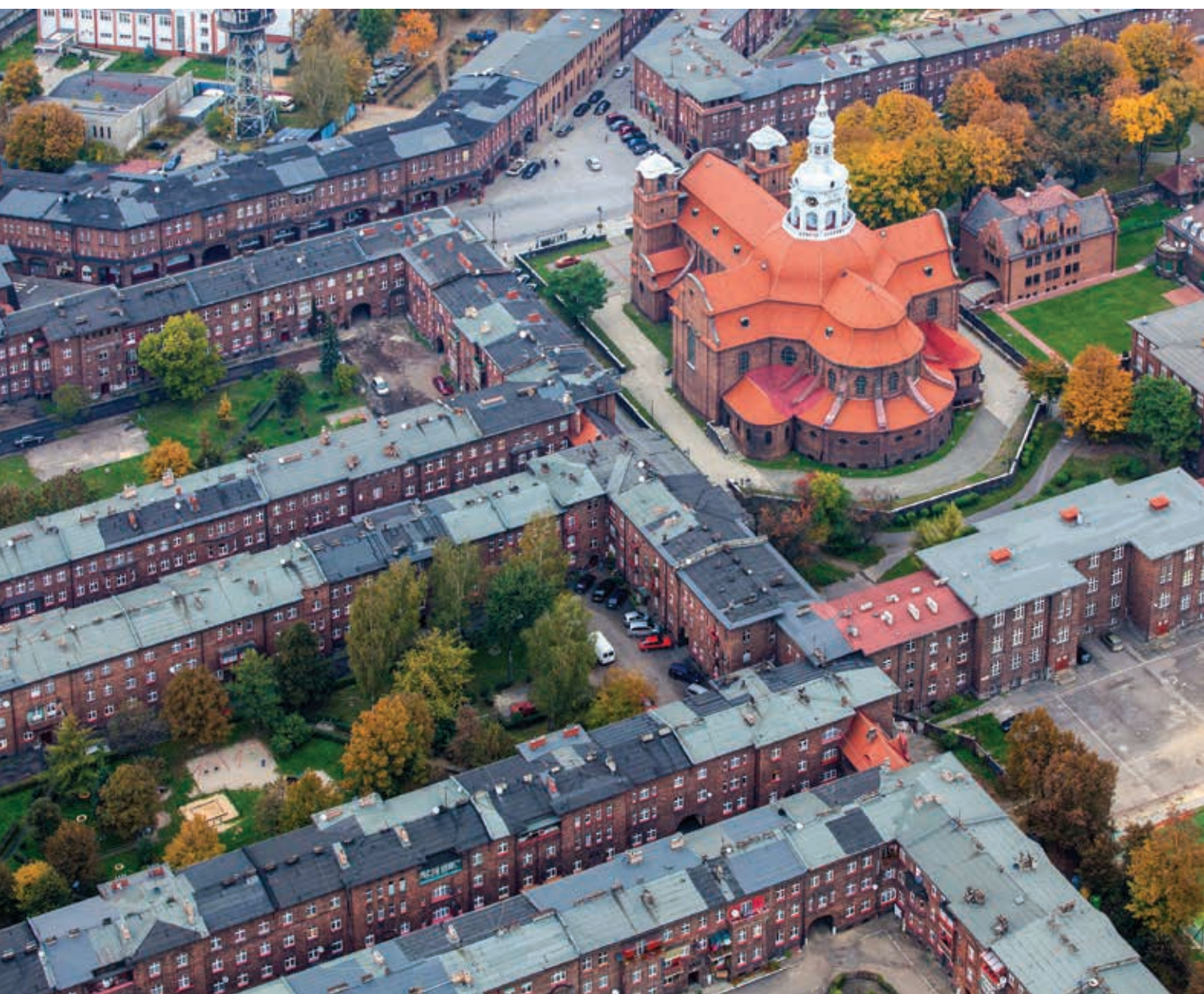
Стоит отметить еще одну особенность Катовице. Несмотря на то, что это промышленный город, изобилующий фабриками, шахтами и разнообразием архитектурных стилей, он вместе с тем остается одним из самых зеленых в Польше — недаром его называют городом садов! Леса занимают 42 процента поверхности города. Одно из любимых мест как местных жителей, так и туристов — это Долина трех прудов (Dolina Trzech Stawów).

Кроме леса, в котором можно найти редкие виды животных и растений, там есть множество водоемов, велодорожки и площадки для игры в пляжный волейбол.

Катовице долго боролся за то, чтобы в нем увидели нечто большее, чем дым из заводских труб. Конечно, шахты — важная часть прошлого и настоящего города и даже туристическая достопримечательность, поэтому было бы сложно совсем не обращать на них внимания. Но, надеюсь, мне удалось убедить вас, что это не единственное, чем интересен Катовице.

Перевод Валентины Чубаровой

Панорама Никишовца. Фото: Войцех Вуйцик / Forum

ЗДЗИСЛАВ БЕКСИНСКИЙ Самое мрачное творчество

Татьяна Кучинская

Сегодня Здзислав Бексиньский — один из самых известных в мире польских художников. Однако долгое время его имя не знали даже в Польше. Почему так было и что изменилось? О судьбе художника, легендах, окружавших его семью, а также о его работах Татьяна Кучинская поговорила с популяризатором культуры и куратором выставки «Бексиньский в Варшаве» Камилем Сливиньским.

Татьяна Кучинская: Почему вы решили заняться популяризацией творчества Здзислава Бексиньского?

Камиль Сливиньский: Мне давно нравились его работы. В 2014 году я познакомился с парижским коллекционером Бексиньского Петром Дмоховским. Это была знаковая встреча, которая утвердила меня в желании популяризовать художника. Тогда его имя было хорошо известно только людям, занимающимся и интересующимся изобразительным искусством. Хотелось как-то это изменить. Бексиньский ведь был уникальным художником, очень работоспособным — оставил после себя полторы тысячи картин, множество рисунков, несколько десятков скульптур, авангардные фотографии. Я решил создать в соцсетях страницы, посвященные Бексиньскому, поскольку никто до тех пор не сделал этого профессионально.

ТК: Вы — профессиональный маркетолог?

КС: Да. Я много работал в корпорациях, знаю, как заниматься продвижением. Возможно, поэтому все получилось. С тех пор прошло почти восемь лет, и сейчас сообщества о Бексиньском огромные — в фейсбуке около полумиллиона подписчиков, в инстаграме 265 тысяч, несколько тысяч в твиттере. Большой интерес к личности художника также привлекли книга Магдалены Гжебалковской «Бексиньские. Двойной портрет» и фильм «Последняя семья», в котором художника сыграл выдающийся актер Анджей Северин.

Камиль Сливиньский на выставке.

Фото: Юрий Друг / Новая Польша

ТК: В чем уникальность Бексиньского?

КС: Он один из самых ярких художников Польши. Когда Бексиньский начинал, почти никто не работал в таком жанре. Было несколько художников-сюрреалистов, но их творчество не столь «поехавшее» — в хорошем смысле, — как его.

Бексиньский был самобытным. Он не получил художественного образования. Не состоял в Союзе польских художников. Его не переваривали критики. Он даже на открытие своих выставок не приходил. Очень редко давал интервью. И, несмотря на это, в 1970-е годы его работы очень хорошо продавались. Он был сам по себе, но при этом имел все.

ТК: Наверное, Бексиньский наряду с Матейко сейчас самый популярный в мире польский художник?

КС: Мне кажется, да. В последние годы издавались книги, проходили выставки, снимались художе-

ственные и документальные фильмы. Думаю, что и моя работа этому способствует, потому что у нас в соцсетях миллионные охваты.

Думаю, если остановить прохожего в Польше и попросить назвать самых известных наших художников, скорее всего прозвучат имена Яна Матейко и Здзислава Бексиньского, — особенно если спрашивать молодое поколение. Его творчество постапокалиптическое, безрадостное, но людей это притягивает.

ТК: Да, работы Бексиньского — мрачные и зловещие. Каким он был человеком?

КС: Ходили легенды, что семья Бексиньских проклята, что его сын Томаш, постоянно носивший черную накидку с капюшоном, спит в гробу. Но это были всего лишь сплетни, которые появились из-за того, что их семья жила довольно уединенно. На самом деле Здзислав был очень позитивным и жизнерадостным — не таким, как его картины.

Он был приятным человеком, умным, начитанным. Любил музыку: в молодости слушал рок, под конец жизни увлекался классикой. Невероятно креативный — пробовал себя в фотографии, рисунке, гелиографии, гелиотипии, авангардной скульптуре, в поздние годы — в компьютерной графике. Бексиньский искал выход своему творческому потенциалу в разных формах и при этом вел себя как обычный человек. Некоторые художники ведь эксцентричны, любят появляться на публике, ярко одеваться, хотят быть на обложках журналов. Бексиньский же был интровертом, перфекционистом, предпочитал сидеть дома, творить в своем маленьком мире.

ТК: О чем он писал в дневниках?

КС: Он описывал всё, оставил четыре тысячи страниц дневников. Подробно писал о том, как проснулся и какая погода за окном, о своих занятиях, перечислял, кто к нему приходил.

В 1987 году он купил камеру и до самой смерти жены снимал все вокруг. Например, работал, затем вставал и начинал снимать: день такой, время такое, картина такая-то, не уверен, что закончил, буду еще дорабатывать. Он был одержим творчеством. Снял даже похороны тещи и смерть жены Зофьи. Об этих фактах, кстати, не принято рассказывать.

Бексиньский оставил после себя триста часов видеозаписей, которые завещал историческому музею в своем родном городе Санок.

ТК: Вы упомянули Санок. Почему в 70-х художник переехал в Варшаву?

КС: В 70-х власти Санoka готовились к визиту высокопоставленных представителей властей. Дом Бексиньских стоял на одной из центральных улиц, и из-за его ветхости вышел приказ о сносе. Здзислав подумал, что это шанс сбежать из родных мест. Санок — маленький город на юго-востоке Польши, в то время художник там не мог даже купить материалы для работы. Бексиньский решил, что это возможность переехать в большой город, и вся семья — Здзислав, его жена Зофья, сын Томаш, мать и теща — переехала в Варшаву. На полученную от властей Санoka компенсацию за дом они купили квартиру, а позже приобрели отдельное жилье для сына.

ТК: Кем были предки Бексиньского?

КС: Его прадед открыл в Санoke кузнечный цех, который с годами преобразовался в завод по производству автобусов Autosan. Дед Бексиньского был городским архитектором и проектировал много зданий. Рыночная площадь, ратуша и другие важные объекты созданы по проектам его деда. Отец Здзислава был уважаемым инженером-геодезистом и присяжным землемером.

В Санoke Бексиньскому приходилось нелегко. В дневниках он писал, что в него все тыкали пальцем: мол, посмотри, какими выдающимися людьми были твой прадед, дед и отец, а ты только рисуешь. Слава Бексиньских в Санoke ему мешала, он хотел от нее сбежать. В Варшаве ему нравилось то, что там его никто не знал.

ТК: Что он говорил о своих картинах?

КС: Практически ничего. Он очень редко комментировал свои работы, даже не давал им названий.

Татьяна Кучинская — журналистка «Новой Польши». Публиковалась в АБН, Burning Hut и др.

Здзислав Бексиньский. Без названия, 1976. Источник: Исторический музей в Саноке

Здзислав Бексиньский. Без названия, 2002. Источник: Исторический музей в Саноке

В дневниках писал, что его картины надо показывать без описаний и без дат. Бексиньский с самого начала целенаправленно избегал создания какого-либо контекста для своих произведений, в том числе в разговорах с близкими. Например, крест в его картинах не связан с религией, а гробы и кости — не отсылка ко временам войны. Он хотел оставить зрителям пространство для фантазии. Кстати, однажды у него спросили об изображении крестов. Он сказал, что в Польше кресты встречаются через каждые сто–двести метров, и странно, если их не будет на картинах.

ТК: Правда ли, что он сжег самые личные работы перед отъездом из Санoka?

КС: Да. Он даже сфотографировал процесс. Пригласил друзей в сад своего дома, сложил работы и поджег их. Только это были не самые личные, а самые слабые картины. Лучшие картины Бексиньские забрали в Варшаву, но они не могли увезти все, потому что квартира в столице была гораздо меньше дома в Санокe.

ТК: Какие художники повлияли на творчество Бексиньского?

КС: Он писал, что не искал вдохновения извне. Бексиньский не ходил в музеи и не вдохновлялся картинами других художников, хотя и любил творчество Александра Герымского и Артура Гротгера. В его работах мы видим мир, созданный воображением с нуля.

ТК: Бексиньский увлекался эротикой, садомазохизмом?

КС: В 50-х годах Бексиньский сделал очень много авангардных эротических фотографий своей жены. Они до сих пор высоко ценятся, некоторые считают, что фотограф он более талантливый, чем художник. А в то время, когда Бексиньский работал в конструкторском бюро завода Autosan, он делал рисунки с эротическими сценами и раздавал своим коллегам. Затем Здзислав увлекся садомазохистскими рисунками, а под конец жизни писал, что интересуется порнографией.

ТК: Каким образом работы Бексиньского попали в музей Варшавской архиепархии?

КС: В 1990-х Петр Дмоховский искал церковное учреждение для организации выставки Бексиньского. Согласился музей Варшавской архиепархии. Здзислав был поражен. Он не представлял, что его работы можно показывать в музее при храме. На открытии выставки присутствовал даже примас Польши. Он назвал Бексиньского религи-

озным художником — ведь тот рисует много крестов. В музее до сих пор выставлено 27 произведений Бексиньского, и это единственная постоянная экспозиция в Варшаве. Интересно, что всю свою жизнь Бексиньский дистанцировался от церкви, не считал себя верующим, не ходил на мессы.

ТК: Что он говорил о политике, о выходе Польши из социалистического блока?

КС: Бексиньский не интересовался политикой. Он много читал, в том числе журнал *Polityka*, но не участвовал в политических дискуссиях, не высказывался публично. Сегодня кажется, что он был на стороне «Солидарности», но конкретных подтверждений этому нет. Когда они с женой путешествовали по Польше, он часто снимал на камеру плакаты легендарного профсоюза, благодаря которому Польша обрела независимость.

ТК: Каким человеком была его жена?

КС: Их пара подтверждает идею, что за выдающимся мужчиной всегда стоит сильная женщина. Зофья — именно такая. У Здзислава не было водительских прав — она водила машину. Он не курил — она курила. Он боялся пауков, не занимался мужскими делами — за все отвечала жена.

ТК: Что Бексиньский говорил о сыне?

КС: Он очень много о нем и говорил, и писал. Они с женой понимали, что у Томека серьезные проблемы, понимали их первопричину. Томек очень любил Санок и не хотел переезжать. Там он чувствовал себя хорошо, а в Варшаве начались проблемы. Сейчас говорят, что у него был синдром Аспергера.

Он не смог адаптироваться. Поехал на учебу в Катовице — вернулся. Встречался со многими женщинами, но не смог найти близкого человека. Пять раз пробовал покончить с собой — пока Здзислав не сказал ему твердо: «Пока жива твоя мать, даже не пытайся».

Это была жизнь на пороховой бочке — в любой момент могла произойти катастрофа. Бексиньские жили на улице Сонаты, а сыну купили квартиру на улице Моцарта, чтобы их окна выходили на окна Томаша. Здзислав многократно писал в дневниках: «Иду к окну и проверяю, горит ли свет у Томаша. Если не горит, значит, что-то не так». Тогда Зофья или Здзислав шли узнавать, что случилось.

Бексиньский оставил очень личные видеозаписи — его ссоры с Томашем, ссоры Зофьи с Томашем. Во время них звучали такие слова: «Томек, если бы не твои проблемы, наша жизнь выглядела бы иначе. Мы могли бы переехать за границу, но вынуждены заниматься тобой».

В музее в Саноке есть картина, на которой изображен улетающий шар с надписью Nevermore и два волка, которые на него смотрят. Здзислав говорил, что вдохновлялся стихотворением Эдгара Аллана По «Ворон» — любимым стихотворением Томаша. Поднимающийся ввысь шар с надписью «Никогда больше» символизирует сына Бексиньских и его попытки самоубийств. Волки — фигуры отца и матери, они следят за своим ребенком, который не справляется с жизнью.

ТК: В 1998 году Зофья умерла. Как это повлияло на Бексиньского?

КС: Бексиньский остался один в квартире. После смерти жены его мир начал рушиться. Не стало сына Томаша — свою последнюю, успешную попытку самоубийства он совершил через год после смерти матери. Даже быт представлял для Бексиньского проблему, поэтому он взял на работу помощников по дому — семейную пару. В 2005 году сын этих людей убил художника. Нанес 17 ножевых ранений за то, что тот отказался одолжить ему деньги.

ТК: Какие картины Бексиньского можно назвать главными?

КС: Очень сложно сказать, ведь он создал много работ. Самые удачные не продавал, а передавал музею в Саноке — и при жизни, и в завещании.

Он очень любил свою работу с волками и летящим шаром, о которой я рассказывал. Еще одна — картина, написанная после лекции о книге про Катынское преступление. Встреча произвела на него сильное впечатление. Картина мрачная, выдержанная в оранжевых, зеленых и желтых тонах, на ней изображены солдаты в касках.

ТК: Как творчество Бексиньского повлияло на культуру?

КС: Сейчас настоящий бум художников, в чьих работах заметно влияние Бексиньского. Некоторые просто копируют его мотивы, и их картины хорошо продаются. На рынке мало работ Бексиньского, а цены на них высокие. Например, недавно на аукционе его полотно продали почти за 100 тысяч долларов.

Его работы любят и создатели компьютерных игр. The Medium, Scorn — это игры, сделанные в стилистике художника. Кроме того, он оказал большое влияние на искусство татуировки: существует целая школа мрачных тату. Причем сам Бексиньский не любил татуировки, ему не нравилось, что мотивы его картин переносят на кожу.

ТК: Правда ли, что среди поклонников Бексиньского много известных людей не только в Польше?

КС: Да. Творчество Бексиньского вдохновляет всемирно известного художника Майлза Джонстона, гитариста группы Tool Адама Джонса, который создает обложки для альбомов своей группы.

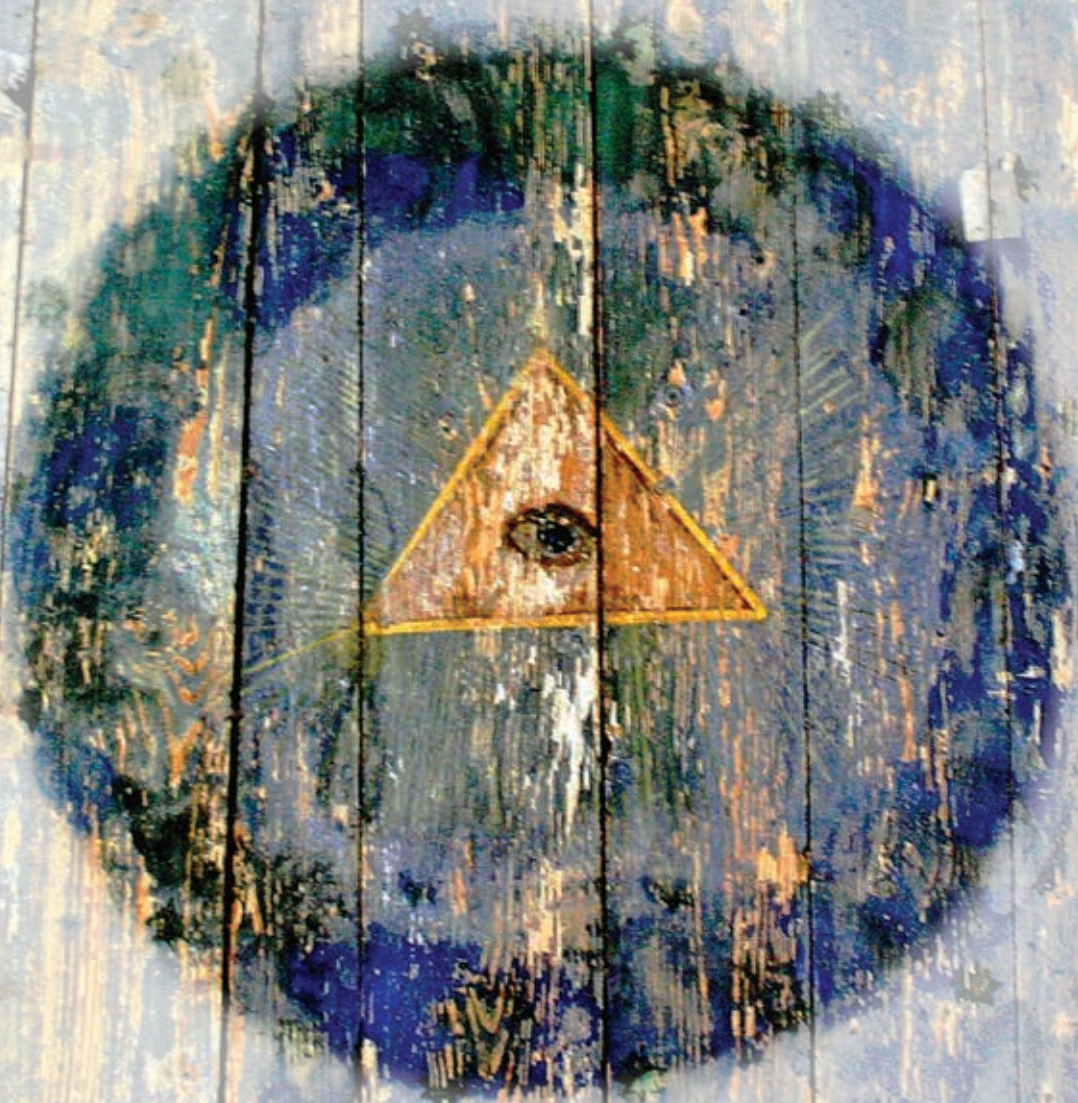
А однажды мне написал Мэрилин Мэнсон. Он рассказал, что среди его предков есть поляки, что он большой фанат Бексиньского. Со мной связывался также менеджер оскароносного режиссера Гильермо дель Торо. Сообщил, что в коллекции дель Торо есть две картины и пять рисунков Бексиньского, что у него лежит готовый сценарий, созданный по мотивам его работ. Кто знает, может, в ближайшем будущем мы услышим, что дель Торо начинает работу над фильмом, который будет создан в мрачной атмосфере мира Бексиньского.

Здзислав Бексиньский. Без названия, 1976. Источник: Исторический музей в Санок

Следами забытых церквей

Фотопутешествие по заброшенным
греко-католическим храмам Польши.

Петр Дурак

Окончание Второй мировой войны, изменение границ и переселения коренного населения привели к тому, что на территории современной Польши осталось несколько сотен заброшенных греко-католических церквей.

Многие из них перешли под юрисдикцию Римско-католической церкви — в большинстве случаев перед этим здания перестраивали: убрали купола, разбирали царские врата, разделяли иконостасы, оставляя для культовых целей лишь отдельные иконы. Немало таких церквей-костелов действует до сих пор, но многие храмы выполняли свою роль лишь в течение какого-то времени (одни лет 15, другие — 40–50), пока не были построены новые — большие и современные, — а потом оказывались заброшены.

Другие церкви после 1947 года были разграблены коммунистами и местным населением. Их лишали внутреннего убранства и превращали в сельские клубы, склады удобрений или корма для Государственных сельскохозяйственных предприятий¹, курятники, сараи, мастерские, гаражи и даже в одном случае — в общественный туалет для клиентов местного магазина.

До сих пор неизвестно, что стало с внутренним убранством большинства этих церквей. Небольшая его часть сохранилась в музеях в Санокке, Любачуве и Ланьцуте, но это лишь малая доля того, что было.

Некоторые церкви были попросту разобраны — развалены тракторами и бульдозерами. Еще и сейчас в Бещадах или на Подгуже можно найти людей, которые гордятся своим участием в ликвидации церквей и за бутылку водки охотно расскажут о своей «работе» — о том, за какую балку надо было зацепить крюки и в какую сторону рвануть трактором, чтобы церковь сама «сложилась» внутрь, о том, что иконы горят темно-розовым пламенем и их дым может быть вреден для легких... Стоит еще помнить, что в те времена покрытие куполов, балки и кирпичи были для многих на вес золота.

Красота в разрухе

Больше десяти лет назад я поставил себе трудную задачу: добраться до всех этих заброшенных, разрушенных церквей в Польше. Выяснилось, что их осталось больше семидесяти. В этих руинах я нашел спокойствие духа, а еще — красоту, которая появляется на грани сакрального и профанного.

Первой моей поездкой к разрушенным церквям было трехдневное путешествие в одиночестве на велосипеде в районе Перемышльского подгужа² в июне 2009 года. Тогда я побывал в нескольких деревнях — Бабице, Хыжинка, Котув, Красице, Кшивча — и видел тамошние церкви... Я мало знал об этих местах, только то, что их жители были насильственно переселены. Знание пришло потом.

Но сперва было откровение. В заброшенных церквях я почувствовал большую силу веры, чем в большинстве действующих храмов, в которых мне приходилось бывать. Эти церкви построили люди, у которых было очень немного и которые жили только трудом собственных рук. Они возводили храмы не корысти ради, а из истинной любви к Создателю, и отголосок этой любви остался в строениях до сих пор.

Сам процесс поиска этих заброшенных храмов и доезда до них можно бы было описать в отдельной книге. С постройками же дело обстоит по-разному.

Одни открыты для любого желающего: это развалины или здания без окон и дверей, куда может легко попасть и человек, и животное. Другие — закрытые церкви, ключ от которых хранится «где-то в деревне», или у солтыса (сельского старосты), или у священника в приходском доме при новом храме; люди реагируют доброжелательно и охотно одалживают ключ, а иногда и составят компанию при фотографировании.

И, наконец, третий тип — это абсолютно недоступные церкви.

Петр Дурак — полонист, преподаватель, писатель, фотограф и путешественник. Проплыл на надувной лодке десять самых длинных польских рек, побывал в более чем 80 заброшенных шахтах и в нескольких сотнях заброшенных мест на территории всей Европы.

1 Państwowe Gospodarstwo Rolne (PGR) — польский аналог совхоза.

2 Географический регион в Подкарпатском воеводстве.

Церковь Успения Богородицы в Бабице

Это деревянный храм, построенный на месте другого, также деревянного, в 1838 или 1840 году и обновленный в 1889-1890 годах. Из-за небольшого числа прихожан он был филиальной церковью греко-католического прихода в Скопуне. С 1947 года, после переселения жителей, храм стал разрушаться. В 1970 году уцелевшие иконы, имеющие историческую ценность, перенесены в Национальный музей Перемышльской земли (Muzeum Narodowe Ziemi Przemyskiej), где они находятся по сей день.

и вместо окон. Местные жители рассказывали, что в церкви часто проводили время здешние пьяницы и старшекласники. Наконец в очередной раз, в 2012 году, я обнаружил, что на церковных дверях висит новый замок, а где ключ — никто не знает. Меня отправляли то к солтысу, то в администрацию гмины, то еще куда-то, пока один из соседей не одолжил мне лестницу, чтобы я мог взлезть внутрь через окно.

Позднее новый замок кто-то сорвал, и церковь оставалась открытой до весны 2016 года, когда, после вмешательства в дело равнодушных

Церковь Успения Богородицы в Бабице.

Фото: Петр Дурак

Само здание церкви — старейший деревянный объект на территории гмины Кшивча. Местные жители говорят, что сперва из церкви пропали элементы внутреннего убранства — небольшие иконы, подсвечники, — потом декоративные элементы и царские врата, потом кто-то прибрал к рукам покрытие единственного церковного купола, остов которого после этого стал напоминать печную трубу. Пробовали также оторвать покрытие с самой крыши, но это не удалось. Крыша ржавела, в ней появилась первая дыра — сейчас их уже три.

Странной была судьба этого объекта в течение тех последних 10 лет, что я был частым гостем в Бабице (Babice). Чаще всего я заставал боковые двери распахнутыми настежь. Росписей немного, пустота на месте иконостаса, дыры в крыше

жителей гмины и подкарпатских СМИ, к ней закрыли доступ. Кое-как залатали дырки в крыше, оконные проемы забили досками, двери закрыли. На ремонт бывшего храма денег по-прежнему нет.

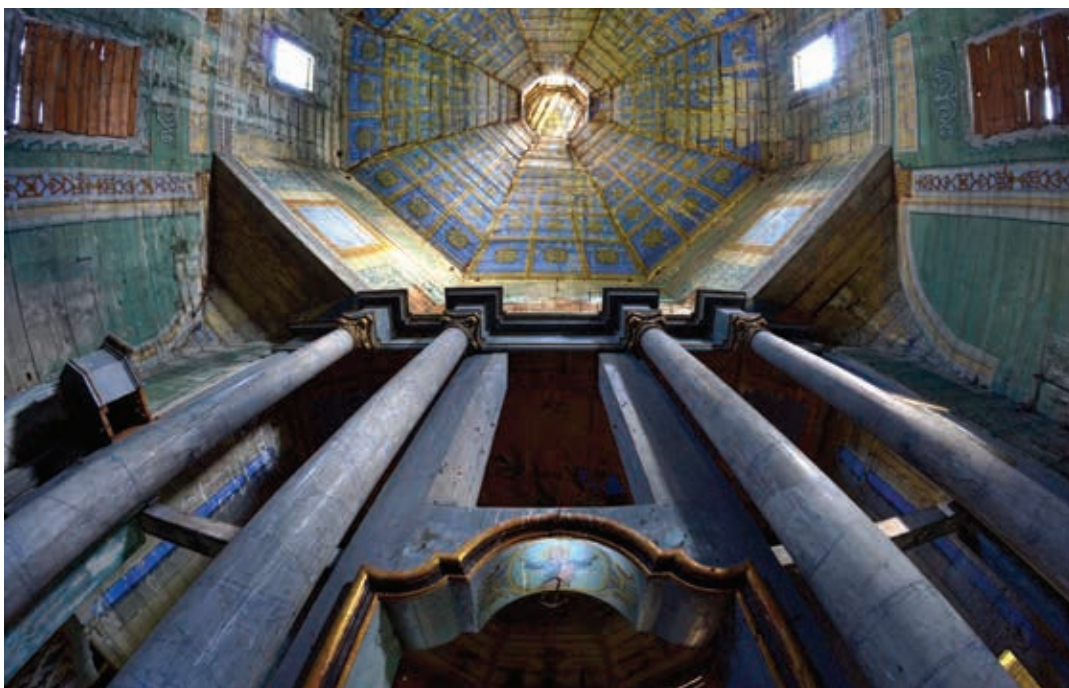
Церковь Святого Димитрия в Цевкуве

Этот храм был построен в 1842 году, а на рубеже XIX–XX веков его изнутри покрыли полихромией. После Второй мировой войны церковь перешла в государственную собственность и из-за отсутствия должного ухода быстро стала разрушаться. Внутреннее убранство, в первую очередь иконы XVI–XVIII веков, сохранилось в музеях — в Саночке и в Кракове, в Фонде Святого Владимира. Колокольная, поставленная возле храма в 1890 году, была разобрана в 1987-м.

Рядом со зданием церкви, обращенным на восток, находится футбольное поле (раньше на его месте было кладбище), за которым протекает здешняя речушка. Мы с друзьями приезжали в Цевкув (Cewków) несколько раз, начиная с 2010 года, и каждый раз заставляли церковь во все более разрушенном состоянии. Боковые двери были незаперты, только прикрыты, и любой мог войти внутрь — а если не через двери, то через другое отверстие: большое квадратное окно в бабинце³, а точнее, оставшуюся от него дыру. В этом храме мне особенно запомнились

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Хотыльбе

Этот деревянный храм, построенный в 1886–1888 годах, после выселения украинцев в 1947 году стал использоваться как филиальный храм прихода Покрова Пресвятой Богородицы в Цешанове. На рубеже 1960–1970-х годов его отремонтировали, а в 1986 году к бабинцу пристроили непропорционально большой притвор. С тех пор как в 2001 году был построен новый каменный храм, церковь стоит закрытая. Внутри сохранилось убранство XVII–XIX веков, в том числе иконостас.

Церковь Святого Димитрия в Цевкуве.

Фото: Петр Дурак

прекрасная бледно-голубая внутренняя роспись, амвон и впечатляющая стена из-под иконостаса, а еще — перья и сено на полу.

После того как из церкви вынесли внутреннее убранство, в ней стали гнездиться голуби; еще, похоже, кто-то держал там кур и других животных. Многочисленные следы их пребывания мы могли наблюдать на скамьях и настиле.

В 2015 году в церкви сделали небольшой ремонт: разгребли заваленный притвор, заново покрыли дырявую крышу. Есть и планы основательной реставрации храма, но воплотятся ли они в жизнь — неизвестно.

³ Бабинiec — один из притворов храма, где во время службы могли стоять женщины.

Войти в церковь в Хотыльбе (Chotylub) каждый раз было проблематично. Ключи хранятся у одного из местных жителей, чья семья когда-то помогала при храме. Священник, уходя из храма, запретил пускать туда туристов. Чтобы попасть внутрь, приходится приводить разные аргументы, и обычно самым убедительным оказывается юридический — что это якобы необходимо для подготовки ремонтной документации. Но, надо сказать, контраргументы у хранителя ключа тоже солидные: когда-то туристы уже украли отсюда подсвечник и иконы. Надо сохранить то, что осталось.

С тех пор как здание было закрыто, там нет отопления и не делался ремонт, поэтому состояние внутреннего убранства — все более и более

катастрофическое. Я фотографировал его ноябрьским утром, а за окнами лил сильнейший ливень. По стеклам и жестяной крыше барабанил осенний дождь. Впрочем, несколько лет спустя, в 2015 году, ржавую крышу покрыли серебряной краской.

Капля в море

Это лишь три примера из всех найденных мной в Польше разрушенных церквей. Я застал последние годы, когда можно было показать на фотографиях, как выглядят эти храмы, еще не трону-

пример, в Лукавце (Łukawiec)? Или же кто-то придумает, что с ними делать?

Заброшенные церкви исчезают и другим путем. Например, храм в Опаке (Орака), признанный памятником архитектуры, был подожжен и сгорел дотла в 2003 году — я не успел его сфотографировать. Церковь в Лежахуве (Leżachów), тоже признанный памятник, была разобрана — вроде бы ее собираются восстановить, но нет денег. Остатки деревянного храма в Тенятысках (Teniątyśka) разобрали и превратили в кучу гниющих балок.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Хотылюбье.

Фото: Петр Дурак

тые ремонтом. Заброшенные церкви постепенно исчезают из польских пейзажей. Благодаря средствам, которые выделяет ЕС, возрождаются храмы в Хыжинке (Chyrzynka), Цешануве (Cieszanów), Нароле (Narol), Нове-Брусно (Nowe Brusno), Котуве (Kotów), Пьентковой (Piątkowa) и Жерница-Выжной (Żernica Wyżna). Будут ли они снова постепенно ветшать, поскольку некому озаботиться их дальнейшей судьбой, как это происходит, на-

От руин церквей в Хульске (Hulskie), Мацковице (Maćkowice) или Уйковице (Ujkowice) скоро, наверное, не останется и следа.

Я могу лишь надеяться, что мои путешествия и фотоработы помогут другим людям открыть красоту этих заброшенных храмов и не позволят им окончательно исчезнуть.

Перевод Валентины Чубаровой

Театр как рок-н-ролл

Юрий Муравицкий

Театральный режиссер и драматург,
преподаватель Театрального института
имени Бориса Щукина. С 2013
по 2020 год — художественный
руководитель независимого Театра «18+»,
с 2014-го — куратор актерской
лаборатории в Московской школе нового
кино, сотрудничал с Театром.doc.

Юрий Муравицкий.

Фото: Юрий Друг / CPRDiP

Российский режиссер,
лауреат театральной премии
«Золотая маска», рассказывает
о польском театре и о том,
какую роль он сыграл в его
профессиональном развитии.

Репетиция спектакля «Т.Е.О.Р.Е.М.А.Т.» Гжегожа Яжины.

Источник: Википедия

Хороший театр для меня — это сочетание свободы и точности. Точности можно научиться, ее можно в себе воспитать. Но как научиться свободе, когда вокруг ее так мало, когда общество и большинство людей вокруг несвободны? При этом очевидно, что быть свободным можно в любых обстоятельствах. Значит, речь идет о внутренней свободе или несвободе. И за свою внутреннюю несвободу отвечаешь только ты сам.

Константин Сергеевич Станиславский четко обозначил конечную и главную цель своей системы — освободить артиста для творчества. Классическое театральное образование в РФ справляется с этим, скажем так, не очень хорошо. Оно, безусловно, что-то дает, но оно точно не делает

тебя свободнее. Советско-постсоветская система ограничивает твоё мышление и твои проявления бесконечными запретами — так надо, так можно, а так нельзя.

К моменту окончания режиссерского факультета Щукинского училища я узнал много хорошего театра в прошлом и немного в настоящем — это была классика, постмодернизм, авангард. Но я не видел в театре настоящего рок-н-ролла. А поскольку я вырос на рок-н-ролле, то заниматься чем-либо, кроме него, не хотелось вообще. Мы пытались синтезировать эту энергию кто как мог, пользуясь примерами великих мастеров и проверенными методами, и процесс напоминал скорее мучительное изобретение велосипеда.

Так случилось, что той самой условной «первой аудиокассетой с записью The doors», тем при-

мером свободы, после которого ты говоришь «оу! а так можно было?», для меня стал именно польский театр конца 2000-х — начала 2010-х годов. И самое важное, что этим рок-н-рольщикам от театра — режиссерам и драматургам — было примерно столько же лет, сколько и нам, или немногим больше. Мы вдруг увидели таких же, как мы, чуваков, живущих в стране не такой уж от нас далекой и делающих в театре абсолютно сумасшедшие вещи.

Конечно, мы знали Ежи Гротовского и Тадеуша Кантора, вдохновлялись их опытом, но это

ровать, а чтобы понять принцип мышления, зарядиться этой энергией, настроиться на эту волну — и начать жить с ощущением, что в театре можно всё.

А потом, в марте 2011 года, фестиваль «Золотая маска» сделал программу «Польский театр в Москве» и привез четыре спектакля: «(А)поллония» Кшиштофа Варликовского, «Персона. Мэрилин» Кристиана Люпы, «Т.Е.О.Р.Е.М.А.Т.» Гжегожа Яжины, «Вавилон» Майи Клечевской. И это было уже, что называется, прямое подключение — полноценный опыт другого театра.

Спектакль «(А)поллония» Кшиштофа Варликовского.

Источник: Nowy Teatr

были для нас какие-то недостижимые величины — жители театрального Олимпа. А вот опыт старших сверстников, людей твоего же поколения, вдохновляет особенно. Если они так могут — значит, и я могу.

Началось все с того, что в моих руках каким-то образом оказались два диска, представляющих новый польский театр 2008–2009 годов, с видеофрагментами спектаклей. Сейчас много спорят о том, имеет ли смысл смотреть спектакли на видео. Для меня тогда этих видеофрагментов оказалось достаточно, чтобы резко расширить представление о диапазоне возможностей театра — театральных решений, театрального языка. Точно помню, что на одном из дисков была «Фабрика» Кристиана Люпы. Я пересматривал эти отрывки много раз. И не для того, чтобы буквально запомнить и скопи-

Про каждый из этих спектаклей можно много сказать. Про то, насколько они наполнены смыслами, про то, как бесцеремонно поднимали важные темы, про то, что они были про человека — про каждого из нас и про всех вообще. Но поражала прежде всего свобода в применении эстетических приемов, в выразительных средствах, а в актерском существовании впечатлял уровень осознанности, необходимый для того, чтобы играть в каждом из этих спектаклей даже небольшую роль. Заставить актера делать и говорить все это просто потому, что он работает в театре и получает за это зарплату, невозможно. Каждый выходил на сцену, понимая, для чего он выходит. Тут уже не обойтись разбором мотиваций персонажа — нужно мотивировать актера.

Все это было настолько близко, что можно было дотянуться рукой — и даже пожать руку.

После показа «Т.Е.О.Р.Е.М.А.Т.» мы познакомились с Гжегожем Яжиной, говорили о театре, и это было важно — понять, что мы во многом про одно и то же и что самое большое разделение между нами — это языковой барьер, который после второй рюмки водки легко преодолевается.

Впечатления от польского театра в 2011 году не закончились фестивалем «Золотая маска». В ноябре на гастроли в Центр имени Мейерхольда приехал спектакль «Да здравствует война!!!» (постановку с таким названием в российском театре и представить сложно), созданный тандемом Павла Демирского и Моники Штемпки. Спектакль показывали два вечера подряд; посмотрев его в первый вечер, я пришел во второй. Было очень смешно, но в зале мало кто смеялся — большинство зрителей просто не понимали, как реагировать. Театр в России — дело серьезное (иногда даже страшно, насколько), и даже сейчас не многие готовы мириться с тем, что «серьезный» театр может быть панк-роком (исключение — только театр Николая Коляды, который в России не многие принимают), а тогда, в 2011 году, это было просто как снег за шиворот.

Но дело не только в степени эпатажности, едкой иронии и театральной свободы. Дело в предложенном уровне национальной исторической саморефлексии, невиданной и неслыханной для российского театра на тот момент. Подобный критический взгляд на российскую историю (досоветскую или советскую, не имеет значения) — да еще и в театре, да еще и в такой серьезно-несерьезной форме — в России сложно было себе представить. И дело даже не в цензуре, а в степени внутренней свободы. Чтобы такое придумать, необходимо хотя бы на время в каком-то смысле перестать быть собой — собой как личностью, запрограммированной менталитетом и воспитанием.

Но потребность задавать серьезные вопросы, в том числе касающиеся национальной само-

идентификации, — вещь заразительная. Если кто-то в твоём присутствии задает себе вопрос «кто я?», ты невольно задаешься этим вопросом сам. Возможно, именно поэтому пьеса «Наш класс» Тадеуша Слободзянека после гастролей в Москве в 2013 году варшавского Театра на Воле (Teatr na Woli) стала так популярна в России. Если подобных русскоязычных пьес практически нет, значит, приходится рассказывать про себя как про «одного знакомого, который...» То же произошло с пьесой «У нас все хорошо» Дороты Масловской. Срабатывает тот самый эффект брехтовского очуждения: когда Гамлет говорит «Дания — тюрьма», а мы понимаем, что речь не про Данию.

В том же 2013 году в Варшаве состоялся фестиваль «Да! Да! Да!», представляющий уже российский театр в Польше, и мы привезли на этот фестиваль спектакль «Зажги мой огонь», который для меня стал первым собственным опытом театрального рок-н-ролла. Его показывали в театре TR Warszawa, которым руководит Гжегож Яжина (хотя, к сожалению, тогда мы с ним не встретились). В 2019 году я поставил в Русском театре Эстонии пьесу Павла Демирского «Не удивляйся, когда придут поджигать твой дом», а в декабре 2021 года будет премьера спектакля «Ревизор!» в варшавском Драматическом театре.

Сейчас, в связи с достаточно напряженной международной политической обстановкой, часто звучат заявления о том, что надо прекращать культурный диалог между странами, власти которых не могут договориться, что необходимо оборвать все связи, и тогда, может быть, удастся чего-то добиться, каких-то положительных результатов в политике. Я не могу поверить в это. Зато я верю в то, что если культурный обмен остановить, то лучше не будет никому, а потеряют от этого очень многие — по большому счету, все. Потому что всем нам время от времени нужен пример свободы.

Мультипликационная пропаганда

Лешек Талько

Чтобы в послевоенные годы студия анимационных фильмов могла существовать и создавать мультики, она должна была сперва заслужить доверие коммунистических властей. Рассказываем, как будущие создатели «Болека и Лёлека» рисовали фильмы про злых капиталистов и добрых советских солдат.

Кадр из мультфильма «Трактор А1».

Источник: пресс-материалы

По дороге едет конный воз, которым правит тощий возница. На телеге сидит неприятного вида толстая баба. Телега подпрыгивает на камне с надписью «З х ДА». Баба падает с воза, и тот уезжает в светлое будущее без лишнего балласта. Всё. Таков был первый польский мультфильм, сделанный после войны. Снял, а правильнее было бы сказать — нарисовал его Здзислав Ляхур. Художник, спортсмен, страстный поклонник мультипликации и основатель Студии рисованных фильмов в городе Бельско-Бяла.

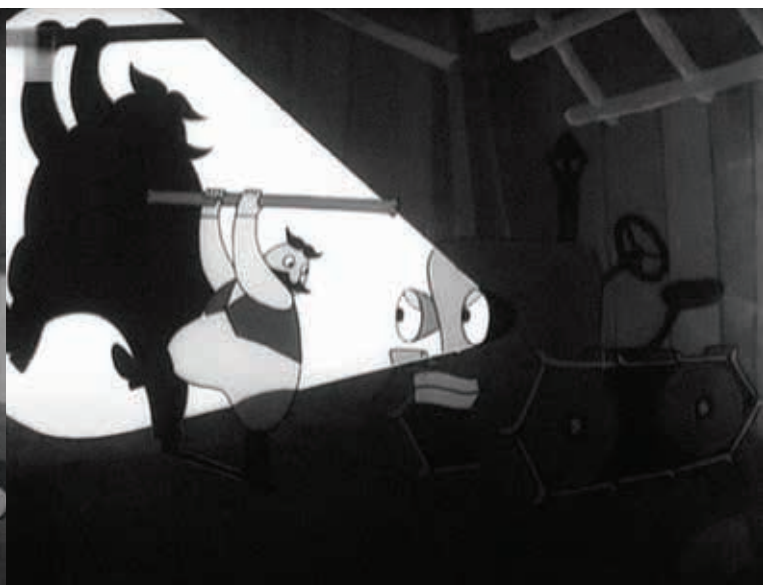
Фильм (хотя здесь трудно говорить о фильме, ведь он продолжался лишь несколько секунд) был подготовлен в качестве пропагандистского материала по случаю референдума, который состоялся в Польше через год после окончания войны — 30 июня 1946 года. Новая народная власть задавала три вопроса — ликвидировать ли Сенат, национализировать ли фабрики и средства производ-

ства, а также согласен ли народ с установлением западных границ Польши по рекам Одра и Ныса. Официальные результаты референдума, конечно же, свидетельствовали о грандиозном успехе: по утверждению властей, поляки поддержали правительство коммунистов. Много лет спустя фальсификация вышла наружу. За ликвидацию Сената проголосовало не 68 % поляков, как гласили официальные результаты, а всего 27 %.

Здзислав Ляхур считал, что анимационный фильм — это отличное средство пропаганды. Двумя годами позже он основал киностудию, ко-

торая впоследствии стала культовой Студией рисованных фильмов в Бельско-Бялой, выпускавшей всемирно известные детские мультфильмы. Миллиарды детей выросли на приключениях Болека и Лёлека, Рекса, Вавельского Дракона — и почти никто не помнит, что начиналось всё с пропагандистских картин для взрослых.

Нужна была благосклонность властей, поэтому студия решила создавать фильмы, которые понравятся коммунистам. Сначала Ляхур разделил сотрудников на три команды. Первая из них начала работу над фильмом «Их тропинка». Его сюжет — свидание влюбленных: они встречаются

Кадры из мультфильма «Трактор А1».

Источник: пресс-материалы

торая впоследствии стала культовой Студией рисованных фильмов в Бельско-Бялой, выпускавшей всемирно известные детские мультфильмы. Миллиарды детей выросли на приключениях Болека и Лёлека, Рекса, Вавельского Дракона — и почти никто не помнит, что начиналось всё с пропагандистских картин для взрослых.

Экспериментальная киностудия — так она называлась в 1948 году — поначалу располагалась в одной комнате в редакции газеты *Trybuna Robotnicza* в Катовице. Студия еще несколько раз меняла свой адрес, но в первые годы по-прежнему оставалась любительским предприятием, а у принимаемых на работу сотрудников было слабое представление о мультипликации — либо вообще никакого.

Здзислав Ляхур, сам назначивший себя руководителем студии, все еще надеялся, что власти заметят его коллектив, выделят средства и поме-

Лешек Талько — репортер, писатель, фельетонист. Автор более 20 книг, в том числе «Короли сказок». Рассказ о Студии рисованных фильмов в Бельско-Бялой.

в парке, а тем временем рядом кипит строительство новых домов и магазинов. Восхищенные влюбленные входят в свежевыстроенный торговый центр, где полки ломятся от всевозможных товаров, а услужливые продавцы всячески пытаются угодить покупателям.

Конечно, в послевоенной действительности ничего такого не было и в помине, и, возможно, именно поэтому фильм, несмотря на свой пропагандистский дух, лег на полку и не пошел в прокат. А может быть, несмотря на искренние старания мультипликаторов, правительственных чиновни-

Фильм про трактор тоже угодил на полку, и тоже в точности неизвестно, почему так произошло. До сотрудников студии дошли лишь слухи, что руководству не понравился главный герой.

В конце концов, при социализме новые принципы должны проводить в жизнь молодые, энергичные персонажи, а не старые трактора. Тогда как в этом фильме — хотя новые трактора в конце и приходят на подмогу старому служаке — все-таки и идея, и борьба с кулаком были заслугой ветерана А1.

Кадры из мультфильма «За новое завтра».

Источник: пресс-материалы

ков не устроила форма. И влюбленная пара, и магазин выглядели как в довоенные времена, а коммунистической власти возврат к прошлому был совсем ни к чему.

Вторая команда создала фильм «Трактор А1». Этот фильм стал первым произведением Владислава Нехребецкого, того самого, который 15 лет спустя придумает культовых Болека и Лёлека. Пока он придумал сделать главным героем трактор. Старый трактор А1 решил произвести революцию в сельскохозяйственных работах. К сожалению, о его планах узнал злой кулак — землевладелец, который не желает, чтобы крестьяне могли пользоваться новыми технологиями, а хочет, чтобы они продолжали трудиться в поле за нищенскую оплату. Кулак ломает трактор, но тот не сдается и возвращается с толпой других тракторов — более современных и быстрых. Вместе они прогоняют гнусного богача и пахут землю в большом счастливом колхозе.

В рукаве у студии оставалась последняя карта. Производство анимационного фильма — это тысячи выполненных вручную рисунков и целые месяцы работы. В ситуации, когда два первых фильма оказались на полке, у студии почти не оставалось шансов на получение денег и постоянного помещения. Если бы подвела и третья команда, студии, вероятно, пришлось бы закончить свою деятельность.

Коллектив насчитывал уже несколько десятков человек, которые жили в одном, чудом арендованном здании — жили вместе с женами и детьми, а иногда даже и с родителями, потому что в разрушенной послевоенной Польше у них не было своего жилья.

Под конец, как писал в своих воспоминаниях Лешек Калужа, они питались исключительно хлебом с повидлом, который подавался на завтрак, обед и ужин, но денег не хватало так сильно, что

вскоре и это уже было бы им не по карману. Тем, что им вообще как-то удалось продержаться так долго и сделать несколько фильмов, они были обязаны Александру Форду — директору киностудии Film Polski. Мультипликаторы заинтересовали его своими работами, и он дал им немного денег, которых хватило на аренду виллы в горах. Сотрудники студии были так бедны, что им пришлось скинуться на железнодорожные билеты, чтобы поехать в Лодзь, где жил и работал Форд. На гостиницу денег не оставалось, так что тройка эмиссаров переночевала на вокзале, а единствен-

Кадр из мультфильма «За новое завтра».

Источник: пресс-материалы

ный раз поесть они смогли благодаря жене Форда, которая поняла, что приезжие киношники просто умирают от голода.

Однако теперь все заначки кончились, и остался последний фильм, ставший спасательным кругом. На ленту «Волк и медвежата» никто не делал ставку: его автор Веслав Вайсер считался крепким, но не слишком блистательным автором. К тому же в этом фильме не поднимались важные социальные вопросы: на первый взгляд, это был обычный детский мультфильм. Злой волк намеревается напасть на маленьких мишек и съесть их. Однако он не предполагает, что те, вместо того чтобы покорно ждать, объединятся и позовут на помощь сильную маму-медведицу. Все вместе они задают агрессору хорошую трепку.

Намек был понятен: в одиночку нам не справиться с США — злым волком, готовым сожрать маленького медвежонка, то есть небольшому соци-

алистическую страну. Однако если все маленькие медвежата — социалистические страны — выступят вместе (конечно же, во главе с мамой-медведицей в лице Советского Союза!), то злой волк удержит за тридевять земель.

Власти клюнули на этот фильм, а у авторов гора свалилась с плеч. Студия — по крайней мере, на время — была спасена. Но настоящего хита все еще не хватало.

Это было начало 50-х годов. Во всем мире, и в Польше тоже, анимационный фильм не рассматривался как развлечение для детей. Даже на показы лент, которые сегодня считаются типично детскими — вроде «Белоснежки и семи гномов» — ходили в основном взрослые. Мультфильмы покороче показывались перед сеансами художественных фильмов для взрослых (сегодня это место занимает реклама). Вот за эту нишу и боролись мультипликаторы. Когда над студией вновь нависла угроза закрытия, Лешек Лорек — еще один из тех, кто через двенадцать лет будет создавать «Болека и Лёлека» — как раз заканчивает свой фильм «За новое завтра».

Идет 1951 год. Продолжается холодная война, еще правит железной рукой Иосиф Сталин, а пропаганда пугает войной и буржуазией, которая хочет свергнуть социализм. «За новое завтра» пришлось как нельзя вовремя.

С плаката, вывешенного на заборе, сходит страшный, толстый и отвратительный капиталист и начинает мутить воду. Он переставляет буквы на плакатах, информирующих о Конгрессе в защиту мира. В надписи «Мы не хотим войны» он замазывает слово «не», а в конце, подобно террористу, намеревается взорвать настоящую бомбу. К счастью, с плакатов сбегает дети, чтобы остановить его. С другого плаката, чтобы защитить детей и прогнать капиталиста, сходит замечательный советский солдат. И в конце, когда уже кажется, что капиталист вот-вот взорвет бомбу, его настигает польский рабочий и ударом молота отправляет в космос. Мир спасен.

Фильм получил приз на фестивале в Москве. И с этого момента существованию студии уже ничто не угрожало. Нельзя же было закрыть кинопредприятие, создавшее картину, которую высоко оценили в СССР! И так, благодаря страшному капиталисту, которого остановили советский солдат и польский рабочий, миллионы детей уже через несколько лет могли наслаждаться сотнями самых обыкновенных приключенческих мультфильмов.

Перевод Владимира Окуня

Рождество в польском кинематографе

От романтических комедий до триллеров:
как польские режиссеры в разные эпохи
показывали и показывают праздник.

Лукаш Ясина

Кадр из фильма «Необыкновенно спокойный человек». Источник: FotoTeKa

Кадр из фильма «Предпраздничный вечер».

Источник: FotoTeKa

Рождество Христово не всегда было в Польше самым главным днем в году, но постепенно, за последние два столетия, именно оно стало важнейшим семейным праздником для большинства поляков. Как американцы съезжаются даже издалека, чтоб встретиться в День благодарения, так и поляки зачастую проделывают очень далекий путь, чтобы в Сочельник воссоединиться с семьей.

Конечно, рано или поздно эта традиция должна была найти отражение и в кинематографе. Неслучайно это произошло после Второй мировой войны, когда люди особенно нуждались в умиротворении и праздничном настроении. Уже в первом послевоенном фильме «Запрещенные песенки» (Zakazane piosenki, 1946) Леонарда Бучковского мы видим, как встречи за праздничным столом во время войны успокаивают и сплавляют жителей Варшавы, которых преследуют гитлеровцы.

Впрочем, в первые годы своего правления коммунисты стараются вытеснить Рождество из жизни поляков и заменить его, как это было в СССР, Новым годом. Конечно, семьи не перестали встречаться на Сочельник, но из популярной культуры упоминания праздника практически ис-

чезли. Только когда со сталинизмом было покончено и наступили времена «малой стабилизации», рождественские традиции вернулись и на страницы газет, и на экраны.

В 1966 году Елена Амираджиби, переехавшая в Польшу грузинская кинематографистка, и ее муж Ежи Стефан Ставиньский снимают «Предпраздничный вечер» (Wieczór przedświąteczny) — картину,

Лукаш Ясина — историк, киновед, публицист.

Соучредитель и многолетний редактор интернет-журнала Kultura Liberalna. Выпускник Люблинского католического университета и Гарварда. С 2021 года пресс-секретарь МИД Польши.

Кадр из фильма «Посреди ночной тишины».

Источник: FotoTeKa

в которой Кшиштоф Хамец в роли варшавского холостяка «на выданье» бродит в сочельник по улицам столицы в поисках любви.

В 1973 году Богдан Поремба изображает канун Рождества в картине «Майор Хубаль» (Hubal) — пожалуй, самом «американском» польском фильме о войне. В нем партизанский отряд майора Генрика Добжаньского (подпольная кличка — Хубаль) появляется в костеле и принимает участие в рождественской службе. Между прочим, сам майор — реальная историческая фигура. Праздник на фоне войны показан и в фильме «Тихая ночь, святая ночь» (Cicha noc, Święta noc, 1970) Марека Пестрака, где события рождественской ночи в горной деревушке переплетаются с немецкими злодеяниями.

В рождественских декорациях создаются и легкие комедии. В 1975 году легендарный режиссер Станислав Барей, мастер этого жанра, снимает «Необыкновенно спокойного человека» (Niespotykanie spokojny człowiek) с Янушем Клосиньским в главной роли. Герой картины, действие которой происходит в сочельник, — крестьянин родом с прежних восточных польских земель, который пытается найти своему сыну подходящую жену.

Однако в более позднем культовом фильме того же Барей «Мишка» (Miś, 1981), события кото-

рого тоже разворачиваются перед Рождеством, уже нет ничего теплого и радостного. Рождественская баллада, исполняемая в конце фильма Эвой Бем, завершается сценой, когда все герои оказываются в грязи. Даже святой день больше не свят.

В 1978 году Тадеуш Хмелевский снимает триллер «Посреди ночной тишины» (Wśród nocnej ciszy), в котором Рождество Христово становится фоном для преступлений детоубийцы. Польский кинематограф уже не рассматривает праздник исключительно в качестве антуража для трогательных историй.

В 1981 году Войцех Ярузельский вводит в Польшу военное положение. Многие семьи оказываются разделены, атмосфера в обществе тяжелая — поэтому неудивительно, что Рождество вновь становится важной темой. В фильме «Сочельник-81» (Wigilia '81) Лешека Восевича появляются фигуры трех женщин, которые ждут арестованного оппозиционера: жена, мать и бабушка. В роли последней снялась великая польская актриса Зофья Мрозовская. По понятным причинам фильм несколько лет пролежал на полке.

В 1983 году актер Игнаций Гоголевский решает экранизировать биографию Циприана Камилля Норвида, а точнее — жизнь великого поэта в парижском приюте для польских эмигрантов, «Доме

Съемки фильма «Письма к М.».

Фото: Радослав Навроцкий / Fotum

святого Казимира». Такое же название получает и сам фильм (*Dom świętego Kazimierza*), а в центре его оказывается бойкот рождественской вечери разочарованными стариками-эмигрантами. Если уж поляк отказывается праздновать Рождество — это, несомненно, имеет глубокий смысл.

После 1989 года Рождество по-прежнему присутствует на польских кино- и телеэкранах. В основном это романтические комедии по образцу западных, например, трилогия «Письма к М.» (*Listy do M.*), выходявшая на протяжении последних восьми лет.

Есть, однако, и такие выдающиеся произведения, как «Желтый шарф» (*Żółty szalik*), снятый в 2000 году классиком польского кино Янушем Моргенштерном. В нем Януш Гайос играет бизнесмена-алкоголика, который получает на Рождество в подарок от матери тот самый вынесенный в название шарф. Подарок и праздник становятся здесь метафорой обновления и перемен в жизни. В том же году другой известный режиссер, Януш Кондратюк, снимает «Ночь святого Николая» (*Noc świętego Mikołaja*). Это история о двух преступниках, которым приходится изобразить «щедрого святого», принеся подарки детям, и которые в итоге тоже изменяются под воздействием Рождества. Эта картина — из числа наиболее интересных.

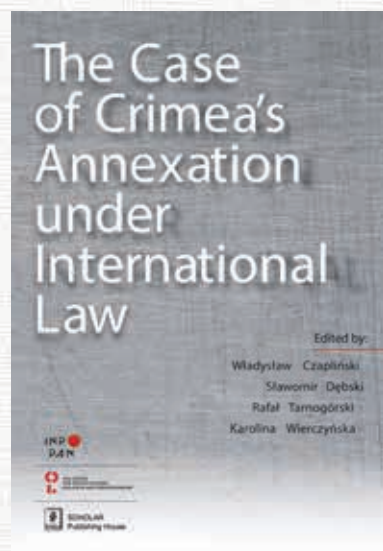
Можно найти рождественские мотивы и в польских сериалах, и в телевизионных фильмах. Однако по сравнению с теми же США, где ежегодно появляется новый рождественский фильм, их совсем немного. Почему же поляки не следуют примеру Голливуда?

Ответ простой: мы сами смотрим и американские фильмы тоже. Каждый год вся Польша усаживается перед телевизором и смотрит «Один дома» — это так же традиционно и неизбежно, как «Ирония судьбы» в России. Рождественская кинопродукция — это бизнес, поэтому производится ровно столько фильмов, сколько получит-ся продать кинотеатрам. Так зачем снимать свои, когда можно показывать иностранные?

Впрочем, возможно, дело еще и в том, что Рождество в Польше утрачивает глубокий философский смысл и магический ореол. Праздничная атмосфера окутывает нас с самого начала ноября и подчинена законам маркетинга.

Хочется надеяться, что на самом деле Рождество остается для поляков чем-то большим, чем застолье, подарки и выходные. Возможно, однажды главный праздник вернется и в серьезное кино.

Перевод Владимира Окуня

**Книги можно приобрести на сайте
www.sklep.cprdip.pl**

**CENTRUM
POLSKO-ROSYJSKIEGO
DIALOGU I POROZUMIENIA**

**Ministerstwo
Kultury
i Dziedzictwa
Narodowego**

